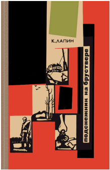
К. ЛАПИН

подснежники на бруствере



К. ЛАПИН

ПОДСНЕЖНИК НА БРУСТВЕРЕ

ЗАПИСКИ
СНАЙПЕРА
ЛЮБЫ
МАКАРОВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ"
1966

3КСМІ
Л24

Жарким летом 1943 года на Калининский фронт прибыла рота выпускниц Центральной женской снайперской школы, созданной по инициативе ЦК ВЛКСМ. Помню этих милых, мужественных девчат: скатки через плечо, на ногах кирзовые, увы, не легкие солдатские сапоги, снайперские винтовки за спиной. И почти у каждой за плечами всего-навсего 18 или 19 лет жизни... Воины любили и уважали девушек-снайперов за меткую стрельбу, бесстрашие, героизм.

И новая встреча через двадцать лет, в мае 1963 года, на традиционном слете ветеранов войны. Некоторых снайперов я помнил еще по фронту, где был в ту пору военным корреспондентом, со -многими встретился здесь впервые. Знакомство с Любовью Михайловной Макаровой, одной из рядовых героинь снайперской роты, кавалером двух орденов Славы, положило начало настоящей творческой дружбе, продолжающейся по сей день.

УЛюбовь Михайловна обладает завидной памятью, я бы сказал, памятью сердца. Она любит и умеет рассказывать, письма ее удивительно душевны, полны точных, поэтических деталей, мягкого юмора. Если собрать все письма, которые она прислала мне за это время, и рассказы, которые я записал с ее слов, получится целый том интереснейших воспоминаний о войне.

Больше года занимался я сбором материала для книги, рассказал об этой работе по радио и телевидению. Стали приходить письма от подруг Макаровой, от ее однополчан—солдат и командиров. Это помогло расширить картину боев и походов, уточнить фамилии и географические названия, хронологию событий. А главное — прибавило фактические подробности, которые так важны, когда пишешь о реально существовавших людях.

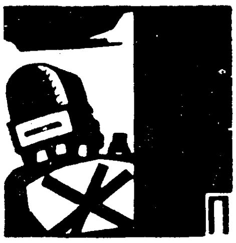
Повесть документальна, герои ее названы своими подлинными именами, многих читатель увидит на фотографиях, разысканных в архивах военных лет. И вместе с тем это не история части, раскрывающая весь боевой путь женской снайперской роты. Любовь Михайловна вспоминает лишь тот его отрезок, который прошла своими ногами, лишь те события, участницей которых была сама, лишь тех людей, которых знала и любила. Именно поэтому рассказ ведется от ее лица.

Если книга удалась, это заслуга Л. М. Макаровой и тех товарищей, которые помогали нам в нашей коллективной работе. Моя же задача заключалась в том, чтобы превратить разрозненные рассказы и воспоминания в более или менее стройное повествование о комсомолках грозных сороковых годов.

Константин ЛАПИН

Светлой памяти подруг по оружию, павших в боях за нашу Родину

НЕОБЫЧНЫЕ СОЛДАТЫ



Позади остались развалины Великих Лук, шоссе бежит в сторону Невеля. За дальней грядой холмов на горизонте погромыхивает, усиливаясь по мере нашего приближения к фронту, артиллерийская канонада. Два грузовика с запыленными гвардейскими значками на радиаторах мчат к передовой роту не совсем обычных солдат.

Посмотреть со стороны — воины как воины: пилотки со звездочкой, пятнистые маскхалаты, винтовки крепко зажаты меж колен. Но порывы встречного ветра вырывают из-под пилоток то светлую, то темную прядь мягких девичьих волос. Нет-нет да и затянет высокий голос песню и дружно подхватывают ее другие. И винтовки необычные — с оптическим прицелом, укрытым кожаным чехольчиком, и обращение с ними особенно бережное.

Необычные солдаты — это мы, пятьдесят воспитанниц Центральной женской снайперской школы под Москвой. Первый выпуск школы! Каждая из нас горда, что попала во фронтовую роту. Мы только что пристреляли свои винтовки в запасном армейском полку, а некоторые успели и отличиться во время инспекторских стрельб, оставив позади прославленных снайперов армии. Теперь мы направляемся в свою часть — в 21-ю гвардейскую стрелковую дивизию Третьей ударной армии.

По краям шоссе разворачивается однообразный, бедный красками пейзаж Псковщины: выгоревшие под солнцем холмы, заброшенные из-за войны пашни, перелески и бор, стоящий сплошною синей стеной, зеркальца бесчисленных безымянных озер и озерочков с заросшими камышом протоками. Кое-где земля изрыта глубокими воронками от снарядов и авиабомб. В низинах воронки до краев полны черной водой. Под откосом рыжий от огня вражеский транспортер, он разбит прямым попаданием; стальная гусеница растянулась далеко по траве.

Водитель, не сбавляя скорости, высовывает голову из окна кабины и беспокойно озирает небо. Как по команде, мы смотрим вверх. Нам везет: низкая облачность мешает действиям вражеской авиации.

Впереди часто загрохотали пушки. Близкое дыхание войны сгоняет улыбки с лиц, гасит возникающую песню.

На развилке головная пятитонка, замедлив ход, сворачивает на проселок. Притормаживает и наш водитель: те, кто в первой машине, едут в 69-й стрелковый полк, а мы — в соседний, 59-й. Это наше первое расставание после снайперской школы, впереди неизвестность. Подруги машут нам, кто-то встает в кузове во весь рост:

— До скорой встречи, девочки! Желаем удачи!

Грузовик поднимается на бугор и исчезает в ложбине. Облако пыли, поднятой колесами, медленно оседает на траву. Наш водитель, не теряя времени, заруливает машину в ближний лесок. Подминая кусты, пятитонка въезжает в густые заросли ольховника и останавливается.

Из кабины выбирается молоденький лейтенант, он должен сопровождать нас до места.

— Шабаш! Приехали, девушки! Отсюда до передка рукой подать...

Водитель открывает задний борт грузовика. Осторожно передав пристрелянные винтовки тем, кто сошел раньше, спрыгиваем наземь. Затекшие ноги не слушаются. Моя напарница Зоя Бычкова не то для разминки, не то просто так, чтобы посмешить, идет по кругу, переваливаясь, как утка, с ноги на ногу. Раздается смех. Хмурится старшая снайперской группы Саша Шляхова.

•— Девочки, что за веселье? Мы не в школе.

^6 стрелков, разбитых на снайперские пары, дважды «чертова дюжина»! Команды строиться нет, но мы, разобравшись по парам, выстраиваемся в два ряда. Теперь веселая Зоя надумала демонстрировать сверхусердие: вытянулась по струнке, выкатила грудь колесом. Незаметно подталкиваю свою заводную напарницу. Действительно, здесь не школа.

Лейтенант, успевший выломать и очистить от коры ветку орешника, оглядывает строй, хлопает самодельным стеком по голенищу сапога.

— Ну, пошли, девчата!

Бесшумно шагаем за ним по тропке, ведущей к штабу полка. Склон холма, на который мы поднимаемся, порос мелким кустарником. Не сразу между кустами заметишь землянки, обложенные дерном по самую верхушку. Отличная маскировка! Не только с воздуха — вблизи не видны.

Где-то позади бухает полковая пушка, над головой с шелестом проходит снаряд, чуть позже далеко впереди слышится лязгающий звук разрыва. Совсем близко, как кажется, стучит станковый пулемет. Штаб полка — еще не совсем передовая, но звуки войны, такие громкие и новые для слуха, заставляют сжаться сердце.

На поляне перед штабным блиндажом, возле которого стоит часовой с автоматом, остановка. Лейтенант и Саша Шляхова идут представляться командиру полка. Рассаживаемся в кружок, с наслаждением вытягиваем ноги. Щегольские финки — прощальный подарок наших шефов из ЦК ВЛКСМ — сдвинуты на ремне, чтобы не уколоться о ножны. Снайперские винтовки у каждой на коленях оптикой вверх: не сбить бы прицел!

Не без удивления разглядывают девушек бойцы, появляющиеся из лесу, — уж больно грозен, наверное, наш вид: в маскхалатах, вооруженные до зубов! А мы с завистливым уважением смотрим на фронтовиков, на их видавшие виды, черные от пота или, наоборот, белые от частых стирок гимнастерки, на плащ-палатки, на гвардейские значки, краснеющие эмалью, словно боевые ордена.

Возле маленькой Зои опускается на корточки автоматчик в немецком маскхалате, его внимание привлекла новенькая финка.

— Ай, хорош ножичек! Подари, курносая. Зачем он тебе? А мне в разведке ой как пригодится.

— Надо еще заслужить такой подарок, — отрезает Зоя. — Я ж не прошу тебя: подари автомат!

Сидящий поодаль усатый, в годах, гвардии сержант с медалью «За отвагу» на груди принимает сторону девушки.

— Правильно говоришь, дочка, оружие надо заслужить!

Это, по всему видать, обстоятельный человек. Подсев ближе, он расспрашивает Зою, на каком расстоянии более всего действен бой снайперской винтовки, и сколько пришлось учиться искусству сверхметкой стрельбы, и бывал ли кто из нас в боевых переделках. Ему отвечают сразу несколько голосов. Усач выслушивает всех, молча кивает головой, словно поддакивая, но в прищуренных его глазах я вижу сомнение, даже недоверие. Что ж, война словам не верит!..

Возвращается Саша Шляхова, сияет: довольна результатами переговоров.

— Подъем, девушки! Командир полка приглашает нас к себе на ужин. А там — в батальоны, нас уже ждут.

Высокий подполковник в кителе, увешанном боевыми орденами, поднимается из-за стола. Из штаба армии сообщили о наших успехах на стрельбище, говорит командир, он рад, весьма рад, что такие меткие стрелки будут служить у него в полку. Снайперы сейчас, в обороне, особенно нужны.

Связной командира разливает густой, наваристый суп, насмешливая девушка с погонами рядового ставит перед нами полные миски. Поначалу чувствуем себя несколько скованно, разговор не завязывается. Отвечая на вопросы подполковника, вскакиваем и вытягиваемся, задевая край стола.

—• Да не вставайте, девчата, и без того тесно! — улыбается он. — К чаю сладкое-то найдется у тебя? — спрашивает командир полка у связного.

Похоже, он больше видит в нас девушек, а не солдат, не снайперов. Придется делом доказать свою боевую выучку! К этому мы все готовы...

Смеркается, когда выходим из блиндажа. Стрельба затихла, вдали, через правильные промежутки, бухает одинокое орудие. В ожидании связных из батальонов усаживаемся на землю и затягиваем песню, которую разучили в запасном полку. Особенно лихо отчеканиваем строчки, относящиеся к нашей теперь армии:

Третья ударная, боевая, славная,
Силой богатырскою немца разобьет!..

К блиндажу подходят офицеры-артиллеристы. Капитан — самый молодой из них, но, видно, старший по должности — спрашивает у часового:

— Откуда столько соловьев налетело?

— Пополнение, товарищ гвардии капитан. Снайпера.

Девушки поспешно вскочили и приветствуют офицеров, как положено по уставу. Только вовсе не похож на начальство щеголеватый гвардии капитан в фуражке с лакированным козырьком, заломленной набекрень.

— Да тут, я вижу, и чижики есть! — капитан, улыбаясь, посматривает на самых маленьких из нас.

Бойкая Зоя выталкивает вперед Аню Носову, лучшую нашу песенницу: в роте ее и впрямь зовут Чижиком.

— Вот кто у нас главная запевала, товарищ капитан.

— Молодец, главная запевала! — Голубые глаза артиллериста останавливаются то на одном, то на другом лице. — И куда же путь держите?

На вопрос, вытянувшись в струнку, отвечает Шляхова:

— Половина — в первый батальон, товарищ гвардии капитан, остальные — во второй.

— И ни одной в артдивизион?! — Офицер щурит глаз и подмигивает одному из своих спутников. — Что вы скажете на это?

— Грабеж, Борис! — басит старший лейтенант.— Как всегда, богов войны затирают.

— Ну, мы ще побачимо, хто кого! — Капитан неожиданно переходит на украинскую речь. — Бувайте здоровеньки, дивчата! — И, вскинув ладонь к козырьку, он первым скрывается в блиндаже.

Клавдия Прядко, услышав родной язык, переглядывается со Шляховой. Интересно, откуда родом артиллерист? Часовой, к которому подруги обращаются с вопросом, не знает этого.

— Вот если б вы, дочки, спросили, как палят пушки капитана Шора, я бы вам сказал. Берут немца в шоры, одним словом!

Это была не единственная солдатская поговорка о прославленном пушкаре, командире артдивизиона гвардии капитане Борисе Шоре.

Совсем стемнело, когда пришли связные. Я оказалась в группе, назначенной в первый батальон. Мы тронулись. Наш провожатый, закинув автомат за спину, шел впереди. Он негромко напевал песенку, входившую в моду на фронте: «Нина, Ниночка, моя блондиночка». Никто не подтягивал, не до того было.

Узкая, извилистая тропа вела в овражек. Идем, ступая след в след, стараемся не зацепить винтовкой за куст. Совсем близко и уже позади нас строчит пулемет. Громко хлопает винтовочный выстрел. Взвивается ракета, высветлив верхушки деревьев, отчего лес кажется театральной декорацией.

Я жадно всматриваюсь в темноту, к передовой ведь идем... Автоматчик, покончив с одной песней, высвистывает другую: «Ты ждешь, Лизавета...» Неужели решил перебрать все женские имена? Сначала меня поразило, как это он не боится шуметь среди ночи по пути на передовую. Потом стало понятно: для него расположение батальона — это глубокий тыл; на войне все относительно. И надо ведь перед новичками, да к тому же девчатами, свою лихость показать!

На скате высоты землянка, чернеет открытая дверь. Неподалеку еще одна землянка, от нее отделяется фигура часового. Узнав нашего провожатого, он сердится:

— Опять шумишь... Свистун!

Но связного нелегко смутить.

— Вот ваша деревня, вот ваш дом родной! — громко говорит он, показывая автоматом на пустую землянку. — Устраивайтесь, сестрички, не буду мешать.

Внутри довольно тесно и абсолютно темно; сквозь крошечное оконце вряд ли и днем пробивается свет. Разобравшись, ложимся вповалку на нарах из жердей, покрытых лапником. И засыпаем сразу, как убитые.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Утром стук в дверь.

— Спите? — спрашивает мужской голос. — Пора вставать!

Поспешно спускаем ноги с нар, прислушиваемся к утренней перестрелке. Многие уже успели умыться: ведро с водой кем-то заботливо поставлено у входа.

Небольшая последняя приборка, и дверь распахнута настежь. В землянку входят, наклоняя голову у притолоки, два офицера.

— Комбат Рыбин! — представляется первый.

— А я — Булавин, правая его рука, здешний замполит. Садитесь, садитесь, девушки, в ногах правды нет!

Подождав, пока сядут командиры, кое-как размещаемся сами. Проход узкий, сидящие на противоположных нарах едва не касаются коленями друг друга, Зоя Бычкова забралась на нары с ногами.

— Выходит: кому тесно, а нам будет место! — Булавин поворачивается к командиру батальона. — Говорил я тебе, Петр Алексеевич: еще землянка нужна, да поболее этой.

— В тесноте, да не в обиде! — в тон ему отвечает комбат. — Не век в обороне стоять, комиссар, вперед пойдем — лучше устроимся.

Даже при моем малом военном опыте понимаю сразу, что капитан Рыбин — кадровый офицер. Гимнастерка, ремни, пистолет — все как-то особенно ладно пригнано на нем. Отличная выправка, взгляд ясный, открытый, кудри русые — таков наш комбат!

Булавин ростом пониже, немного сутулится и поэтому кажется старше своих лет. Нам еще предстояло познакомиться с несгибаемой волей комиссара, как все в батальоне звали Булавина, предстояло узнать, за что его так любят и уважают воины.

Капитан Рыбин достал из планшета карту. Булавин, щуря небольшие свои серые глаза, разглядывал снайперов. Взгляд его задержался на маленькой Зое Бычковой, которая, по-детски раскрыв рот, уставилась на замполита.

— Сколько же вам лет, девушки?

Вопрос относился ко всем, но Зоя приняла его на свой счет.

— А что? — не по уставу, вопросом на вопрос, ответила она. И тут же поспешно поправилась: — Товарищ гвардии капитан, мы все совершеннолетние.

В углу кто-то прыснул.

— Восемнадцать, значит, все-таки есть. Немного, немного... — Булавин откашлялся. — Ладно, девушки, коли надели вы военную форму, приняли присягу, прежде всего вы воины. И главный ваш воинский долг — выполнить приказ своего командира. Потому что приказ командира — это приказ Родины, партии.

Комбат Рыбин показал на карте, какую позицию занимает батальон, отметил выгоды и неудобства позиции.

— На местности вы лучше увидите, — закончил он. — Сегодня же вас распределят по ротам и взводам. Для начала к каждой паре будет приставлен опытный снайпер-наставник.

— Опять учить будут, — недовольно протянула Зоя.

Лицо Булавина, покрытое редкими темными веснушками, казалось, просветлело от улыбки.

— Ишь, какая ученая! Умный всю жизнь учится. А настреляться успеете, война не завтра кончается. Час побережешься — век проживешь! Без разрешения командования батальона за передний край не вылезать, ясно?

— Ясно, товарищ гвардии капитан! — за всех ответила ему Шляхова.

Рыбин что-то тихо спросил замполита.

— А как же, Петр Алексеевич, я вызвал ребят к восьми ноль-ноль. У нас в запасе... — Булавин взглянул на большие ручные часы, — двадцать минут... Девушки, а знаете ли вы, в какую часть прибыли, чем она славна?

В запасном полку мы слышали историю боевой 21-й гвардейской стрелковой дивизии. Суровой зимой сорок первого года дивизия наступала западнее Ржева, поначалу имела успех, но, израсходовав боеприпасы, попала вместе с другими частями в окружение. В сорок втором, с боями прорвав вражеское кольцо, дивизия вышла из окружения. Тогда она и получила звание гвардейской. Гвардейцы устроили гитлеровцам настоящий разгром на Смоленщине, а войдя в состав Ударной армии, участвовали в освобождении Великих Лук.

Булавин рассказал и то, что мы не знали. Оказывается, дальним нашим правым соседом был «Матросовский полк» — так воины называли часть, в которой служил Александр Матросов. Полугода не прошло с того зимнего дня, когда Матросов, атакуя вражеский дзот, собственной грудью закрыл извергающий огонь ствол фашистского пулемета. Подхваченные порывом Матросова, бросились в атаку его товарищи и выбили немцев из деревни Чернушки, превращенной врагом в опорный узел.

•— Придет время — герою памятник поставят. Комсомольский билет Матросова, пробитый пулей, будут в музее показывать. На память помню запись, сделанную Сашей на обложке билета: «Буду драться с немцами, пока мои руки держат оружие, пока бьется мое сердце...»

Девчата притихли.

— Ладно тебе, комиссар, прошлое ворошить, — вмешался в разговор комбат. — Их женихи по земле ножками топают. Да вот, легки на помине.

В дверях землянки, закрывая свет, выросли две фигуры в маскхалатах и касках, со снайперскими винтовками за плечами.

— Товарищ гвардии капитан, прибыли по вашему приказанию! — отрапортовал Рыбину рослый старшина.

— В самое время пришел, Ганночка, — сказал комбат. — Это наш снайпер номер раз, будет вашим учителем, девушки. А кто с тобой? Петренко?.. Ну, Петренко совсем жених из женихов, он у нас холостой...

Мы потеснились, пытаясь освободить место на нарах.

— Двинулись, комиссар! — Рыбин встал. — Полагаю, они и без нас познакомятся.

— Ганночка, не забудь рассказать девчатам про зарубки на твоей винтовке! — напомнил старшине Булавин.

Командиры ушли. Ганночка, присев на краешек нар, сворачивал цигарку. Петренко, смущенный представлением комбата и нашим пристальным вниманием, стоял у двери, не решаясь сесть.

Так вот они какие, гордость армии, гроза фашистов! Худое, почти черное от загара лицо Михаила Ганночки изрезали глубокие складки, в уголках прищуренных глаз веером собрались морщинки — не то от привычки целиться, не то от дум, — тонкие губы плотно сжаты. Совсем не похож на него Петренко — румянощекий хлопец с густыми черными бровями, сросшимися на переносье.

— Ой, какой шершавый! — ойкнула Зоя Бычкова, огладив приклад винтовки Ганночки. — Сколько ж тут зарубок?

— Та от до сотни догоняю...

Землянка ахнула. Во время инспекторских стрельб в запасном полку мы слышали о знаменитой, бьющей без промаха винтовке Ганночки, на прикладе которой снайпер отмечал ножом каждое удачное попадание. Винтовка пошла по рукам...

— Вот бы и мне такое «вещественное доказательство»! — помечтала вслух одна из девушек. — Хотя бы к концу войны.

— А я не стану свою красавицу винтовочку портить,—не соглашалась другая. — Слишком много чести для фрицев — персонально каждого отмечать.

— Ты сначала хоть одного отправь в «Могилевскую губернию», — говорила третья.

Словом, шум поднялся немалый. Саша Шляхова попросила:

— Товарищ гвардии старшина, расскажите, как вы первого своего фашиста срезали.

Ганночка только руками развел.

— Хоть убейте — не помню, как в тумане был. Я из простой трехлинейки тогда стрелял. Снайперскую мне позже вручили, когда я уже больше десятка их нащелкал. У меня тоже к вам, дивчатки, вопросец, — сказал он вдруг. — Мабуть, хохлушки е у вас?

Отозвались сразу две — Клавдия Прядко и Саша Шляхова. Лицо снайпера расплылось от удовольствия, когда он услышал родную мову. Он забросал подруг вопросами.

— Аз видкиля вы? А чому не на том, не на Украиньском фронте? А батько, маты е?

Узнав, что Прядко в первые месяцы войны потеряла семью, Ганночка поведал свою беду. Он и сам ничего не знал о жене и родных, оставшихся на оккупированной Днепропетровщине. Знает только: ему есть за что мстить врагу. В одном снайпер был не согласен с Клавдией, заявившей, что ей, одинокой, умирать не страшно.

— Про смерть нэхай думае той катюга проклятый!

Пока земляки беседовали, мы атаковали Петренко. Какой его боевой счет? Много ли девушек в батальоне? Есть ли у него зазноба — здесь или в тылу? Хлопец заливался румянцем от столь дружной снайперской атаки.

Естественно, что Ганночка стал инструктором-наставником украинской пары: Прядко и Шляховой. А на Петренко был такой большой спрос, что он взмолился:

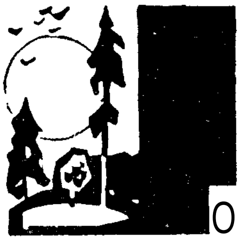
— Може, ще хохлушки есть?

— Ни. Остались тилькы уральские, — подала голос Клава Маринкина.

— Вы з Урала?.. Ну що ж, ходитэ до мэнэ!..

Нам с Зоей в учителя назначили опытного снайпера Василия Шкраблюка. К паре, в который была Нина Обуховская, приставили пожилого сержанта Николая Санина, успевшего уничтожить около полусотни гитлеровцев. И другие снайперские пары не были обижены, для всех нашлись инструкторы.

Первый день прошел в знакомстве с батальоном и его людьми. Хороший здесь был народ! Конечно, встречались и такие, кто поначалу смотрел на нас с недоверчивой или иронической улыбкой, нашлись и шустрые ухажеры, отпускавшие по нашему адресу ловкие или, наоборот, неуклюжие комплименты. Только не до них было! Не терпелось выйти на первую «охоту», доказать, что мы не зря заканчивали снайперскую школу.



НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Окопы первой роты змеятся по скату небольшой высотки. Боевое охранение — глубокая земляная щель, вырытая по форме римской цифры V, — вынесено вперед. В дальнем углу наша снайперская ячейка, она тщательно замаскирована дерном: ничто не должно выделять нас среди окружающей местности.

До рассвета мы с Зоей Бычковой добрались по ходам сообщения до своей ячейки. Отрыли лопаткой земляную ступеньку: устанешь стоять — можно опуститься на колени. В соседней ячейке Вася Шкраблюк, в случае необходимости он придет на помощь. Мы на самом «передке», ближе нас перед врагом никого нет.

Совсем рассвело, из бойницы отличный обзор. Впереди, примерно в полукилометре от нас, черная полоска недавно отрытой земли: неприятельская траншея. Оттуда изредка доносятся пулеметная очередь, хлопки одиночных винтовочных выстрелов. На переднем крае врага никакого движения, все притаилось, ушло в землю.

Снова, теперь уже в оптический прицел, осматриваю нейтральную полосу — от себя к противнику. В голубоватой дымке отчетливо видны самые дальние цели, кажется, до них можно дотянуться рукой, так они близко. Вижу не только каждый пенек на высоте, но и зеленые молоденькие побеги, торчащие из-под пня. На ровной полоске бруствера две черточки — прорези бойниц.

На пристальный осмотр уходит не менее двух часов, глаза от напряжения начинают слезиться, непонятные серые точки, словно назойливые мушки, плывут перед глазами.

Моей напарнице наскучила неподвижность, она рассматривает в оптику уцелевшие строения деревни Седурино. За деревней — шоссе, по нему ползут, смазанные расстоянием, силуэты тупоносых немецких грузовиков.

— Ну что ж, Зоя, пора составлять стрелковую карточку! — говорю я.

— Чего еще? Мы не в снайперской школе.

— Зоя, это наша первая обязанность.

■— Ну и составляй себе на здоровье! А я пришла охотиться за фрицами.

Выбираю ориентиры: кудрявый куст, растущий на «нейтралке», большой гранитный валун, высунувший свою лысую голову перед самыми окопами противника, дом без крыши, стог сена. Определив расстояние до ориентиров, вношу данные в стрелковую карточку снайпера. Зоя заглядывает через мое плечо.

— Ох-хо-хо! А камень-то зачем?

— Еще как нужен. Справа от него строчил пулемет. Валун закрывает пулеметчика, для нас хороший ориентир.

Зоя по-прежнему недовольна: врага надо бить, а не бумажную волокиту разводить!

Слышится негромкое покашливание. Позади нас в окопе боевого охранения солдаты, сменившие ночной дозор. Зоя сердито поворачивается к ним:

— Что это вас кашель вдруг взял?

— Интересно на вас посмотреть, девчата, — говорит самый бойкий. ■— Давно не видел нежного полу.

— Нежного? — вскипает моя напарница. — А вот я покажу тебе такие нежности...

— Не груби, Зоя! — шепчу я подруге, оторвавшись от винтовки. — Скажите, ребята, как у вас тут фашистам живется?

Солдаты мрачнеют. Дело не только в том, что противник построил в Седурине мощный оборонительный пояс, занял все командные высоты вокруг деревни, буквально не дает нашим поднять головы. Дело в том, что во время зимнего удачно начатого наступления гвардейцы успели уже побывать в Седурине. Они перерезали тогда железнодорожное полотно, выбили врага с высоты перед деревней. Батальон понес потери, но они были невелики в сравнении с вражескими. Если б левый сосед гвардейцев так же выполнил свою задачу, развил их успех — не пришлось бы отходить, становиться в длительную оборону.

Зою не интересуют давние события, ей не терпится узнать, где чаще всего высовываются фашисты. Бойкий солдат, пристроившись с нею рядом, показывает направление. Воспользовавшись моментом, он разглядывает в оптику оборону врага. Оторвавшись от прицела, завистливо цокает языком.

— Н-да, мне бы такую винтовочку! Все как на ладошке.

— Ты из своей научись попадать, — слышится голос Васи Шкраблюка, покинувшего свое укрытие.

Он предлагает нам перекусить. Мы с Зоей и не заметили, как пролетело время до обеда. Перебираемся в ротные, более просторные окопы.

Сидим на корточках в тесном солдатском кругу. Бойцы быстро очищают свои котелки, закуривают махру, пуская дым в рукава шинелей. Идет неторопливая беседа о жизни в тылу, о родных краях, о близких людях.

— Что за общее собрание? Забыли свои обязанности, гвардейцы? По местам!

Из-за солдатских спин мы не видим ротного командира, слышим только его громкий недовольный голос.

— Да вот, товарищ капитан, девчата у нас, — оправдываются бойцы. — Надо ж познакомиться...

— Не место и не время!

Перед нами молодой офицер, высокий, плечистый, со смелым взглядом зеленоватых глаз и горбинкой на крупном носу.

— Командир первой роты Сурков, — представляется он.

Мы называем себя. Капитана интересует, удобно ли оборудована снайперская ячейка, как идет «охота». Ячейка отличная, докладываем мы, а похвастать пока нечем. Мы недовольны первой половиной дня, прошедшей в бесплодном наблюдении.

— А вы хотели, чтобы он сам и голову подставил? Бей — не хочу! Так на войне не бывает, жить-то каждому охота. А себя не позволяйте демаскировать. Заметит враг скопление в окопе — может и минометный налет дать. — Уходя, ротный повторяет строже: — Категорически запрещаю скопление в окопе! Ясно?

— Ясно, товарищ гвардии капитан! — отвечаю я.

До захода солнца мы вели наблюдение за противником, а когда стемнело, теми же ходами сообщения вернулись в свою землянку. По дороге нас окликали бойцы:

— Девчата, ходите до нас в гости!

Солдатский «телеграф» уже разнес по передовой весть о прибытии девушек.

Недовольные первым, пустым днем, мы только отговаривались:

— После, после зайдем!..

А Зоя еще и уточняла:

— После дождичка в четверг.

В этот вечер все казались невеселыми. Напрасно успокаивала девушек рассудительная Клавдия Прядко. Не помогали и действующие обычно безотказно призывы Сашеньки Шляховой:

— А ну, чего невеселы, нос повесили? Выше носы, девочки!

Без аппетита поужинали, решили лечь пораньше. Но не тут-то было. В землянку заглянули комбат с замполитом, они, очевидно, сочли нужным навестить нас после этого первого, трудного для нас дня.

— Ну, докладывайте, снайперы, кто отличился?

Девушки молчали. Капитан Рыбин понял свою промашку: никто из нас не открыл боевого счета, и это ему прекрасно известно. Комбат повернулся к своему заместителю:

— Выручай, комиссар, прожги словом! Что-то я не с того начал.

— Прости, Петр Алексеевич, действительно не с того, — подтвердил Булавин. — Это ж у них первая разведка, пробная вылазка. Вот обживутся на передовой — тогда и спрашивай: кто отличился? До меня слух дошел, не знаю, верный ли, будто петь они мастерицы. Может, споете, девчата? А мы подтянем.

Не сговариваясь, все повернули головы к Ане Носовой, нашей запевале. Откашлявшись, чуть фальшивя от стеснения, она завела:

Славен город Великие Луки,
Славен город своей сединой.
Перенес он тяжелые муки,
Ранен город, но снова живой...

Оба офицера участвовали в освобождении Великих Лук, для них это была не просто песня, но и частица их собственной биографии. Они подхватили вместе с нами:

Так бей врага винтовкой,
Меткою сноровкой!
Бей врага, бей,
Пули не жалей!

Сильный, красивый голос был у комбата. И мы попросили Рыбина спеть еще. Комбат весело подмигнул Булавину.

— Петр Алексеевич, «Именную»?

— Давай, Петр Алексеевич!

Наших командиров звали одинаково, не потому ли их любимой песней была та, где повторялось: «Оба — молодые, оба — Пети, оба — закадычные друзья». Только пели они разно: комбат уверенно вел мелодию, а замполит, которому, как говорится, медведь на ухо наступил, лишь вторил басом, силой голоса возмещая недостающий слух.

Быть может, они спели бы и еще, а может, бравый комбат и сплясал бы, на что был большой мастак, если б дверь землянки не распахнулась. На фоне звездного неба стоял наш недавний знакомец — артиллерист.

— Глянь-ка, комиссар, бог войны пожаловал в гости! — изумился Рыбин. — Откуда прознал о девушках, товарищ Шор?

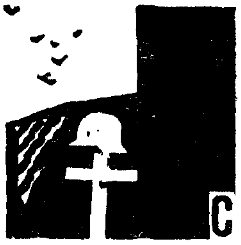
— А разве артиллерийская разведка хуже пехотной? Пока что на нас никто не жаловался... Иду, понимаешь, со своего НП, слышу «Именную». Раскидываю мозгами: не иначе начальство в другую землянку перебралось. А тут — целый цветник!

Мы приглашали капитана разделить с нами компанию, но Шор отказался. В другой раз можно и спеть и стихи почитать, а сейчас у него дела...

Никто не заметил, какой знак он сделал комбату, только Рыбин вдруг заторопился, стал прощаться. Поднялся и Булавин.

— Как видите, девушки, наш рабочий день еще не кончился, — сказал замполит в дверях. — А вам спать, спать... Завтра с солнышком подниматься. Желаю удачи!

СЧЕТ ОТКРЫТ



Снова мы с Зоей встречаем утро в окопе, только сегодня он неузнаваем. Траншеи подметены, стреляные гильзы собраны в ящик. Командир роты Сурков не уставал внушать солдатам:

— Належитесь еще в грязи, когда в наступление пойдем. 3 обороне окоп — ваш дом. ;

А замполит, как всегда, припечатывал пословицей:

— Дом не велик, дождем покрыт, ветром огорожен, а лежать не велит. Каково в дому, таково и самому! ^

Солдаты гладко выбриты, с пришитыми подворотничками. Бойцы стирали подворотнички (иногда это была сложенная вдвое полоска бинта) в котелке, а то и в первой попавшейся луже, сушили у печурки, гладили любыми подручными средствами.

Нас встретили, как родных. Солдаты постарше называли дочками, молодые — сестренками.

Долгие, томительные часы вели мы наблюдение, но снова безрезультатно. К концу дня в окопах появился капитан Сурков, еще более подтянутый, чем вчера, в начищенных до блеска хромовых сапогах, с орденами на гимнастерке. Поздоровавшись, он поздравил нас: рано утром Клава Иванова открыла боевой счет. Артиллеристы капитана Шора, наблюдавшие за противником в стереотрубу, установленную на высокой сосне, подтвердили попадание.

Нам бы радоваться за подругу, а на сердце кошки скребут. Зоя чуть не плачет от огорчения.

— Ну, что, Люба? Слыхала?.. А ты: «карточки рисуй!..»

Солнце близилось к закату, когда в поле зрения показался фашист. Моя напарница — была Зоина очередь стрелять, я вела наблюдение — так разволновалась, что не успела выстрелить. Враг исчез неожиданно, как и появился.

— А что же ты не стреляла? — накинулась на меня Зоя.

— Я была наблюдателем. Твоя очередь стрелять.

— Очередь, очередь... Опять ты со своей школьной премудростью. Дура, дура я неудачливая!

От досады Зоя заплакала. По дороге в батальон она ворчала, обвиняя во всем меня. Подходя к снайперской землянке, Зоя вытерла слезы: ни к чему остальным знать наши огорчения.

Никто ничего не заметил, даже когда мы, отказавшись от ужина, сели в разных углах с кружками чая. Только Клавдия Прядко почуяла неладное.

— Что это вы, девочки, точно опрокинутые? Опять поссорились?

Мы молчали. Прядко казалась нам чуть ли не старухой: ей уже под тридцать — на добрый десяток лет старше любой в роте. И нечего совать свой нос в чужие дела!

Из-за того ли, что Клавдия много пережила с начала войны, или просто умела найти подход к каждому человеку, только не прошло и четверти часа, как мы вполголоса, чтобы не слышали другие, рассказали ей все.

— Глупенькие! Стоит ли из-за какого-то паршивого фашиста друг на друга дуться? На врага злость копите. А ваш арийский куроцап все равно не уйдет от пули, все ему припомнится, за все, все он расплатится.

Она подозвала напарницу. Сашенька, одна из лучших снайперов школы, быть может, больше нас переживавшая первые неудачи, схватила меня с Зоей в объятья, затормошила, напевая детскую песенку:

— Гуси, гуси!.. Га-га-га!.. Есть хотите?

— Да, да, да! — не сговариваясь, поддакнули мы.

Мы сели ужинать, смеялись вслед за Сашей чему-то. Удивительный был у нее смех — задорный, заразительный, не хочешь, а рассмеешься. От смеха на румяных, даже пунцовых Сашенькиных щеках проступали, ямочки, глаза будто еще больше голубели...

И настало то раннее летнее утро, когда я подловила на мушку первого своего гитлеровца. Косые лучи солнца освещали вражескую оборону, наша позиция была в тени. Над бруствером показалась голова в каске, я прицелилась, как положено по инструкции, под обрез цели, плавно нажала курок.

На душе стало как-то не по себе: все же человек.

Только человек ли? Разве можно назвать людьми тех, кто грабил, жег и вешал, кто принес столько горя, слез и мук моей Родине, моим родным и близким? Под Ржевом убит мой любимый дядя Вася, добрый человек и хороший семьянин, никогда в жизни никому не причинивший зла, — быть может, моя пуля нашла убийцу? А может, я наказала одного из факельщиков, превративших древние Великие Луки в развалины, а земли Псковщины — в «мертвую зону», в пустыню? Нет, не люди это, а двуногие скоты. Собаке — собачья смерть! Этот зеленожабый больше уже никогда не выстрелит по нашим. А значит, моя справедливая пуля спасла чью-то родную жизнь, и, может быть, не одну.

К моей ячейке окопом, пригибая головы, бегут солдаты, поздравляют с удачей: наблюдатели подтвердили попадание. И артиллеристы капитана Шора, не отрывавшиеся от стереотрубы, видели результат выстрела, позвонили в штаб батальона. Командир роты Сурков специально пришел отметить мое боевое крещение. Он пожал мне руку, приговаривая:

— Молодец, снайперка, хвалю! Спасибо за службу! Как звать-то?

— Люба, товарищ гвардии капитан.

— А полностью?.. Теперь, когда вы настоящий воин, вас положено звать полным именем... Продолжайте в том же духе, Любовь Михайловна!

Зоя и радовалась за меня и переживала, вспоминая свою недавнюю оплошность. Ведь она могла открыть счет первой. Ее маленькие уши горели, как рубины, так она разволновалась. Прильнув к винтовке, моя напарница замерла в нетерпеливом ожидании.

А я стала наблюдать за вражеской бойницей. Навела острие пенька прицела на цель и жду. Должен же враг, оборудовавший бойницу, когда-нибудь показаться? Чувствую, в затылок стало сильнее дуть. Значит, ветер усиливается. Вот и трава заметнее клонится долу.

Сделав минутный перерыв, еще раз проверила расстояние до цели. Точно: четыреста метров! Для проверки заглянула в таблицу в снайперской книжке, установила поправку в прицеле на ветер. Снова глаз у окуляра, палец на курке...

В бойнице тень. Вот он, вражеский наблюдатель! Гитлеровец, видно, уверен в своей неуязвимости. Не мешкать, ведь цель появляется на секунду, на доли секунды! Затаив дыхание, плавно нажимаю спусковой крючок. Еще не отгремел гром выстрела, а голова в бойнице медленно — слишком медленно для живого — оседает... Есть, второй!

— На двух гадов меньше! — сообщаю подругам, вернувшись вечером в землянку. Стараюсь говорить как можно спокойнее, а хочется кричать во весь голос...

Меня окружают, целуют, тормошат. Меткому выстрелу все рады. Только Зоя непривычно молчалива да Сашенька, всегда веселая, оживленная, забилась в угол и смотрит перед собой, кусая губы. Клавдия Прядко подсела к ней, обняла, что-то шепчет подруге на ухо...

Завтра надо написать домой. Мама, придя с работы, побежит с письмом к соседке, прослезится, задумается о своей дочке... И в снайперскую школу напишу. Надо ж доложиться взводному командиру лейтенанту Алмазову, что боевой счет открыт.

Взволнованная событиями прошедшего дня, я долго не могла уснуть. Девчата затихли, коптилка еле мигает, а я лежу с открытыми глазами. Вспоминаются мама, родная Пермь, снайперское учение...

РОДИНА ЗОВЕТ СВОИХ ДОЧЕРЕЙ!

Детство я провела на селе. Отец умер рано, мы с мамой жили в большой дружной семье дяди Васи. Это был любимый брат отца Василий Андриянович Макаров*.

Высокого роста, широкий в плечах, дядя отличался поистине медвежьей силой и удивительной добротой, нередкой в больших, сильных людях. Он был одним из первых организаторов колхозов на Урале, из бригадиров выдвинулся в председатели, затем возглавил Лядовский сельсовету Жил скромно, сколько помню его — всегда носил выгоревший на солнце, линялый от дождей хлопчатобумажный костюм. Честный во всем, настоящий коммунист! И хороший отец, внимательный не только к своим детям, но и к племяннице.

Мне не было семнадцати, когда грянула война. О дальнейшей учебе — мечтала в геологический — пришлось забыть. Надо было работать. Устроилась на случайную для себя должность —‘"’секретарем Пермского народного суда. ^

С начала войны мама пошла на Мотовилиху. Родной мой Урал был в те дни грозной кузницей оружия. Мама тоже стала работать на оборону. Порою она, как и многие в то время, не уходила с завода по две и даже по три смены подряд.

В августе сорок первого призвали в армию дядю Васю. Прощаясь, он впервые заговорил со мной, как со взрослой:

— Если меня убьют, Любушка, — на войне всякое бывает, — не забывай наших, будь доброй сестрой моим детям!

На фронте дядя попал в артиллерию, писал бодрые письма: держитесь, тыловики, а боги войны не подведут!

Я и сама мечтала идти на фронт. Но кем? Медсестрой? Никогда не перевязывала раненых. Связисткой? Ничего не смыслю в связи. Поваром?.. О других воинских специальностях, которыми может овладеть девушка, я не имела понятия. Хотелось самой бить врага или находиться среди тех, кто сражается с фашистами.

Весной сорок второго года на Пермском стадионе по вечерам, после работы, собирались девушки. Занимались строем, изучали винтовку, стреляли в цель. Стала ходить на занятия и я. Мама печалилась: была бы парнем — понятное дело, но зачем винтовка девушке? Не ровен час и на войну пошлют.

— Да кто меня, такую маленькую, возьмет на фронт? — успокаивала я маму. — Разве что в тыловую часть, писарем.

Среди девушек, с которыми я вместе занималась на стадионе, прошел слух: лучших стрелков будут отбирать в снайперскую школу. Слово «снайпер» тогда мне было неизвестно, из кинофильмов и книжек о финской кампании я знала только о «кукушках». Такой оборот дела меня обрадовал, но маме не сказала ни слова: зачем огорчать до времени? Может, ничего еще и не выйдет.

Обучал нас опытный кадровый командир товарищ Башмак. Был он строг, но по пустякам не придирался, отлично знал и умел преподавать теорию стрелкового дела, а стрелял, как настоящий мастер. Работал на оборонном заводе и после смены учил нас стрелковому делу.

Когда мы впервые вышли на боевое стрельбище, со мною случился непонятный казус: никак не закрывался левый глаз. Стараюсь, аж слезы текут, а он не хочет закрываться, и все! Смотрю сразу двумя глазами, пули летят куда угодно, только не в мишень. Командир заметил мои мучения.

— А ты, часом, не левша на глаза, Макарова? Хоть и редко, но бывает такое. Попробуй-ка делать не так, как все: целься левым глазом, а правый закрой.

Попробовала. Правый глаз закрывается, левым вижу хорошо. Но надо менять изготовку, упор, словом, все начинать сначала... Долго я переучивалась, от винтовки, хотя и учебной, уставали руки, болело плечо. Девчата, видя, как я целюсь левым глазом, смеялись: «Смотри, Люба, в чужую мишень не попади!..» Но скоро я не хуже, чем они, могла изрешетить «яблочко».

Перешли к стрельбе из боевых винтовок. Приклад трехлинейки при выстреле отдавал в плечо, но стоило слиться с винтовкой в одно целое — и отдача пропадала. После солдатской трехлинейки малокалиберную не хотелось брать в руки. Детская игрушка! Еще нравился мне пороховой дымок, нравился такой тревожный его запах...

Горе не обошло наш дом: осенью пришла похоронная. В боях за освобождение Ржева 30 августа 1942 года командир орудия В. А. Макаров получил тяжелое ранение в грудь и в голову. Не приходя в сознание, умер в армейском госпитале.

Вот когда я сказала себе: только на фронт! Мама не перечила, она одобрила мое решение.

— Бей их, доченька, проклятых! Без пощады бей!

Настала зима, учение закончилось. Многие мои подруги ушли в трудармию, иные попали в воинские части.

В середине декабря пришел вызов из ЦК ВЛКСМ. Лучших наших стрелков — Тамару Новоселову, Асю Попову, Клаву Мальцеву, Валю Дуракову и меня — военкомат направлял на учебу в Центральную женскую снайперскую школу.

Бегу в парикмахерскую. «Стригите покороче!» — весело говорю мастеру, а как увидела на полу свои темные кудри, загрустила. Мама, вернувшись с завода, то начинала причитать, что единственная дочь покидает ее, то ахала, до чего я, стриженая, стала похожа на своего отца. Огорчало ее и то, что настоящих проводов не удастся устроить: время военное, голодное.

Пассажирский зал переполнен, гудит от голосов, детского крика, чьего-то разудалого пения. Снег на перроне не убран, на вещах и каких-то ящиках беженцы. Суета, неразбериха, плач... Моих подруг провожает толпа родственников и знакомых, со мной только мама — маленькая, усталая. Я и не заметила, какой густой сетью морщинок легли на ее лицо прожитые годы, как состарила ее вдруг война.

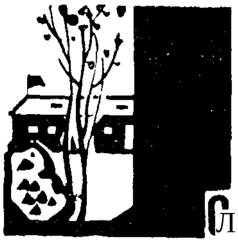
— Береги себя, доченька, одна ты у меня на свете.

— Не бойся, мама, вернусь с победой! — повторяла я.

Маме заступать в вечернюю смену, дожидаться поезда она не стала. По русскому обычаю благословила меня на прощанье, еще раз припала к моей груди, сотрясаясь от рыданий. Я вывела ее на площадь к трамваю.*'Яаже лучше, что прощание не затянулось. Долгие проводы — лишние слезы! £'

В поезде зареванные подруги удивлялись вслух: до чего же я бессердечная! Ни одной слезинки не проронила! Может, это прощание —■ последнее?.. А я, сама не знаю почему, была уверена, что останусь жива-невредима, вернусь домой с победой, снова обниму маму...

ТЯЖЕЛО БЫЛО В УЧЕНЬЕ...



Старинный, с белой колоннадой дворец графа Шереметьева на подмосковной станции Вешняки знают многие. В начале войны музей-усадьба был закрыт; забиты высокие резные двери, заколочены окна. В щели между досок можно было увидеть мохнатые ковры инея на стенах дворцовых зал, промерзший, блестящий, точно лед на катке, паркет.

Дорожки парка за дворцом, обсаженные вековыми липами, вели к толстостенному зданию с замысловатой лепниной по карнизу — графской оранжерее. Здесь и помещалась Центральная женская снайперская школа. В двух смежных очень высоких и просторных оранжереях были девичьи спальни. Дощатые трехэтажные нары делили помещение пополам. По вечерам, когда девушки забирались наверх, нижние жильцы, слыша подозрительный скрип досок, каждый раз ждали, что шаткое сооружение вот-вот рухнет. Но нары, очевидно, были рассчитаны на сверхнагрузку.

Зима в сорок втором году стояла студеная, огромное помещение спальни-оранжереи было не просто отопить. Дежурные непрерывно подкладывали дрова, но не то старые печи плохо держали тепло, не то истопники были неумелые, только температура поднималась чуть-чуть. В нескольких шагах от раскаленного зеркала печи, разговаривая, мы видели парок изо рта друг друга. Более надежным было другое «отопление» — жаркое дыхание трехсот молодых курсанток, заполнявших к вечеру общежитие.

Вначале, не получив еще обмундирования, мы пестрой, разношерстной толпой ходили на завтрак, обед и ужин к соседям. По ту сторону шоссе, ведущего к станции, в новых многоэтажных корпусах размещалась Центральная мужская школа снайперов, мы пользовались их столовой и стрельбищем. Бравые, перетянутые желтыми ремнями ребята не скрывали улыбок при виде полугражданского девичьего воинства.

— Ни девчата, ни солдаты! — острили они.

Нас распределили по взводам и ротам. Командиры — строевые офицеры, среди них немало фронтовиков, попавших к нам после госпиталя. Взводом, где была я, командовал молодой, успевший и повоевать и получить боевое ранение лейтенант Александр Алмазов.

Начались первые, самые трудные — и для нас и для наших командиров — дни. Казалось, никогда не привыкнуть к строгому распорядку дня, к жизни по команде, к тому, что ни шагу нельзя сделать без разрешения, а из расположения части — никуда без увольнительной. Подъем в шесть, быстрый туалет, завтрак. Выходишь в поле засветло, возвращаешься в темноте — мокрая, измученная, голодная. А взводный еще «подбадривает»:

— Ничего, девчата, на войне все то же самое будет, плюс постреливают, минус крыша над головой.

Что такое война, мы знали лишь из книг и кинофильмов, из рассказов старших товарищей и политбесед, которые проводились в нашем «клубе» — полукруглой комнате, соединявшей спальни. Родными сестрами для нас были Зоя Космодемьянская и Лиза Чайкина, о которых взволнованно рассказывала на комсомольском собрании Саша Шляхова. Им, бесстрашным партизанкам, было намного труднее во вражеском тылу.

Фронта мы не боялись. Мы готовы были отдать жизнь за Родину, если понадобится, но как же трудно в восемнадцать девичьих лет просто встать до света по команде, выйти на холод, ползти с тяжелой винтовкой в снегу по-пластунски, стрелять в цель, когда замерзшие пальцы не чувствуют спусковой крючок, и шагать, шагать, шагать бесчисленные километры с полной боевой выкладкой, в мокрых валенках со сбившейся в комок портянкой, которая натерла пятку...

Посчастливится — пристроишь валенки у горячей печи, а промокший ватник и портянки — под себя. И ведь не простуживались, не знали ангин и гриппов, даже в весе прибавляли. «Пожизненно остаюсь в армии!» — шутили мы, забираясь по вечерам на свои нары.

Кажется, только-только закрыла глаза, а уже гремит команда дневальных: «Подъе-ом!.. Тревога!.. В ружье!» Первое время некоторые девушки ложились спать, не разуваясь, чтобы не мучиться с портянками (не всем сразу далась эта премудрость — быстро и аккуратно намотать портянки), становились в строй с выпущенной, как платье, нижней рубашкой. Смех и грех!

Бывали ЧП и похуже.

Моя землячка Валя Дуракова как-то на стрельбище потеряла затвор от боевой винтовки. Командир отправил весь взвод обратно: «Пока не найдете, не возвращайтесь!» Больше часа ползали в темноте по снегу. И ведь нашли. То-то радости. было! Кстати, от снега шинели сделались как новенькие.

Стали понимать кое-какие истины: один за всех — все за одного! Никогда уже Валя не позволила бы себе небрежность, из-за которой страдал весь взвод.

На фронте я в полной мере осознала смысл многого того, что в школе казалось нам бесполезной муштрой, надоедливой шагистикой, а то и просто командирскими придирками. Даже лейтенанта Алмазова, ставшего вскоре всеобщим любимцем, мы не сразу оценили. Бывало, придет утром, строго, исподлобья глянет, быстро ли взвод строится, скомандует: «Сми-иррна!» Вытянешься в струнку, замрешь, боясь шевельнуться. Улыбался он редко, лишь в конце занятий, да и то если они проходили успешно.

После четырех месяцев учения каждая курсантка с момента' команды «подъем» успевала за пять минут одеться, аккуратно заправить постель, умыться и встать в строй. Мы научились строевому шагу:

одновременный четкий выброс ноги, мерный взмах рук, молодцевато подняты головы. Винтовки опускали к ноге все вместе, так, что получался слитный щелчок прикладов.

В полной боевой выкладке, весившей 36 килограммов, мы ползли по-пластунски не одну сотню метров. Если командир замечал ошибку, то хочешь не хочешь, а возвращайся на исходный рубеж, ползи снова. Удивительно ли, что все мы ужами ползали на фронте?

Пеший марш перемежали неожиданные броски на 200—300 метров. Подав команду, лейтенант засекал время и, если кто-нибудь не укладывался в норму, заставлял повторять бросок сначала. Бывало, запыхаешься, злая, как черт, но вот открылось «второе дыхание», норма выполнена. А назавтра она уже другая: от занятия к занятию командир уменьшал время на броски.

Весной, когда земля просохла, занимались в поле. Сначала никто не понимал, почему нам стали давать на завтрак селедку. Пресная пища — каши да пюре — приелась, все обрадовались возможности посолонцевать. Но как же мы уставали, маршируя, ползая, бегая на солнце со скаткой шинели через плечо, с винтовкой, гранатами, лопаткой, каской, противогазом, патронами! Пот льет градом, от жажды язык присох к гортани, а пить нельзя, да и нечего. Помню, идем оврагом, по дну бежит ручей, вода чистая, прохладная, а Алмазов не разрешает зачерпнуть даже горсточку, не то что каску. Мы думали, он нарочно мучает нас. Сколько раз на фронте во время тридцатикилометровых пеших маршей я с благодарностью вспоминала уроки взводного.

А маскировка! Лейтенант уделял ей особое внимание, ведь для снайпера хорошая маскировка — это жизнь. За два часа, которые давались снайперской паре, мы должны были отрыть боевой окоп, чаще всего на опушке леса, иногда — в поле, и замаскировать его под окружающую местность. Быстро отроем себе окопчик, замаскируемся, ждем. И вот с той стороны, где находится воображаемый противник, примерно в километре от нас появляются лейтенант с помкомвзвода и в бинокли внимательно изучают каждый подозрительный бугорок, кочку, пень...

Если обнаружат — рой ячейку вторично, маскируйся снова. Так приятно, если обнаружили не тебя и можно отдохнуть, написать домой открыточку. Вечером на это не хватало времени: еле выкроишь перед отбоем полчасика, чтобы подшить свежий подворотничок, почистить сапоги или повторить пройденный за день учебный материал,

Рассказывают, как некий солдат замаскировался под пень, да так натурально этот «пень» выглядел, что влюбленная парочка присела на него. Пока молодые люди целовались и миловались, солдат, хотя и с трудом, но выдерживал. И взвыл благим матом, когда влюбленный парень перочинным ножом стал... вырезать на коре свои инициалы.

Это, понятно, анекдот, но в запасном полку, где нам устроили экзамен по маскировке, случилось нечто подобное. Командир полка никак не мог отыскать наши ячейки, долго ходил по полю среди кочек, наконец, встал на одну для лучшего обзора. И тут «кочка» взмолилась тонким голосочком нашей татарочки Сони Кутломаметовой:

— Ой, тяжело!..

И это еще не все! Командир взвода, добиваясь быстроты стрельбы, научил нас делать пять прицельных выстрелов в минуту, правильно ориентироваться на местности, быстро отыскивать цели, незаметно менять позицию. Мы научились стрелять не только из снайперской винтовки, но и из противотанкового ружья, из ручного пулемета, умели кидать в цель гранату.

В ту пору война для нас была где-то далеко. Отзвуки ее слышались в строгом голосе Левитана, читавшего по радио горькие еще сводки Совинформбюро, в стонах раненых, которых провозили мимо нашей станции в далекий тыл, в плаче женщин, получивших похоронную. А мы были молоды и радовались наступившей весне!

Черные сучья старых лип в парке окутались нежно-зеленой кисеей.. Как только выдавалась свободная минутка, я забиралась куда-нибудь поглубже в кусты, где никто не мог меня видеть. Подошью подворотничок, пишу письма, читаю. А то лягу на спину, смотрю в небо на плывущие облака и мечтаю. О том, как поеду на фронт, как стан^ грозой фашистов. И как встречу его, неведомого...

~К инспекторским стрельбам готовились, как к большому празднику. Оружие проверено и пристреляно, отработаны на местности тактические задачи. В подразделениях проведены комсомольские собрания и беседы, стенные газеты пестрят заголовками: «Не подкачаем, девушки!»; «Каждая пуля — в цель!» В лагере образцовый порядок...’® ,

И внешне девчата подтянулись, приняли бравый вид: пригнанные по фигуре гимнастерки, ремни туго перехватывают талии. Лишь первое время мы выглядели нескладехами в солдатских шинелях с подшитыми полами, в ватных брюках, которые порою были настолько велики, что приходилось цеплять их за бретельки, в кирзовых сапогах на два-три размера больше нужного. Курсанты все чаще засматривались на нас, офицеры с удовольствием провожали глазами девушку, когда она, четко печатая три положенных уставных шага, проходила мимо...

Ребятам пришлось пережить немало неприятных минут на стрельбах: наши показатели были выше. А ведь их школа славилась своими традициями, ее окончили такие знаменитые снайперы, как Герои Советского Союза Зайцев, Пчелинцев и другие.

Какое ликование у нас поднялось! Многие девушки-отличницы получили почетные грамоты ЦК ВЛКСМ, а лучшим из лучших — среди них были Саша Шляхова и Клавдия Прядко — вручили именные снайперские винтовки. На металлических пластинках, привинченных к прикладам новеньких винтовок, выгравировали имена наших подруг. Это была большая честь!

ПЕРВАЯ ФРОНТОВАЯ РОТА

Учение кончилось, начали укомплектовывать первую фронтовую роту. Все. с нетерпением ждали списков, а когда они, наконец, были вывешены, каждая курсантка прежде всего искала свою фамилию. Себя я нашла в списке младших командиров... оставляемых в кадрах школы.

У меня потемнело в глазах от набежавших вдруг слез. Давно велись разговоры о том, что я неплохой командир отделения. Да, я освоила строевую службу, метко стреляла, а команду подавала так четко, что иной строевик мог позавидовать! Да, в школу приходят все новые девушки, и кто-то из нас, обученных, должен заниматься с ними: мужчины нужнее на фронте. Но как, как я могу остаться, если едут мои подруги, причем едут на тот самый Калининский фронт, где погиб мой дядя?! У

Подаю рапорт лейтенанту Алмазову — отказ. Иду к командиру роты — то же самое. Что ж, придется обращаться к майору Никифоровой, уж она-то поймет меня, поддержит.

Все мы, курсантки, любили и уважали начальника политотдела школы майора Екатерину Никифоровну Никифорову..Всегда спокойная, приветливая, ровная со всеми, она относилась к нам почти по-матерински. И называли мы ее — между собою, конечно, — матерью. Случится у кого-нибудь беда или неприятность, скажем, получит девушка плохие вести из дому — первым делом идет к Екатерине Никифоровне. «Мать» не только успокоит, приласкает, но и напишет, куда нужно, от имени командования школы, чтобы тыловые организации помогли семье курсантки.

В штабе полно старших офицеров, а я от волнения не вижу никого, обращаюсь прямо к майору Никифоровой. Покачав головой, она показывает глазами на подполковника, начальника школы. Тот сурово выслушал меня и отказал. Снова, теперь уже с полными слез глазами, поворачиваюсь к «матери».

Видно, что-то, кроме слез, увидела Никифорова в моих глазах. Вполголоса объяснила подполковнику, почему я так стремлюсь на Калининский фронт, подсказала замену. Кончилось тем, что начальник школы, поколебавшись, дал согласие. От радости я благодарю не его, а Екатерину Никифоровну, причем не по уставу, многословно, от всего сердца. Не вышла — пулей вылетела на улицу.

— Еду! Еду! Еду!

Подруги, ждавшие меня у входа в штаб, от радости подняли визг. Зато во взводе на меня смотрели, как на отступницу: одна изо всех вне очереди попала во фронтовую роту. Большинство завидовало мне, кое-кто удивлялся:

— Куда спешить-то?.. Навоюемся еще, успеем...

Нас, «фронтовичек», отделили от остальных курсанток. Однако в нашей жизни мало что изменилось. Разве только чаще, чем другим, нам читали лекции о международном положении, моральном облике советского человека и природе героизма, о том, как мы, девушки, должны держать себя на передовой. В конце концов нам порядком надоело слышать одно и то же, с трудом мы коротали дни, мечтая о скорейшей*отправке на фронт.

Настал день, когда нас распределили по снайперским парам.'"Ьнайперы воюют вдвоем бок о бок: один ведет наблюдение — другой стреляет. Ранят одного ■— второй прикроет огнем, вынесет с поля боя. В засаде ли, в бою, на отдыхе — снайперская пара — это одно целое! Как много зависит от взаимного понимания, когда без слов, по одному жесту или взгляду ты знаешь, чего хочет от тебя напарница. Человека, с которым делишь нелегкую солдатскую долю, с кем вместе смотришь смерти в глаза, нужно хорошо знать, уважать и любить.'/

За месяцы учения и жизни в школе не все мы, конечно, успели досконально узнать друг друга. Вот, казалось бы, земляки должны держаться вместе. Наши украинки Прядко и Шляхова были отличным тому примером. Наедине они разговаривали между собой на родной мове, вполголоса пели украинские песни, подолгу шептались перед сном, лежа рядом на нарах.

Мы же, пять пермячек, хотя и приехали вместе в школу, но очень скоро разошлись в разные стороны, вернее, каждая завела себе подругу по душе. Во фронтовой роте я сдружилась с Клавой Маринкиной из Златоуста. На три года старше меня, она выглядела малышкой: ростом пониже, чем я, хотя и поплотнее. Лицо у Клавы чистое, белое, с румянцем, волосы темно-русые, глаза небольшие, карие. Мне нравились ее покладистость и скромность, всегдашнее спокойствие. Сближало нас и то, что обе с Урала, рано потеряли отцов, любили своих матерей. Мы договорились с Клавой быть в одной паре, мечтали, как дружно заживем вместе на фронте.

И вдруг... Приказом в напарницы мне назначили Зою Бычкову из первого взвода. Почему? За что такая несправедливость? Не хочу сказать, что Зоя плохая девушка, — просто мы по характеру слишком разные. Я стала решительно отказываться от Зои, та — в слезы: с нею, как выяснилось, никто не хочет быть в паре. Девушки успокаивают ее, говорят мне:

— Ты несправедлива к Зое! Нельзя замечать одни недостатки, у Зои немало достоинств — и веселая она, и добрая, и заводная. Еще привыкнете друг к другу, стерпится — слюбится!

— А если я не хочу терпеть? Если мы во всем, во всем разные?

В наступление переходит наша «тяжелая артиллерия».

— Ты же умница, Люба, все понимаешь! — терпеливо внушает мне Клавдия Прядко. — В средней школе физику учила? Не помнишь разве: разноименные заряды притягиваются.

— Хорошо тебе, Клавдия, говорить, когда ты в паре с Сашенькой. Давай меняться! Ну?

Прядко замолчала, настолько, видно, ее огорошило мое предложение.

Иду к майору Никифоровой, уж она-то поймет, поддержит. Серые глаза Екатерины Никифоровны точно ледком подернулись, в голосе появилась непривычная сухость.

— Ефрейтор Макарова, вы не захотели остаться в школе — я поняла вас, поддержала. Как младший командир, вы являетесь первым воспитателем воинов — почему же вы не хотите помочь своей напарнице стать настоящим бойцом? Можно ли в такую минуту, перед отправкой на фронт, портить настроение подруге?

И девчата считали меня придирой, продолжали утешать расстроенную Зою. Только о моем настроении никто не подумал...

Лейтенант Алмазов одобрил мое решение ехать на фронт.

— Молодец, Люба, я знал: иначе вы не могли поступить!

Вся школа строем провожала нас до железнодорожной станции. Улучив минутку, Алмазов передал мне запечатанный конверт.

— Приказывать вам, Люба, не могу, я уже не ваш командир. А просьба к вам есть: не распечатывайте, пока не откроете свой боевой счет. Договорились?

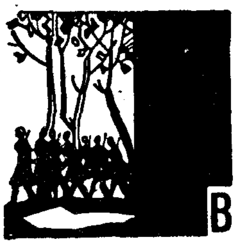
...В сотнях километров от Москвы, в землянке на передовой, я распечатала помявшийся в вещмешке конверт. Со снимка на меня смотрело лицо лейтенанта; улыбается, а глаза грустноватые. На обороте фото надпись:

«Любе Макаровой от Саши Алмазова. Убей и за меня фрица!»

— Есть, Саша, и за тебя! — воскликнула я. и тут же осеклась. В школе я никогда не звала взводного по имени, для меня он был прежде всего командиром. Отсюда, из фронтовой дали, Саша Алмазов виделся парнем-ровесником, переживающим, как тяжкое наказание, необходимость готовить новичков в тылу.

В первый же день удачной «охоты» я выполнила его наказ. И разве одна я? Спасибо за науку, товарищ командир!

СОБРАНИЕ НА ПЕРЕДОВОЙ



Возвращаясь по вечерам в землянку, где нас ждали ужин и сон, девушки больше не жаловались, как первое время, что фашисты не подают признаков жизни. Что ни день, снайперы «списывали в расход» очередного захватчика.

Спустя двое суток после моего успеха, довольные вернулись с «охоты» Прядко и Шляхова: подруги вместе открыли боевой счет. Перебивая друг друга, Клавдия и Саша- принимались рассказывать, как в бойнице показалась голова вражеского наблюдателя и как одним фашистом на земле стало меньше. Второго они сняли под вечер, одновременно выстрелив по ожившей огневой точке врага.

Моя нетерпеливая напарница вроде бы угомонилась. Сколько раз я твердила Зое несложную истину: выстрел — миг, а подготовка к нему, выжидание — долгие часы, даже дни. Чем больше выдержки, тем ближе цель. И Зоя, наконец, поняла.

В моей стрелковой карточке обозначены наиболее вероятные цели на нашем участке переднего края, многие предварительнр пристреляны. Надо лишь выждать, когда противник производит смену постов или, скажем, обедает. Немцы — народ пунктуальный, если точно засекла время — умей дождаться.

Зоя Бычкова посадила на мушку гитлеровца, *хотя его* каска показалась над бруствером окопа всего на мгновение. Грянул выстрел. Солдат, спешивший с термосом к кухне, уткнулся головой в землю.

— Люба, видела? — волнуясь, црикнула она. — Я попала.

— Видела, видела. Молодец, Зоя, поздравляю!

— Это тебе, Любочка, спасибо! Если б не твоя наука... — И она подозрительно шмыгнула носом.

Передовую покинули в темноте: моя напарница’ ни за что не хотела уходить. На обратном пути она была необычно ласкова ко мне, а в землянке, не выдержав, пошла в пляс, хотя девчата уже укладывались спать. Подруги понимали ее: каждая по-своему пережила боевое крещение. Клавдия Прядко, например, призналась, что впервые за все время пребывания на фронте заснула, как провалилась, в тот день, когда открыла личный счет мести.

Противник стал осторожнее, зря не высовывался, удвоил бдительность. Но снайпер не может ждать, пока враг сам подставит голову под пулю. Снайпер обязан первым найти цель, больше того, должен вынудить противника обнаружить себя.

У Прядко и Шляховой* был день большого успеха. Лежа в окопчике, Клавдия высмотрела на нейтральной полосе глубокую воронку от снаряда. Воронка была метрах в восьмидесяти от вражеских траншей, буквально под носом у немцев.

Подруги разработали план согласованных действий. В намеченный день Клавдия задолго до рассвета забралась в воронку и замерла в ней. Когда рассвело, ее напарница, находившаяся сзади, в нашем окопе, стала осторожно показывать над бруствером чучело. Старый маскхалат, набитый ветками и тра_вой^издали походил на выглядывавшего бойца.

Приманка сработала: по чучелу ударили из автомата, потом заговорил ручной пулемет. В поднявшейся трескотне Прядко сделала несколько прицельных выстрелов. И затих вражеский авто_маичик, умолк пулемет... Перед вечером настал Сашин черед: двумя меткими пулями она пригвоздила к земле гитлеровцев, перебиравшихся через земляной завал 'в траншее. Так в один день подруги уничтожили пять фашистов.

Удачливых снайперов поздравило командование, об их подвиге стало известно в штабе армии. На передовую прибыл со специальным заданием корреспондент армейской газеты старший лейтенант Гребнев, сфотографировал подруг на огневой позиции. Две девушки в пятнистых маскхалатах, в касках, оплетенных зелеными ветками и травой, лежат в засаде. На переднем плане Саша Шляхова, она подняла растопыренную пятерню: «Воевали на «пять»!» Со страниц армейской печати фотография перекочевала в центральные газеты, ее увидела вся страна.

Первые дни на передовой каждая из нас была озабочена одним: поскорее открыть боевой счет. Но вот в наших снайперских книжках появились заветные единички, рядом с которыми стояла подпись командира, подтверждавшего попадание. Мы почувствовали себя обстрелянными воинами.

Но девчата и на фронте, видно, остаются девчатами. Случались у нас мелкие, почти ребяческие недоразумения вроде того, что одна девушка, не удержавшись, съела в отсутствие напарницы ее трехдневный запас сахара, а другая насмерть рассорилась с подругой из-за того, что та на кого-то не так посмотрела. Мелочь, чепуха! Но в бою и мелочь может перерасти в нарушение воинского долга, вызвать беду.

Решили поговорить обо всем этом на комсомольском собрании. Под вечер в ложбине за высотой собрался снайперский взвод: двадцать пять комсомолок и член партии Клавдия Прядко. Скат высоты служил надежным укрытием от врага, густые заросли орешника скрывали от посторонних глаз.

— Я думаю, девушки, никакого доклада не нужно, — сказала, открывая собрание, комсорг Шляхова. — Все мы здесь свои люди, хорошо знаем друг друга, агитировать нас не к чему. Лучшие стрелки доказали делом, то есть меткими выстрелами, что Родина не зря вручила нам замечательное оружие, — Она назвала имена тех, кто имел боевой счет. — И все же можно воевать еще лучше, если мы будем жить дружнее. Что мешает нашей дружбе — вот главный вопрос повестки дня.

— А ничто не мешает, — негромко бросила Зоя Бычкова.

Шляхова слышала реплику.

— Очень хорошо, Зоя, что у тебя с Любой наладился контакт. Результаты, как говорится, налицо, в ваших снайперских книжках. Но есть и другие примеры. — Саша напомнила, как одна из наших снайперов — фамилию она не стала называть, — поссорившись со своей напарницей из-за пустяка, ушла с передовой до времени. Она нарушила воинскую дисциплину, по сути дела, бросила подругу. А если бы ту ранило?

— А если у меня живот заболел? — выдала себя виновница.

Сидевшие рядом так и покатились от смеха. Кто-то требовал слова, кто-то провокационно вопрошал, как поступать напарницам, если они не только воюют вместе, но обе влюбились в одного человека. Девушки были настроены весело, теплый летний вечер и тишина, вдруг установившаяся на передовой, напомнили довоенные дни, школьные походы за город.

Саша насупила и без того белесые, а теперь совершенно выгоревшие на солнце брови.

— Не о том говорим, девушки, не над тем смеемся! Если дружба может расстроиться из-за парня, из-за глупого недоразумения, грош ей цена. Я говорю о настоящей Дружбе, с большой буквы. Дружбе до конца, с которой в огонь и в воду...

Не только я залюбовалась нашим комсоргом... Слово никогда не расходилось у Саши с делом. Одна из лучших учениц снайперской школы, она и здесь, на передовой, доказала свое мастерство. Ее дружбе с Клавдией Прядко можно позавидовать — вон с какой гордостью смотрит на Сашеньку старшая подруга, покусывая былинку.

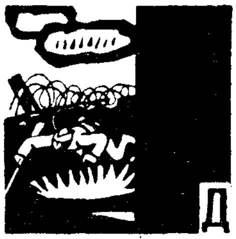
И словно плотину прорвало — девчата брали слово одна за другой. Извинилась перед своей напарницей и перед собранием девушка, до времени ушедшая с передовой. Поделилась своей уловкой, вернее, снайперской смекалкой, принесшей победу, другая: пусть подруги воспользуются при случае. А третьей, сделавшей неудачную попытку на людях свести счеты, собрание дало дружный отпор... Да, мы встречались ежедневно, но здесь как-то особенно ощутимо почувствовали себя членами единого коллектива, комсомольской семьи, выполняющей главную задачу времени — громить ненавистного врага. Что перед этим мелочные обиды, самолюбие, пустячные недоразумения и размолвки?

Прядко не вмешивалась в прения. В самом конце собрания Клавдия взяла слово. Никто не знает, что ждет каждую из нас, сказала она, но всех нас вместе ждет Победа, которую мы завоевываем с оружием в руках. А будет Победа — будет и личное счастье.

— Любите, берегите друг друга, девушки! — закончила она. — И не жалейте себя, если подруга в беде.

Первой песней, которую мы вполголоса спели после собрания, была: «Если ранили друга — сумеет подруга врагам отомстить за него». Пою и думаю: а ведь сейчас в далеком тылу такие же девушки, как мы, закончив смену, с песней идут по домам. Может быть, с этой самой. Значит, о нас, обо мне поют. Как же мы, фронтовички, должны воевать, чтобы быть достойными этих вещих песен?!

ДЕНЬ ЗА ДНЕМ



До восхода солнца, ежась от утреннего холодка, пробираемся к своей ячейке. От обильной росы намокают голенища сапог. То я, то Зоя начинаем громко, с подвыванием зевать. Не потому, что не выспались, — это особая фронтовая зевота.

После ночного пулеметного огня на переднем крае тихо. Пропиликала что-то свое ранняя птаха и снова смолкла. С дальнего болота подала голос лягушка. Тихие, мирные звуки. И не подумаешь, что ты на передовой, что идет война.

Тайная тропка выводит сквозь кустарник к окопам первой линии. От бойниц отрываются пулеметчики. Серые, помятые бессонницей лица разглаживает довольная улыбка. Солдаты знают: скоро смена, они смогут уйти в тыл, поесть и отоспаться.

Привычно, как и вчера и позавчера, в прорезь бойницы осматриваем местность перед собой. Что изменилось за прошедшую ночь? Не появилось ли в поле зрения чего-нибудь нового? Каждый кустик, большой и малый, каждую кочку и камень подолгу изучаем: везде может притаиться враг. Вот будто привял кустик —не воткнул ли его в землю для маскировки немецкий снайпер или наблюдатель? В одном месте накидана свежая земля — может, рыли окоп?.. Подозрительные места изучаем в оптический прицел: без нужды утомлять зрение не стоит.

Убедившись, что на «нейтралке» никаких изменений не произошло, переносим наблюдение на окопы вражеского боевого охранения, на весь передний край противника. Почему без ветра колыхнулась ветка? Что блеснуло в траве? Кто вспугнул стаю ворон, с карканьем взлетевших над стогом сена ?;> Ничто не ускользает от внимательного глаза, все берется на заметку....

■Проголодавшись, открываем ножом «второй фронт» — так армейские остряки прозвали банки американской тушенки. KK слову сказать, солдаты предпочитали лежалым заморским консервам наше украинское сало с черным хлебом и цибулей.

Пошли дни, потянулись недели, в течение которых мы не делали ни одного выстрела. Значит, приучили гитлеровцев зарываться кротами в землю, по-мышиному быстро шмыгать между кустами. В долгие тихие часы усталость камнем клонила голову к земле, винтовка тяжелела. На обратном пути никого не хотелось видеть — только бы скорее залечь на нары.

Зато после меткого выстрела идешь — и будто на крыльях несет тебя, винтовка кажется пушинкой, встречные бойцы, без слов понимая твое состояние, поздравляют с успехом. Каждый знает: одним гитлеровцем меньше — на шаг, на час ближе Победа. Списан со счета немецкий снайпер, пулеметчик, наблюдатель — значит сохранена жизнь десяткам наших воинов.

— А ну, кто сегодня именинница? — с порога спрашивает капитан Рыбин, заглянув с замполитом к нам вечерком. Комбат награждает виновницу торжества печеньем или конфетами из своего офицерского доппайка, та делится с подругами.

В честь удачливого снайпера хор исполняет величальную. Сам Рыбин так распоется, такую отобьет чечетку на земляном полу, что покажется, будто находишься на уральской вечерочке. А Булавин не всегда решался петь, чаще помалкивал, слушая певцов. Зоя Бычкова, перехватив взгляд замполита, спросила как-то:

— Что вы, товарищ капитан, такой грустный, когда к нам приходите? Иль не весело у нас, не нравится?

— Очень даже весело у вас, Зоя, все мне здесь по душе. А грустный я потому, что... — Он вздохнул, вставая.—-Прошла, отшумела моя молодость, Зоюшка, а когда — и сам не заметил. Идем, что ли, Петр Алексеевич?

В окопах Булавин был совсем другим — уверенным, сильным, наполненным неуемной энергией. Солдаты собирались возле замполита и, сидя на корточках, с винтовками между колен, тянули руки к его неистощимому кисету. Булавин курил мало, поэтому у него всегда был НЗ. После крепкой махры легкий офицерский табачок казался вдвойне сладким.

Вынув из полевой сумки сложенную газету, капитан зачитывал свежую сводку Совинформбюро, заметки о боевых действиях других фронтов, очерки о жизни в тылу. Прочтет сообщение, что Н-ский тыловой завод дал сверхплановую продукцию для фронта, и размышляет вслух:

— Двадцать процентов сверх плана, легко ли? А у станков все больше женщины, старики, ребятишки. Иной работничек от станка на два вершка возвышается. Вы представляете себе, братцы, что означает всего одну снарядную гильзу- выточить? Тут и сила нужна, и точность, и пригонка. Пока, токарь не отшлифует ее, как игрушку, — из цеха не уйдет, тут же и спать поляжет, у станка своего. Ну, а кто из вас знает, сколько снарядов идет на артподготовку перед наступлением? Приблизительно хотя бы.

Солдаты неуверенно называют цифры; сто, пятьсот, тысяча.

— Если всем фронтом ударим, эшелона два снарядов потребуется, не менее. Понимаете, как мы должны дружно рвануть вперед, когда вся эта музыка сыграет? Ведь это ж бессонный труд, пот и слезы тысяч наших матерей, отцов, детей. А я тут по дороге к вам подобрал кое-что. — Замполит достает из кармана пригоршню блестящих винтовочных патронов. — Да можно ли, братцы, эдаким добром разбрасываться? Народ вы трудовой, пахари среди вас есть. Они-то зернышка не уронят, знают; туг мешок — сыт мужичок! Но что такое зерно? Один колосок."[1] А в патроне этом, может, вся жизнь твоя будущая, счастье целой семьи — твоей, твоего друга.

И быть может, впервые задумается иной беспечный солдат, как достаются людям оружие, хлеб, одежда, которые ему дает с избытком Родина. ' Поймет, как сам он должен отработать свой долг перед народом. А замполит уже читает — специально припас, хитрец! — «Балладу о патроне» из армейской газеты:

Каждый маленький патрончик
Точит женская рука,
Чтоб скорей войну закончить,
Одолеть быстрей врага...

-^-Знал Булавин, как подойти к солдату, и сердца раскрывались ему навстречу. Воины делились домашними новостями, излагали свои нужды. Нередко тут же, в окопе, замполит составлял письмо в колхоз или на за^од, где боец трудился до армии, просил от лица командования части оказать помощь семье фронтовика. -

В полевой комиссарской сумке всегда находились лишний лист бумаги, карандаш.

— Не скупитесь на письма, братцы! Ваши матери и жены ждут не дождутся весточки с фронта.

Если солдату, особенно молодому, некому было писать, у замполита оказывался в запасе адресок девушки-тыловички, желающей переписываться с воином. ^

-^Оружие любит смазку, а душа — ласку! — приговаривал он. — Письмо — та же пища, только для души.(/

Я стала примечать: стоило Булавину появиться в ротных окопах, как моя напарница, если это было возможно, старалась незаметно подойти поближе к солдатам, послушать, о чем говорит с ними капитан$_{ш}$ Зоя не сводила с него горящих глаз, ловила каждое слово. И смущалась, заметив ответный взгляд.

— Это ж такой человек, такой человек, Люба!— шептала она мне, вздыхая. — Адреса всем раздает, письма за других пишет, а самому ни от кого нет... Что, если я ему напишу, а?

— Зачем же писать, когда можно на словах сказать?

— Что ты, Люба! — смутилась она. — Ему сколько лет, а мне? Половины нет. Я не от себя, от неизвестной будто бы.

— А как же он неизвестной отвечать будет, глупенькая?

Зоя подумала: Действительно, глупо! Ыужны ли суровому немолодому комиссару ее утешения? Похоже, он в них не нуждается...

МЫ ПОМОГАЕМ РАЗВЕДЧИКАМ

Как-то капитан Булавин позже обычного постучал в нашу дверь. Подождав, пока девушки, готовившиеся ко сну, приведут себя в порядок, он вошел. Спросил, как мы провели день, что нового на переднем крае. Только не за тем он пришел, не о том спрашивал. И без того темное от загара лицо замполита совсем почернело.

— Что случилось, товарищ капитан? — забеспокоилась Зоя.

— Ничего не случилось, Зоюшка. Пока что... Но если и в этот раз разведчики вернутся без «языка»...

Землянка разведчиков была недалеко от нашей, мы знали их почти всех в лицо. Нередко, вернувшись из ночного поиска, разведчики помогали нам уточнить систему обороны противника, показывали, где засекли неизвестную огневую точку и в каком месте лучше подкараулить немца. Для этих орлов в пятнистых куртках, с автоматами на груди и с ножами за голенищем сапога, казалось, не было ничего невозможного.

Не так давно, выйдя в поиск, они в темноте наткнулись на вражескую разведгруппу. Было это на нейтральной полосе, почти у самых немецких проволочных заграждений. Старшине, шедшему впереди с двумя бойцами, с самого начала показалось подозрительным поведение противника. Обычно немцы, боясь наших ночных вылазок, непрерывно освещают ракетами передний край, всю ночь строчат из пулеметов. А тут молчат, ракет не пускают. Или враг сменяет часть, занимающую оборону, или где-то рядом рыщет его разведгруппа.

Слева из темноты показались тени. Сомнений нет, немцы. Похоже, и они почуяли неладное, передние фигуры замерли на месте. Исход боя разведчиков решает тот, кто первый откроет огонь. Три ППШ одновременно ударили по врагу. Гитлеровцы залегли. Основная группа, мгновенно сообразив, что происходит впереди, открыла плотный огонь из автоматов и пулеметов. Немцы ответили всего несколькими выстрелами.

Отрезав врагу путь отхода, разведчики навалились на фашистов. Минуты три, не дольше, длился этот бой, так что немцы, сидевшие в окопах, не смогли ни понять, ни предпринять что-либо. Их артиллерия и минометы, словно опомнившись, начали яростный обстрел нашего переднего края, когда разведчики с «языком» были уже дома.

Двадцатидвухлетний уроженец Франкфурта-на-Майне Дал весьма важные сведения. Но их ценность снижалась тем, что после неудачной для немцев ночи в глубине их обороны началось перемещение частей. Нужно было узнать, что готовит враг.

Противник усилил бдительность. Наши разведчики дважды уходили в поиск и оба раза возвращались ни с чем. Новый «язык» нужен позарез: предстояло наше наступление. И вот сегодняшней ночью готовится разведка боем, каждый боец на счету. Замполит, беспокоясь за успех операции, подумал о подмоге.

— Товарищ гвардии капитан, разрешите нам идти в разведку?—Саша Шляхова вытянулась перед Булавиным.

— Ни-ни! Об этом не может быть и речи, снайперы слишком дороги нам, чтобы рисковать вашей жизнью. Вот если б нашлась пара охотниц... Надо поставить дымовую завесу, прикрыть отход прицельным огнем... Не скрою: дело опасное...

В соседнем полку четыре снайпера, наши подруги по школе, недавно так же помогали разведчикам. Осколки немецкого снаряда, разорвавшегося в окопе боевого охранения, ранили всех четырех: Раю Скрынникову — в ноги, Тоню Комарову —

в грудь, Тане Злобиной выбило глаз, Маше Аксеновой осколки иссекли лицо. То, что девушки получили лицевые ранения, особенно взволновало нас. Но от прямого попадания не убережешься — на передовой ли ты или в дивизионном тылу.

Охотниц участвовать в разведке боем вызвалось больше, чем было нужно. Зоя повисла на руке замполита, упрашивая взять ее. Булавин с трудом освободил свою руку.

— Глянь, невелик кулик, да ноготок остер.

— При чем тут рост? — Зоя обиделась чуть ли не до слез. — И вообще я давно уже не расту.

Шляхова никому не уступила первенства, с собой она взяла напарницу. Пришлось подчиниться решению взводной; лучше кандидатур не найти. Мы с Зоей решили пробраться ближе к переднему краю, все равно не уснуть.

Разведка боем началась за час до рассвета. Над нейтральной полосой курился легкий предутренний туман, сквозь белую пелену виднелась прерывистая полоска вражеских траншей. Еще дальше на бугре чернели купы деревьев.

Разведчики бесшумно выдвинулись вперед: с ночи саперы сделали проходы в минных полях, разрезали в нескольких местах колючую проволоку. Поднялись в атаку пехотинцы. Вражеская оборона начала оживать, замелькали огоньки выстрелов. Издали донеслись разрывы гранат, трескотня автоматов. Наши ППШ били гулко и часто, словно срываясь от нетерпения, а немецкие «чахали»: чах! чах! чах!

Мы с Зоей в полный рост стояли у бруствера, наблюдая за ходом боя. Оттого, что сами мы не участвовали в нем, было не по себе, все казалось страшнее. Мы продрогли от утренней сырости, холодок пробирался под гимнастерку.

Далеко впереди взвилась зеленая ракета, оставив за собою дымный след. Командир роты Сурков, возглавлявший операцию, сообщал: первая линия немецких траншей отбита.

Неподалеку от нас, в том месте, где окоп углом поворачивал назад, у полевого телефона сидел связист-ефрейтор. Наушники для надежности были привязаны бинтом к его голове. Замполит, присев на корточки, приказал срочно связаться с командиром полка. Через полминуты ефрейтор, высвободив трубки из-под бинта, передал их Булавину.

Мне не было слышно, что докладывает капитан, я видела только: замполит сердится. Зоя стояла ближе к аппарату. Едва Булавин швырнул трубки на колени связиста, Зоя бросилась ко мне.

— Люба, что я тебе расскажу!

— Тсс!.. Потом.

Замполит выхватил из-за пояса ракетницу и йальнул в небо красной ракетой. Это был условный знак отхода.

Начало светать, туман рассеялся, из окопа хорошо видно, как черные фигурки повернули назад. Теперь нашим приходилось труднее: люди устали, выдохлись, а главное — были на виду у врага. С лязганьем рвались немецкие мины, крупнокалиберные пулеметы вели непрерывный отсечный огонь с флангов. Неужели наших прижмут к земле? Неужели ребятам не добраться до своих окопов?

На нейтральной полосе стали рваться дымовые шашки, густой белый дым стелился по земле клубами. Наши подруги ставили спасительную завесу. Снайперы второй роты, выдвинувшись в окопы боевого охранения, вели огонь по вражеским пулеметам.

Из тумана появлялись отдельные фигуры и группы бойцов. Шумно дыша, люди сваливались в окоп. Поддерживая стонущего товарища, шел разведчик, два автомата были перекинуты через его плечо.

Казалось, прошло много времени, хотя вся разведка боем длилась меньше часа. Рота потеряла трех бойцов, несколько человек были ранены. На той стороне из траншей, в которых побывали наши разведчики, мало кто ушел живым. И главное — ребята взяли «языка», офицера.

У землянки перед переводчиком навытяжку стоял здоровенный обер-лейтенант в ненавистной, мышиного цвета форме. На вопросы отвечал по-военному четко, но стоило гитлеровцу чуточку расслабить мышцы лица, как зубы его начинали отбивать дробь. Когда обер-лейтенант заметил нас с Зоей, в глазах его мелькнуло изумление, бескровные губы сложились в улыбку.

— О-о, фрау?! Шонне медхен!

Переводчик объяснил ему, кто мы. Немец открыл рот, словно хотел набрать побольше воздуха, и отвернулся. Позже, когда его доставили в штаб для допроса, он спросил: правда ли, что молодые женщины в форме, которых он видел на передовой, снайперы?

— За последний месяц в моей роте серьезные потери, — пояснил обер-лейтенант. — И больше всего убитых в голову. Простой стрелок не может попадать так точно.

Любопытно было нам получить из уст врага подтверждение своей меткости.

Капитан Булавин, рассказав о допросе пленного, заметил с улыбкой:

— Гитлеровец —что! Вот война кончится, вернетесь домой — не каждый вас, девчата, решится в жены взять.

— Это почему же, товарищ капитан? — спросила Зоя.

— Страшновато! Представь, к примеру, семейную ссору. Запустишь тарелкой в мужа — точно в лоб угодишь. С другой стороны, и от женитьбы не уйти. Редко, да метко целите—прямо в сердце солдата. Что скажешь на это, Зоюшка?

— Что я скажу? У меня глаз, как алмаз, товарищ капитан, может и не только солдата сразить...

Девушки засмеялись. Когда замполит ушел, Клавдия Прядко стала журить Зою. Разве так разговаривают с командиром?

И Шляхова была недовольна Зоей:

— Ты же девушка, не к лицу тебе подобные шутки!

В устах нашего комсорга не было выше слова, чем простое — девушка. Не любила она тех, кто не уважал свое девичье достоинство. Но разве Зоя, которая порой действительно невоздержанна, даже дерзка на язык, не защищала по-своему нашу честь?

Я не забыла, как встретила нас связная командира полка Тоня, когда снайперы, прибыв на передовую, ужинали в блиндаже подполковника. Эта холеная, гладкая девица носила погоны рядового, но была в шерстяном офицерском обмундировании, ловко подогнанном по фигуре, в хромовых сапожках. Она иронически посматривала на нас, на снайперские винтовки, с которыми девчата не расставались даже за едой. А когда мы вышли из блиндажа, отпустила какую-то колкость по адресу «горе-стрелочков».

Быструю Зою словно ветром подхватило. Подняв с земли хворостину, она стала хлестать воображалу по ногам, по полным коленям, обтянутым тонкими чулками из Военторга. Пришлось Тоне, преследуемой хохотом солдат, спасаться бегством под сень командирского блиндажа.

Именно Тоня доставила неприятности капитану Булавину во время разведки боем: Связная, взяв трубку, поначалу отказалась будить подполковника, уснувшего под утро. Возможно, горячий замполит и преувеличивал размеры успеха операции по захвату «языка», зря настаивал на дальнейшем продвижении батальона: «соседи» не были предупреждены, могли не поддержать действий капитана Суркова. Но решать все это должен был сам командир полка.

У НАС В ГОСТЯХ ПИСАТЕЛЬ СТАВСКИЙ

Солнечное августовское утро. Мы с Зоей ведем наблюдение за вражеской стороной. Пролопотал свою железную скороговорку пулемет, и снова тишина.

Позади нас в окопе голоса: знакомый сурковский и чей-то медлительный густой басок, покрываемый смешками солдат. Кто пришел? Над чем смеются бойцы? Нетерпеливая Зоя извертелась в снайперской ячейке, вот-вот лопнет от любопытства.

— Люба, миленькая, я только взгляну — и мигом назад.

Зная, что в таком состоянии от напарницы все равно мало толку, отпустила ее. Вскоре слышу Зойкин удивленный вскрик, чей-то смех, голоса. Разобрать, о чем говорят, я не могла, да и не до того было: начала оживать вражеская оборона. Прогремело несколько одиночных выстрелов, левей меня прошла короткая пулеметная строчка. Теперь гляди в оба!

Все же пришлось оторваться от винтовки, когда сзади послышались шаги. Высокий грузный командир в каске улыбался мне, как знакомой.

— Здравствуй, снайперша, принимай гостя!

— Товарищ писатель! — только и могла выговорить я. Надо бы обратиться по званию, но погон на нем нет, на груди ордена, депутатский флажок.

Для многих девушек-снайперов Владимир Петрович Ставский был первым писателем, увиденным наяву. Он приезжал в снайперскую школу под Москвой. Его книги «Разбег» и «Станица» читали не все из нас, больше знали писателя по фронтовым очеркам, печатавшимся в «Правде» и в «Красной звезде». Выступая перед курсантками, Владимир Петрович пообещал проведать нас на фронте, а если удастся — написать книгу о боевых действиях девушек-снайперов. И вот он здесь, на передовой...

— Ну, кого я к тебе, Люба, привела? — говорила Зоя, стараясь протиснуться между офицерами, что было не просто в тесном окопе.

— А я-то упирался, як те волы! — весело басил Ставский, кажется, не имевший ничего против Зойкиной хвальбы. — Ну, показывайте свое хозяйство, сестрицы-снайперицы!

Ставский не без труда втиснулся в снайперскую ячейку, стал рассматривать в оптику передний край противника.

— А почему фашист не высовывается? — спросил он.

Я объяснила, что после первых наших удачных выстрелов пошла пустая полоса.

— Значит, заставили-таки гадов башку склонить? Молодцы, девушки, честь и хвала вам!

Справа, на фланге второй роты, ударили, будто захлебываясь от злости, пулеметы. Ставскому захотелось немедленно пройти туда. Мы с Зоей решили проводить его. Писатель шел, не пригибая головы, мы опасались, как бы не заметил противник: окоп отрыт не' по такому росту. А Ставский не хотел ничего слушать.

— Чтобы я, советский человек, склонял голову перед какими-то паршивыми колбасниками? Пусть они ползают по нашей земле, как черви слепые... А потом вы же со мною, — закончил он с хитрецой. — С такой охраной мне и черт не страшен.

Вечером Ставский, усталый, с вымазанными в глине коленями —за день он облазил всю передовую,— сидел в девичьей землянке. Рассказывал о Москве, о снайперской школе, в которой побывал перед отъездом на фронт, передал нам привет от майора Никифоровой.

Не у одной меня, наверное^ встал тогда перед глазами образ нашей общей «матери»: добрые, со всегдашней еле приметной улыбкой глаза, ласковое напутствие при расставании. Екатерина Никифоровна сопровождала роту до самой армии, сдала «дочек» с рук на руки командованию. Ей мы были обязаны тому, как тепло приняли нас в армии, она добилась и того, что снайперскую роту сохранили как отдельную боевую единицу. Не потому ли в курсантской «Прощальной», которую мы распевали в походе и на привалах, был посвященный ей куплет:

Не придешь ты в снайперскую школу,
Не увидишь прежних тех друзей,
И не встретишь больше ты майора,
Что считала матерью своей...

Ставский расспрашивал о подробностях фронтовой жизни, о нелегком окопном быте.

— А почему вы ничего не записываете? — полюбопытствовала Зоя. — Корреспонденты всегда записывают.

На нее зашикали: то корреспонденты, а то — писатель, понимать надо! Ставский, улыбаясь, огладил заросший рыжей щетинкой подбородок.

— И я военный корреспондент, девушки. Но к вам я надолго прикомандирован, не в последний раз видимся. Еще успеете попасть в мой кондуит! Наш разговор лишь «пробная пристрелка» — так у вас, снайперов, выражаются?

Мы попросили Владимира Петровича рассказать о себе. Как человек становится писателем, пишет книги? Некоторые из нас полагали, что все можно выдумать из головы, не выходя из своего рабочего кабинета.

— Конечно, не обязательно сидеть на дне кастрюли, чтобы знать вкус супа. — Ставский лукаво прищурился. — Но чтобы сварить хороший суп, нужно знать, сколько, чего и когда класть в кастрюлю... Кухню войны немножко знаю, в пятой вот участвую...

— Как в пятой? — ахнули мы. — Сколько ж вам, Владимир Петрович?

В семнадцать лет рослый парнишка-молотобоец из Пензы уже командовал отрядом по борьбе с контрреволюцией, позже был разведчиком, чекистом, комиссаром отдельной Кавказской краснознаменной армии. Сменив винтовку на перо рабкора, Ставский продолжал сражаться с врагами Советской власти на других участках борьбы, на трудном хлебном фронте. И снова бои: республиканская Испания, Халхин-Гол, финская кампания, наконец, Великая Отечественная.

Я смотрела на Ставского и думала: вот она, живая история Советской страны, нашей партии! Позднее мы узнали, что в Мадриде Ставский не только организовывал работу Конгресса борцов за мир, но во главе батальона интербригадовцев атаковал прорвавшихся фалангистов, а в снегах Карельского перешейка был ранен, поднимая в бой роту, оставшуюся без командира...

В соседней роте рассказывали о переполохе, который произвело его появление на передовой. Одна из снайперских пар выдвинулась к самой реке, хорошо замаскировалась. Противник с того берега просматривал местность, нужно было соблюдать предельную осторожность. И вдруг снайперы слышат: кто-то пробирается к ним из тыла, ломится напрямик сквозь кусты. Все громче треск веток и камыша, все ближе чье-то сопение. Уж не кабан ли?

Велико было удивление девчат, когда потный, красный Ставский буквально свалился в их боевой окопчик. Отдышавшись, он еще пробовал шутить: летать рожденный не может-де ползать. Достав из кармана слипшиеся, в просаленных бумажках шоколадные конфеты, писатель угостил снайперов. За это потребовал, чтобы они разрешили ему хоть раз выстрелить.

— Трехлинейку знаю, из охотничьего палил, а из снайперской не доводилось.

Похоже, выстрел был удачен. Во всяком случае, Ставский остался доволен «не зря прожитым днем».

ПЕРВЫЙ ОТПУСК НА ВОЙНЕ

Девушек-снайперов отозвали на отдых; больше двух месяцев мы находились на передовой. В густом бору, меж соснами, стояли новенькие финские сборные дома. Тюфяки застланы белоснежными простынями, под головой настоящие подушки, к пушистому одеялу так и хочется прижаться щекой.

Чистоте, уюту, вкусной горячей пище, которую получали трижды в день, мы радовались, как дети. В первый вечер перед сном, дурачась, долго маршировали по спальне. Солдатские, не по росту, рубахи некоторым были по щиколотку, рукава свисали до колен.

С утра занялись боевым оружием. Придирчиво осматривали крепление винтов, выверяли оптический прицел, пристреливали винтовку в ближнем лесочке. Винтовка — первый друг солдата, за нею ухаживали бережно, гордились своим оружием, как гордятся любимым детищем.

Позже наш домик превратился в «ателье мод»: девушки подгоняли по фигуре гимнастерки и юбки, которые снова стали носить на отдыхе, подрубали носовые платочки и подворотнички. Почему-то все вдруг увлеклись вышиванием — просто поветрие пошло. Цветных ниток ни у кого не было, распускали худые чулки, старые трико.

На ночь наши завзятые модницы крутили волосы на бумажки и тряпочки, утром поражая подруг бараньими завитками. Если ожидались танцы или кино, в ход шла добытая в Военторге пудра и помада.

Кажется, впервые здесь нам показали фильм «Она защищает Родину». Многие девушки плакали, а я, как говорится, умылась слезами. Клавдия Прядко предпочитала не ходить на такие картины, слишком многое они ей напоминали.

На девичьих гимнастерках засверкали значки «Гвардия» и «Отличный снайпер», у некоторых появилась первая медаль «За боевые заслуги». Немало удовольствия доставил нам фотограф, присланный армейским политотделом. В тыл полетели письма с фотографиями, где мы были сняты при полном параде, со всеми своими еще жидкими регалиями.

«Как плохо быть неграмотной, дочка, — писала мне мама, вернее, соседка по дому под мамину диктовку. — Ждешь, ждешь весточку от тебя, получишь, наконец, и снова в ожидании проходят долгие часы, пока придет с работы соседка. А карточка и без слов о тебе все рассказала. Вижу, молодцом дочка глядит. Береги себя, не простудись!..»

За время отдыха случилось то, что нужно было ожидать: рассыпались искусственно, приказом сверху созданные пары. На войне приходит понимание: в смерти человек не волен, она может настигнуть тебя, где угодно. Но твоя жизнь зависит от тебя самого. А у снайперов — еще и от твоего напарника. Так кто же лучше, чем ты сам, выберет себе друга на жизнь и на смерть?

У нас с Зоей Бычковой настоящей дружбы не было. И Зоя перешла в пару к Нине Обуховской, а моей напарницей стала Клава Маринкина: мы давно мечтали быть вместе. Еще в нескольких снайперских парах произошли перемены. И сразу стало меньше недоразумений.

Зоя, вечная заводила и выдумщица, отличилась и на отдыхе. Нашей роте дали в командиры немолодого капитана. Крикливый, суматошный, он ни у кого не пользовался авторитетом.

Не то капитану не по душе была воинская форма на девушках, не то зависть к первым нашим боевым наградам (у него их не было) бередила сердце, только он всегда старался показать свою безграничную власть над нами. Построит роту, подаст команду «смирно» и ходит вдоль строя, поглядывая на часы. Кто-нибудь шевельнется — кричит истошно:

— Как стоите? Не уважаете меня, так уважайте хоть мой офицерский мундир!

Жалким выглядел в эти минуты капитан.

...Все были рады, когда двухнедельный отдых кончился и нас направили в дивизию, стоявшую под Новосокольниками. В батальоне, куда я попала, четыре женские снайперские пары. Свободной землянки не нашлось, пришлось самим рубить лес для стен и наката на крышу.

В девичьих руках топор — непривычное орудие, не у всех дело ладилось. А Сашенька Шляхова так ловко орудовала топором, будто всю жизнь занималась плотничьим ремеслом. Любо-дорого было смотреть, как из-под острия летит белая щепа, как чисто притесанные бревна ложатся одно к одному в сруб землянки.

— Вот так рубить! — приговаривала она, поддразнивая нас.

Лишь Полине Крестьянниковой удавалось тянуться за ней.

К вечеру землянка была готова. Усталые, с ноющими спинами, мы повалились на постель из сосновых веток.

Неугомонная Зоя куда-то исчезла. Через час вернулась.

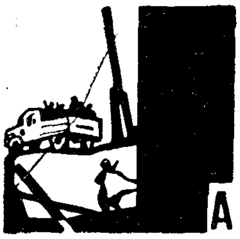
— О счастье битвы! Мы отомщены, девочки!

Не знаю уж каким чудом Зое удалось выманить у крикуна капитана, командовавшего нами во время отдых-а, фотокарточку. Может быть, он решил, что нравится ей? Превратив капитана с помощью чернил в злодея Мефистофеля, Зойка наложила на обороте фотографии ироническую резолюцию и отправила ее владельцу.

Проделку эту взвод встретил разно: одни от души хохотали, другие считали, что в этот раз Бычкова переборщила. Капитан есть капитан, и смеяться не следует. А что, если он перешлет сей портрет нашим командирам?

— Перешлет или не перешлет, не меняет сути! — Лицо Клавдии Прядко пошло пятнами. — А суть в том, что ефрейтор Бычкова забыла, где находится, забыла об армейской дисциплине, уважении к старшему по званию.

И она и Шляхова, предлагавшая вынести этот случай на ближайшее комсомольское собрание, были, как всегда, правы: Зоя часто срывается, бывает дерзка на язык, невоздержанна в поступках. Но в веселых выдумках нет ей равных — это тоже факт!



НЕ ДАЕМ ВРАГУ ПОКОЯ

Армия готовилась к боям за освобождение Невеля^,В части прорыва усиленно подтягивалась техника, окрестные леса были забиты тягачами с орудиями, танками. На башнях «тридцатьчетверок» появились незнакомые номера и литеры.

Нашей 21-й гвардейской стрелковой дивизии предстояло наступать. Снайперы, как известно, эффективнее всего действуют в обороне. Чтобы лучше использовать нас, не подвергая в то же время лишнему риску, командование отозвало девушек-снайперов в 46-ю стрелковую дивизию. Она давно уже вела оборонительные бои — не мешало потрепать нервы гитлеровцам, обжившим за это время свои земляные норы.

Мокрым осенним вечером три снайперские пары прибыли в батальон. Штабной блиндаж отрыт у ската высоты. В ложбине пожелтевшая, пожухлая трава, чернеет рожь, посеченная осколками. Вспомнилось школьное: «Только не сжата полоска одна...» По гряде холмов до сосняка на горизонте тянется оборона врага.

Наш приход застал молодого командира батальона врасплох. Босой, небритый, в расстегнутой гимнастерке, так что был виден грязный подворотничок, капитан вскочил с топчана. Пока Шляхова докладывала, комбат поспешно застегивал пуговицы на гимнастерке.

Подошедший парторг батальона был очень доволен:

— Хорошо, девчата, что вы появились, очень кстати! Чую, подтянете наших людей.

Позже он доверительно сообщил нам, что даже командир хозвзвода, известный неряха, засверкал, как новенькая монета, — вот что наделало появление девушек в батальоне!

Нам отвели большую землянку рядом с командирской. Справа от входа тянулись нары. Вместо тюфяков — привычный еловый лапник, плащ-палатки отлично заменяют простыни, а свернутые телогрейки — подушки. Укрываться можно шинелями, поверх которых натягиваем плащ-палатки: по ночам холодно, выпадает обильная роса.

Не успели расположиться, как нас пригласили к комбату. Его не узнать: сапоги блестят, лицо гладко выбрито, от капитана разит резким запахом тройного одеколона. Ординарец разливает в миски настоящий украинский борщ.

Батальон в основном формировался из украинцев, а это народ хозяйственный, любящий и умеющий вкусно поесть. С осени начхоз заготовил свежие овощи, и повар варил для всего батальона такие наваристые, густые борщи, что ложка, как говорится, торчком стояла.

Распорядок обычный: с рассвета уходим на «охоту» и возвращаемся в полной темноте.

Ложбиной, скрытые от противника невысокими холмами, добираемся до ходов сообщения. В низине туман, сыро. На ходу чуть согреваемся. До врага рукой подать. Кое-где наши окопы сближаются с немецкими на расстояние нескольких десятков метров, а в некоторых местах траншея разгорожена рогатками — деревянными кольями, опутанными колючей проволокой: по эту сторону наши, по ту — немцы. Снайперские ячейки отрыты между окопами боевого охранения, вынесенными вперед, и первой линией наших траншей. Отсюда хорошо просматривается вражеская укрепленная полоса.

В окопах слышна немецкая речь, порою можно невооруженным глазом рассмотреть чужие лица: кое-кто из солдат обеих сторон знает друг друга в лицо. Появление офицера во вражеской траншее засекают по щелканью солдатских каблуков, отрывистой команде. И начинается потеха.

Гранатометчики бросают «лимонки». Гитлеровцы *отвечают* гранатами на длинных деревянных рукоятках. Наши наловчились «возвращать» их обратно, хватая на лету за рукоятки. Короткими очередями бьют пулеметы, затем надолго устанавливается затишье. Особенно угнетает оно снайперов: в тишине одиночный выстрел отдается громом, его легче засечь врагу.

Бойцы нам обрадовались: теперь дело пойдет веселее. И действительно, уже в первые дни появления на передовой снайперы отучили врага от беспечности. Когда Клава Маринкина меткой пулей сняла немецкого офицера, противник перестал нахально, в полный рост, ходить по траншеям, не высовывался больше, чтобы посмотреть, что творится у нас.

На каждый удачный выстрел враг огрызался ожесточенным пулеметным огнем, делал минометные налеты по окопам, по батальонным тылам. Особенно усердствовали вражеские минометчики на рассвете, когда мы шли на передний край, и по вечерам, во время нашего возвращения с передовой.

Только стихнут разрывы, гитлеровцы кричат из своих окопов, не рискуя, однако, высунуть носа:

— Иван, поел борща?

Тут наши артиллеристы дают врагу «прикурить», настает очередь бойцов спрашивать:

— Что, фриц, напился кофию? С горячими блинцами.

Во время наступления ребята из первой роты нашли в сожженной немецкими факельщиками деревне старинный граммофон с трубой. Солдаты таскали его за собою по дорогам войны, берегли как зеницу ока немногочисленные пластинки. Была у них запись песни про Стеньку Разина. Гитлеровцы не раз слышали ее в ночной тишине, даже пробовали заказывать «на бис».

— Иван, давай «Вольга, Вольга»!

— Ишь, чего захотел, фриц! Не видать тебе нашей Волги, как своих свиных ушей.

Если бойцы ставили пластинку, фашисты пытались подпевать на своей стороне: «Вольга, Вольга, мать родная, Вольга германская река...» Серчали не только стрелки, но и минометчики. Огневой хор заглушал непрошеных певцов с Рейна и Майна.

После передовой особенно уютной казалась теплая, освещенная «фигасиком» из снарядной гильзы землянка. Заходили гости, наши украинки веселели в окружении земляков. Сашенька и так никогда не скучала, а Прядко, кажется, даже помолодела и похорошела в батальоне. Чаще обычного смеялась, охотно затягивала с подружкой про «садок вишневый коло хаты». Воины-украинцы согласно вторили им.

— Чи е, дивчата, що краще украинських писень, нашой мовы! — Клавдия Прядко победно оглядывала нас.

Певучий украинский язык нравился мне и раньше, я пыталась укрепить свои познания, благо в учителях отказу не было. И другие девушки усваивали кое-что из речи своих подруг. Но стоило одной из нас произнести на ломаном украинском языке «травка зеленеет» или «теленочек беленький», как вся наша многолюдная «хохляндия» каталась по нарам от хохота.

В батальоне до нас была одна девушка — тихая, скромная медицинская сестра Таня. Уроженка Калининской области, она не захотела покинуть часть, когда освободили ее родную деревню. Воины любили девушку, звали «наша Танюша». Она особенно обрадовалась снайперам, так и прилепилась к нам.

А мы порою скучали по своим — по комбату Рыбину, по замполиту Булавину, по знакомым бойцам и командирам. Да и тоска по дому сжимала сердце. В такие минуты особенно дороги письма. Для меня лично ни отдых, ни чистая постель, ни кино по вечерам не могли сравниться с тем радостным мигом, когда почтарь вручал толстую пачку писем, пришедших на мое имя! Читаешь про себя, потом — Клаве, потом — вслух — подругам...

Коротки мамины послания, написанные к тому же чужою рукой, но стоит прочесть: «Наш цех, слава богу, перевыполнил план», как воочию представляешь себе черные дымы бесчисленных заводских труб Мотовилихи, бессонной уральской кузницы. Катят по дороге новенькие пушки — это мой Урал шлет привет фронту! Гремят во вражеском тылу разрывы наших снарядов — мой Урал голос пробует! А уж как обрадуешься, разволнуешься, встретив в пополнении уральца! Откуда родом, далеко ли это от Перми, от красавицы Камы? И где бы ни жил до войны солдат — в степях перед Уральской грядой или в горном Зауралье, — все равно свой, почти родня.

Снайпер Ганночка сообщил землячкам, что их «хозяйство» скоро переберется в район... В какой, было замазано черной тушью: письма проходили военную цензуру. Но мы и так знали, какое слово там стояло: Невель.

Тихая Лида Ветрова забивалась с письмом куда-нибудь в укромный уголок, глаза ее блестели. Чужую тайну все уважали, тем более что никакой тайны и не было. Мы же видели, на кого чаще других поглядывала она, с кем дольше всех прощался артиллерийский командир Шор, покидая нашу землянку.

А Зоя Бычкова призналась мне, что однажды, не выдержав, написала замполиту. Наверное, письмо было глупое, сетовала Зоя, если Булавин не ответил. Я успокаивала подругу: не до писем ему, хватает и других забот в канун наступления. Зоя поддакивала, а ночью вздыхала, ворочаясь на нарах.

Трудно, тоскливо в чужом батальоне без писем! А еще я сильно тосковала по... цветам. Да, да, все лето в нашей землянке на столе стояли цветы; я ухитрялась нарвать их по пути с передовой. А в здешней голой ложбине даже желтая сурепка не растет. Снайперский дом чем-то померк для меня...

В полку жил немец-перебежчик, антифашист, «антифа», как звали его офицеры. Он ходил в шинели мышиного цвета и в красноармейской пилотке без звездочки. Девчата, столкнувшись с ним в траншее впервые, вскинули было винтовки. Бойцы успокоили: «Это не ихний фриц, это наш Вальтер!»

Вальтер часто появлялся на переднем крае и через рупор рассказывал своим соотечественникам, почему перешел к русским и как ему здесь живется. Читал по-немецки свежие сводки Совинформбюро, в которых говорилось, как советские части теснят гитлеровские армии на юге. Рано или поздно, убеждал он, Гитлеру все равно капут. Пусть камрады поскорее опомнятся, бросают оружие, сдаются в плен. Отсюда короче путь до фатерланда.

Немецкие солдаты слушали внимательно, никто не стрелял. Зато, если в окопе, показывался офицер, раздавалась яростная команда: «Файер!» — и поднималась трескотня. Как только бесстрашный Вальтер оставался столько времени живым? Железный рупор, с которым он выползал на «нейтралку», был весь в пробоинах.

Однажды командир роты Кусков, большой шутник, взял у Вальтера рупор, чтобы разыграть приехавшего в батальон капитана интендантской службы полка. Кусков забрался на высотку между ротой и штабом батальона и давай «агитировать» капитана на немецком и русском языках. Называет его по фамилии и должности, предлагает переходить на сторону фашистов, сулит неземные блага в гитлеровском «рейхе».

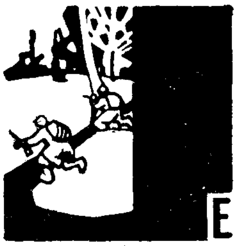
Растерянный, перепуганный до смешного капитан бегом бросился в штаб батальона доложить о неслыханном ЧП. Больше всего изумило снабженца то, что немцы знают не только его фамилию, но и служебные обязанности. Кусков, потайной тропкой добравшийся до штаба раньше его, невозмутимо объяснял:

— Чего удивляешься, капитан? Немецкая «рама» с утра над нами висит, небось еще и сфотографировала тебя с воздуха. Все же новый человек на передке, редко среди солдат появляешься! А что фамилию твою знают — совсем просто. Почаще ходил бы по окопам, послушал бы, как честят тебя бойцы. Зима на носу, а ватников нет — это раз! К осени сапоги не починены — это два! — Он загибал пальцы один за другим. — Не только тебя — даже, прости, мамашу твою бойцы поминают недобрым словом.

Капитан понял намек, молча проглотил обиду. Уехав в полк, он долго не показывал носа на передовой. Однако мастера-сапожника сразу прислал. А вскоре солдаты получили ватники и теплые брюки.

Мы уже стали привыкать к жизни в батальоне, сдружились с людьми, как пришло время прощаться. И хотя нас ждал кратковременный отдых в запасном полку, не одна Прядко проронила слезу, прощаясь с гостеприимными хозяевами. Медсестра Таня горько плакала, провожая снайперов: опять ей оставаться одной среди мужчин. Бойцы просили нас поскорее вернуться обратно.

БОЙ ЗА НЕВЕЛЬ



Еще на отдыхе из писем стало известно: родная 21-я гвардейская дивизия отличилась в боях за освобождение Невеля.

За два года оккупации гитлеровцы превратили небольшой городок в сильный узел обороны, один из углов стратегического треугольника: Великие Луки — Новосокольники — Невель. Через город проходил железнодорожный путь на Ригу, здесь было скрещение шоссейных дорог. По ним немцы могли перебрасывать войска и технику из группы армий «Север» в «Центр». Разведка доносила: летом в Невель приезжал Гитлер (если, конечно, это не был один из его двойников) инспектировать войска.

Утром шестого октября сотни орудийных стволов, нацеленных на вражеские укрепления, одновременно открыли огонь. Ударили штурмовые роты, и на стыке между армиями, где оборона у гитлеровцев была слабее, наметился прорыв. Расширяя его, вперед устремилась механизированная группа, настоящий стальной таран из танков, самоходных орудий и артиллерии — противотанковой и зенитной. Воины 21-й гвардейской дивизии, посаженные на броню танков и в автомашины, закрепили успех операции: к середине дня Невель был освобожден.

Забрызганные грязью танки настолько неожиданно ворвались в город, что немецкий регулировщик на перекрестке, не разглядев звезды на башнях, дал отмашку флажком: путь свободен! На здании комендатуры развевался флаг со свастикой, головной танк, развернув пушку, в упор ударил по дому. Десантники, попрыгав наземь, расстреливали гитлеровцев, которые выскакивали из окон, пытаясь огородами уйти к реке. Пировавших в ресторане фашистских офицеров автоматные очереди косили прямо за столиками.

Во время уличных боев батальон потерь не понес. Лишь комбат Рыбин, первым спрыгнувший с головного танка, был ранен в шею немецким регулировщиком. Это был последний выстрел фашиста.

А танки мчались дальше, на железнодорожную станцию, где стояли под парами два эшелона. Полторы тысячи жителей, загнанных в теплушки, для отправки в неметчину, были освобождены.

Враг опомнился километрах в 10—12 от города. Гитлеровцы начали методический обстрел Невеля из дальнобойных орудий. Уцелевшие после нашего наступления дома были разбиты и сожжены.

Много лет спустя, в двадцатую годовщину со дня освобождения Невеля, я прочитала в газетной статье слова из старой сводки гитлеровского верховного командования: «Все бои на Восточном фронте отступают на задний план по сравнению с тяжелым сражением в районе Невеля». Враг считал Невель «воротами в Прибалтику», шел в непрерывные контратаки, пытаясь вернуть «ключи» от этих ворот. Важную битву выиграли тогда наши боевые товарищи!

Дивизия заняла оборону северо-западнее Невеля. Впереди гряда холмов, то совершенно лысых, то поросших чахлым кустарником. Штабные землянки отрыты на обратных скатах высот. Полковые батареи стоят в лесочке, по обе стороны шоссе, ведущего на Полоцк.

Гвардейцы узнавали нас, окликали по именам.

— Зоя, никак ты?.. Глянь-ка, и Люба здесь и Клава!

— Щось ты, землячка, раздобрела на казенных харчах?

— Вы теперь тоже невельские, девушки, поздравляем!

Повидав своими глазами в освобожденных от врага городах «немецких овчарок», как народная молва окрестила женщин, путавшихся с оккупантами, бойцы с еще большей нежностью относились к нам, своим боевым подругам. Вместе мы тянули нелегкую солдатскую лямку, рядом сражались и гибли!

Капитан Булавин, принявший командование батальоном, казалось, постарел от свалившихся на него забот и усталости, еще больше сутулился. Только глаза его лучились от радости при виде нас.

— Вернулись наши красавицы, будто солнышко на небе взошло.

Зоя Бычкова оказалась рядом, Булавин погладил девушку по голове. Зоя задержала его руку, незаметно прижалась к ней щекой. Весь день она ходила счастливая от скупой ласки замполита.

Все мы волновались о здоровье комбата, но Булавин успокоил: Рыбин ранен легко, пишет, что уже ворочает шеей. Не такой он человек, чтобы долго залеживаться в госпитале, скоро вернется в строй.

Первый день «охоты» оказался удачным. Гитлеровцы, не успев окопаться после неожиданного, поспешного отступления, вначале появлялись открыто. Из своего окопчика на опушке я подкараулила двух фашистских солдат, вышедших из дальнего леска с бревном на плечах5"Взяла на мушку переднего — гитлеровец свалился, бревно придавило его. Второй присел от неожиданности, видно, не понял сразу, что случилось с его напарником. Пришлось и ему познакомиться с тем, как жалят снайперские «осы». Эти двое уже никогда не будут строить оборонительные объекты на чужой территории!

Не прошло и недели со дня нашего прибытия на передовую, как в снайперскую землянку, согнувшись в три погибели, протиснулся гигант в замызганном полушубке; дверь была и низка и узковата для него. Из-под каски щурятся веселые глаза, гудит знакомый бас:

— Добрый вечер, царь-девицы! Как живете-можете?

Гостям мы всегда рады, а Ставский — не совсем обычный гость на передовой.

— У нас все в порядке, Владимир Петрович, как вы? Надолго к нам?

— А я теперь пожизненно приписан к вашей армии, девушки, где вы, там и я, — шутит Ставский. — Местечко найдется? Поближе к камельку.

Писателю освободили земляную лавку возле печки. Лицо у него утомленное, немножко отекшее, под глазами мешки. Находясь в наступавшем полку, Ставский шагал вместе с бойцами в полной боевой выкладке, с автоматом на плече и гранатами за поясом. Атакующие обошли противника лесным болотом, пушки застревали в топких местах. Военный корреспондент, впрягаясь наравне с другими в постромки, помогал артиллеристам вытаскивать орудия.

До поздней ночи он расспрашивал нас обо всем, что произошло в роте за последнее время, записывал что-то в свою клеенчатую тетрадь.

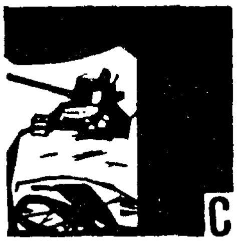
— Э, да у вас, дочки, глаза слипаются, — вдруг спохватился он. — А завтра небось до света вставать? Чего ж меня не гоните?

Мы понимаем, что пора спать, но не хочется прерывать интересную беседу.

— Ладно, не последний раз видимся, — сказал Ставский на прощанье и надел каску. — Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!

Не знали, не ведали мы, что это наша последняя встреча...

В НАСТУПЛЕНИИ



Северный ветер разогнал низко нависшие тучи, то и дело проливавшиеся дождем. По ночам землю сковывала ледяная корка. Осенняя непогода надоела, мы обрадовались морозам, ударившим до времени. Значит, смогут действовать авиация и танки, значит, скоро наступать.

По утрам умываемся ледяной водой. Зоя Бычкова, разбив тонкую прозрачную корочку, кидается льдышками, норовит незаметно опустить кусочек холода за ворот подруге. Смехом, визгом, веселой суматохой начинается день.

Зимнего обмундирования еще не привезли, но это никого не пугает. Шинель Саши Шляховой всегда распахнута, пилотка едва держится на густых волосах, лицо такое румяное, что, кажется, подойди ближе — пахнет жаром, как от печки.

— Саша, опять вся раздетая? — сердится Прядко.

— А если у меня кровь горячая? — смеется Саша.

— Ты же командир, по тебе другие равняются.

Продолжая ворчать, она застегивает пуговицы Сашиной шинельки, укутывает шею подруги белым шерстяным шарфом. У Прядко и Шляховой шарфы одинаковые. Один теплый платок, разорванный по длине, пошел на них. Связанный материнскими руками, он был единственной Сашиной памяткой о доме. Остальные вещи она, как и все мы, раздала жителям разоренных, разграбленных врагом мест, мимо которых проезжал по дороге на фронт наш воинский эшелон.

Я оставила себе на память белый рушник, вышитый мамой. И если на привале, во время похода или в землянке выдавалась минута отдыха, доставала из вещмешка расшитое узорами полотенце. Прижмусь лицом к прохладной льняной ткани, словно утираюсь, целую тайком. Потом сложу, чтобы не мялось, и в мешок, на самое дно. Смешно теперь сознаваться, но рушник казался мне тогда материнским спасительным талисманом...

В начале ноября выдали ватники, теплые брюки, валенки, шапки-ушанки. Сразу все заметно пополнели, самые маленькие выглядели кубышками, столько на нас было понадето. Зато лежишь на снегу в засаде и не чувствуешь холода.

Никто не знал, сколько еще сидеть в обороне. Подходил октябрьский праздник, страна Готовилась встретить его новыми победами, ¿Дм будет рапортовать народу наш Прибалтийский фронт, славная Третья ударная армия, родная гвардейская дивизия? <

Поздней зимней ночью в дверь девичьей землянки кто-то постучал. Вошли озабоченный замполит Булавин, все еще заменявший раненого комбата, и комсорг батальона Геннадий Егоров, молодой лейтенант, недавно прибывший в нашу часть.

— Девушки, готовьтесь к ночному маршу! Через два часа батальон поднимается по боевой тревоге.

Вопросов к Булавину нет, все понимают — наступление.

Командиры ушли к солдатам в окопы, мы начали сборы. Первой вышла из землянки наша старшая, Саша Шляхова — подтянутая, в полном боевом снаряжении. А у заспанной Зои Бычковой не ладится с портянками: сунет ногу в валенок — портянка в комок.

— Э, нет, Зоя, так не пойдет. На марше натрешь пятку. А ну, давай-ка сюда ногу, живо!

Клавдия Прядко, пригнувшись, стягивает е Зоиной ноги валенок, ровно и туго, словно бинтуя, перематывает портянку. Бывало, выслушав замечание Прядко, Зоя жаловалась: «И чего она ко мне придирается? Старуха-ворчуха!» Сейчас Бычкова, постукав ногой в валенке по полу, благодарит старшую подругу. А той не до любезностей, она уже показывает кому-то, как лучше подвязать котелок, чтобы не гремел на марше.

В полной темноте шагаем по проселку. Дорога разбита, комья земли превратились в ледяные торосы, по ним больно ступать. Заснеженная тропка, на которую сворачивает колонна, втягиваясь в лес, кажется мягким ковром. Где-то далеко бухнула, точно спросонья, пушка, залопотал и смолк пулемет.

ч Замполит шагает рядом с нами, поддразнивает невыспавшуюся, а поэтому сердитую Зою, а через минуту он уже шутит в хвосте колонны с минометчиком, согнувшимся под тяжестью опорной плиты. Но вот Булавин снова впереди, среди солдат первой роты. Завидным свойством поспевать всюду, подбодрить каждого обладает наш неутомимый комиссар! $

Вскоре слышим выхлопы прогреваемых моторов: справа, в лесной чаще, танки, подтянувшиеся к передовой. На столбе фанерка с надписью: «Хоз-во Шора». Значит, рядом наши друзья-пушкари. Вдоль тропы по веткам бегут провода связи. В ночь перед наступлением прифронтовой лес живет своей сложной жизнью.

Начинает светлеть, когда батальон выходит на исходный рубеж атаки. Перекур. Бойцы усаживаются отдыхать, подминая под себя пушистую крону моленьких елочек, кто-то опускается на корточки у толстой сосны, опершись спиною о ствол. Командиры рот и взводов собираются на бугре, где КП батальона.

С опушки видно голое поле, в полукилометре его перерезает неровная лента окопов — первая линия немецкой обороны. Сейчас она безмолвствует, точно покинутая, лишь вдали взвивается в небо запоздалая желтая ракета да на фланге стучит крупнокалиберный пулемет. За спиной у немцев — железнодорожное полотно, еще дальше — взгорок, на котором синеют силуэты редких изб и сараев. Это деревня Ведусово, превращенная противником в опорный узел.

За деревней невидимое отсюда шоссе уходит на север, в сторону Ленинграда. Выбить врага из Ведусова — значит овладеть важной транспортной магистралью. Вот почему перед деревней две оборонительные линии, а каменные фундаменты домов и сараев превращены в дзоты...

Командиры, собравшиеся у КП батальона, озабочены. Как всегда, первый батальон в голове наступления, бьет в лоб врагу. Позиции снайперов недалеко от КП, отсюда будет удобно выискивать и поражать цели. Да и командованию лучше, когда стрелки под рукой, — можно сразу поставить новую задачу в быстро меняющейся боевой обстановке.

Из глубины за нашей спиной ударили пушки, снаряды с шелестом проходят над головой. Огненные столбы разрывов встают вдоль линии немецких траншей, в воздух вздымаются комья земли, балки блиндажей. Тяжелые минометы замолотили по тылам вражеской обороны. На околице Ведусова загорелся сарай, в его пламени видны мечущиеся фигурки гитлеровцев.

Еще не стихла мощная артподготовка, как бойцы роты капитана Суркова поднялись в атаку. От окопов нашего боевого охранения до первой линии немецких траншей добрались одним духом. Левее двинулись вторая рота, третья. «Где комиссар? Комиссар где?» — пробежало по рядам. И немедленный отзыв по цепочке, от бойца к бойцу, из отделения в отделение: «Здесь комиссар, с нами!» Сутуловатую фигуру Булавина можно узнать издали. Обгоняя его, с нарастающим «ура» бегут солдаты.

В атаке каждый хотел оказаться рядом с Булавиным не только затем, чтобы в случае опасности прикрыть командира. Солдаты по-детски верили, что возле капитана они и сами останутся целы. Еще ни разу он не был серьезно ранен, только однажды шальной осколок царапнул его плечо. Булавин отшучивался: боится-де фашист тронуть комиссара, только щекочет...

Головная рота Суркова выбивает немцев из первой линии траншей. Ротный, как всегда, в цепи бойцов, одним из первых он перемахнул через бруствер, стреляя из пистолета по удирающим гитлеровцам. Гвардейцы бегут по окопу, забрасывают изгибы траншей гранатами, добивают пулеметчиков в их норах. Преодолели первые, самые трудные 200—300 метров до немецких траншей; теперь рота в относительной безопасности, в том «мертвом пространстве», где не может поразить пулеметная очередь.

Устроившись в Мелком, наскоро отрытом окопчике перед КП, мы с Клавой ведем прицельный огонь, С позиции хорошо виден вражеский ход сообщения, ведущий в сторону деревни. Вот по нему заколыхались спины двух фашистов. Выстрел, другой... Гитлеровцы, будто споткнувшись, валятся наземь.

Под железнодорожной насыпью ожил немецкий пулемет, словно змейка со смертоносным огневым жалом. Выстрел! Еще выстрел!

— Есть! — не удержавшись, ору я, перебив пулей хребет огненной змеи; эта больше не ужалит.

Крики «ура», уходят вперед и затихают. А может, усилившийся гул боя заглушил их? Земля дрожит от разрывов снарядов — наших и чужих, дно окопчика колышется, как болотная трясина. Тяжелая мина разрывается в лесу, обломки сучьев, мерзлые комья летят на землю. Острый камушек чиркнул меня по руке. Но руки уже не мерзнут, зубы не сводит от холода и страха. Щека напарницы пылает как в огне. И Клаве жарко...

Раздирающий уши рев моторов заставил вжать голову в плечи. Эскадрилья штурмовиков, вынырнувших из-за леса, пикировала на Ведусово. Столбы черного дыма и огня встали над немецкими позициями. Нет, не зря гитлеровцы называли наши Илы «черной смертью»! А справа, лощиной, двинулись «тридцатьчетверки». Стреляя на ходу, танки повернули к мосту над железнодорожным полотном, чтобы зайти противнику в тыл.

Неподалеку от нашего окопчика пристроилась Зоя Бычкова со своей напарницей Ниной Обуховской. Глянув в их сторону, я увидела, что Зоя не стреляет. Лежа грудью на бруствере, она бесцельно, как мне показалось, водила ствол винтовки из стороны в сторону. Может быть, Зоя потеряла ориентировку? Обернувшись, Зоя встретилась со мной взглядом и что-то крикнула. Я показала на уши! ничего не слышу.

Зоя добралась до меня. .

— Где он, Люба? Ты его не видела?

Только тут я поняла, кого она ищет на поле боя.

Но я сама потеряла Булавина из виду еще в начале атаки.

— Горит, горит!.. — Клава Маринкина показывала вправо.

Головная «тридцатьчетверка», выбросив в небо жаркий сноп огня, горела, словно гигантская железная свеча. Башни нет, ее снесло взрывом. До сего времени танк казался мне несокрушимым (хотя в снайперской школе нас учили, как лучше выводить его из строя, стреляя по смотровым щелям, бензобакам и тракам гусениц). И вот на глазах двигающаяся стальная крепость превратилась в пылающий факел, в гору металлического лома.

Пригорок за деревней хорошо виден, линия горизонта вдруг оживает, до странности меняется: на фоне неба четко вырисовывается черный квадрат вражеского танка, за ним другой, третий. Идут «тигры» — тупоносые, с мощной лобовой броней и крупноствольными пушками. Болванки, которыми они бьют, пробивают средний танк насквозь.

Подбита вторая машина. Изменив направление, «тридцатьчетверки» стараются зайти «тиграм» вбок, там броня слабее.

Железной стеной ползут на нас вражеские танки. За ними шеренги немецких автоматчиков, в оптику можно разглядеть офицеров — их сразу узнаешь по выправке, по взмахам руки, когда они поторапливают отстающих. Пулю за пулей слала я в них, радуясь и торжествуя, когда очередной фашист валился на мерзлую землю. Гитлеровцы, теряя офицеров, стали отставать.

Удача! Передний «тигр» окутался вдруг черным дымом, раздался взрыв, перекрывший на миг остальные звуки боя. Значит, и «тигры» уязвимы! Немецкие пехотинцы повернули назад. А в деревню уже ворвались бойцы капитана Суркова, передохнувшие под железнодорожной насыпью. И снова разгорелся рукопашный бой, рвались гранаты, гремело «ура».

«Тридцатьчетверка» с автоматчиками на броне нырнула под мост, за ней устремились другие. Острие боя перемещалось в Ведусово. Связисты тянули провод к временному НП Булавина на краю деревни, где непонятно как уцелели три яблоньки с голыми, иссеченными осколками стволами.

По полю боя бежала к насыпи Саша Шляхова. Полы полушубка распахнуты, винтовка в руке. За нею, метрах в десяти, Клавдия Прядко, что-то кричит на бегу. Куда они? Приказано же не покидать позиций. Да и страшно оставлять спасительный окоп.

Я видела, как в начале боя Полина Крестьянникова, оставив в окопе свою напарницу Аню Носову, решила выдвинуться вперед. Обстрел усилился, снаряды рвались вокруг, а у Полины не было даже лопатки, чтобы окопаться, — оставила на старом месте. Голыми руками рыла Полина стылую землю. Спрятала за бугорком голову, поставила нужный прицел и открыла огонь. Вражеская пуля чиркнула по каске. Заметив, откуда бил пулеметчик, Полина выстрелила; огневая точка врага была подавлена. В бою решает минута, если она твоя!

Шляхова и Прядко оказались в самой гуще схватки. Бойцы, бегущие под прикрытием «тридцатьчетверки», приотстали, остановились. Вперед бросились девушки, увлекая за собой солдат. Танк нырнул под мост, снайперы стали оказывать первую помощь раненым, лежащим у насыпщ

Саша перевязывала очередного бойца, когда осколок разорвавшегося неподалеку снаряда ранил ее в ногу. Клавдия наложила бинты на рану, повела подругу к лесу, где находилась санрота. Проходя мимо нашего КП, Саша перестала хромать, выпрямилась.

— Держитесь, девочки! — крикнула она. — Я скоро вернусь...

СНОВА ВПЕРЕД!

Трое суток длился бой, стихая к ночи и разгораясь с рассветом. Не один раз деревня Ведусово, вернее, то, что осталось от нее, переходила из рук в руки. Во время контратаки гитлеровцы порою оттесняли наших за железнодорожное полотно. Казалось, обескровленным ротам нипочем не выдержать вражеского натиска. В эти минуты снайперы жались друг к другу в окопчике у НП. Здесь оставались лишь связисты и начальник штаба батальона капитан Шитоев — осипший, небритый, с красными от бессонницы глазами.

Тревожно прошла ночь, а на рассвете 6 ноября, в канун великого праздника, замполит Булавин и комсорг батальона Егоров снова обошли поредевшие подразделения. Они не произносили высоких слов, не напоминали о том, что было в этот день до войны, когда вся страна зацветала кумачом знамен и плакатов.

— Он уже выдохся, в поле — две воли, наша — поболе! — Булавин говорил весело, уверенно, правота его слов не вызывала сомнений. — Покажем арийским куроцапам, на чьей улице будет завтра праздник!.. Гвардейцы, в Ведусове вас ждет отдых. Свежая часть уже на подходе — она сменит нас в Ведусове. Очень надеюсь на тебя, Спирин! И на тебя, Алиев! И на тебя, Кузьма Егорович! — Командир пожимал руки знакомым воинам, и каждый начинал про себя думать, что замполит надеется именно на него.

Комсорг тем временем подбодрял новичков. В одном из взводов, был тяжело ранен лейтенант. Младший сержант, принявший команду, чувствовал себя неуверенно, нервничал.

— Я с вами, хлопцы, сам пойду! — решил комсорг

Егоров. — Покажем старичкам, как комсомол дерется, а? Не робей, сержант, я сам робею...

То ли противник действительно выдохся, то ли новый штурм гвардейцев, поддержанный авиацией и танками, был особенно яростен, только к вечеру того же дня деревню очистили от врага. Шоссе за Ведусовом теперь контролировалось нами. Солдаты части, принимавшей у полка отвоеванный рубеж, с удивлением разглядывали черные, выжженные пятна на месте изб, печные трубы, похожие на костлявую однопалую руку, безмолвно грозившую небу, разбитую технику врага — больше здесь ничего не осталось.

На краю деревни, где росли три яблоньки, в братской могиле хоронили мы павших гвардейцев. Был среди них и комсорг батальона лейтенант Гена Егоров из Средней Азии. Всего-то двадцать весен успел он встретить на земле! Горячее слово комсомольского вожака не разошлось с делом, самое дорогое, что у него-было— свою молодую жизнь, — отдал он Родине за то, чтобы никогда не погасли знамена Октября...

Весь день батальон двигался проселком. На ночевку остановились в густом лесу. Солдаты делились с девушками сухарями: отказаться нельзя, обидятся. Отламываем по кусочку от каменной черной плитки, сосем, как конфету.

Ребята, хотя и усталые все, нарубили с запасом соснового лапника, мы вповалку полегли под деревьями. Жестка солдатская постель, перед глазами картины недавнего боя, но постепенно всех смаривал сон. Лишь неподалеку от меня ворочается Прядко, никак не может уснуть, видно, тоскует по раненой подруге.

Утром на марше горькая весть: в соседнем полку во время привала убита снайпер Люда Юркова. Не одно девичье сердце сжалось. Чья очередь следующая? О своей смерти я как-то не думала, даже в самые страшные минуты боя под Ведусовом успокаивала свою напарницу:

— Мы с тобой маленькие, Клавуся, в нас нипочем не попасть фашисту!

Но ведь и Люда была такая же, как мы, а смертоносный осколок нашел ее...

Снова пеший марш и привал. Разговоры, воспоминания, то и дело называют знакомые имена, Молодец Шор, поддержал огоньком пехоту! И снайперы — воины хоть куда, ни одна не дрогнула в бою. Больше всех славят нашу старшую, Сашу Шляхову. Вот кто настоящая героиня!

В центре солдатского кружка Булавин, по рукам ходит неистощимый комиссарский кисет. Сама собой возникает песня:

Эх, махорочка, махорка!
Породнились мы с тобой...

Снайпер Петренко, перемигнувшись с украинцами, затягивает свою «Сонце нызенько». И кажется, нет войны, нет проклятого врага, даже зимы нет. И рисуется картина: солнышко опускается за степные курганы, мычит сытая скотина, спеша ко дворам, парубок ждет у плетня кареокую дивчину...

— Никак рыбинские соловьи залились! — определяют бойцы соседнего батальона. Вот ведь нет с нами комбата Рыбина, а помнят его все, узнают батальонных запевал.

Степан Петренко не только песенник, свое дело он знает отлично, к нему можно обратиться с любым вопросом. Настали холода — как добиться того, чтобы не отпотевала оптика? И чем лучше в мороз смазывать затвор? На все у него отв.ет и примеры из личной снайперской практики. По совету Петренко в сильные холода мы лили из масленок на руки припасенную водку, растирали их так, что ладони начинали гореть. До этого девушки отдавали солдатам положенные фронтовые сто граммов.

Клавдия Прядко подарила Степану финку: не раз он-с завистью поглядывал на красивые ножны. К слову сказать, финка эта спасла Петренко жизнь, когда два гитлеровца неожиданно обошли снайпера с тыла. Но было это уже в «Долине смерти», рассказ о которой еще впереди.

ОБЕЛИСК У ТУРКИ-ПЕРЕВОЗА

Мы стояли в обороне, когда пришло известие о гибели Ставского. На участок 69-го полка, в котором находился писатель, немцы бросили мощные танки. В неравном бою полк оказался расчлененным на три части: коммуникации прерваны, управление и связь нарушены. Обстановка сложилась тяжелая. Все это время Ставский был на передовой, подбадривал солдат, делился с ними последним сухарем, а в минуты передышки брался за гармонь.

На одной из высоток за деревней Турки-Перевоз расчет 76-миллиметровой пушки из засады подбил прямой наводкой «тигра». Стальная громадина застыла на бугре, на виду у всех. И конечно, каждому хотелось подобраться к ней поближе. Кто-то попробовал сделать вылазку, но фашисты открыли сильный огонь: танк был пристрелян.

14 ноября 1943 года, улучив минуту, когда вражеский пулемет смолк, Ставский, считавший своим корреспондентским девизом никогда не брать материал из третьих рук, перевалил свое грузное тело через бруствер и по-пластунски пополз к «тигру». За ним следовали два добровольца с автоматами, чтобы в случае опасности прикрыть огнем. Тишина на ничейной земле обманула Ставского. Когда до танка оставалось всего несколько метров, он, не вытерпев, поднялся во весь свой богатырский рост и кинулся вперед. В эту минуту его и сразила пулеметная очередь.

Автоматчики, подползшие к нему, увидели, что смертельно раненный писатель подносит ко рту какие-то бумажки, рвет их зубами. Не хотел он, чтобы врагу досталось хоть что-то...

Владимира Петровича хоронили в Великих Луках.

С неба падали крупные хлопья мокрого снега, оседали на плечах и шапках солдат, выстроившихся почетным каре, таяли на медных трубах оркестра.

Писатель Александр Фадеев с вдовою и дочерью Ставского пробились на машине сквозь ночь, сквозь непогоду, чтобы проститься с павшим другом, мужем, отцом.

От нашей женской снайперской роты уехала на похороны Клава Иванова. Многие из нас хотели отдать последний долг Владимиру Петровичу. Рая Благова не могла забыть, как на передовой, под огнем, Ставский сделал ей перевязку. Но Иванова была лучшим стрелком роты, первой открыла боевой счет, больше других успела уничтожить фашистов. Над открытой могилой от нашего имени поклялась она отомстить врагу.

Сама Клава, к сожалению, вскоре допустила оплошность, стоившую ей жизни. К зиме мы получили полушубки — новенькие, из белой овчины, с меховыми воротниками. А шарфы у многих девушек были свои, разных расцветок. Клава гордилась тем, что у нее, единственной в роте, красный вязаный шарф. Напрасно подруги внушали Клаве, что красный цвет может демаскировать на снегу. Она только отшучивалась. Правда, шарф стала заправлять под самый воротник, так, что он чуть-чуть выглядывал. Но и это «чуть-чуть» порою может стоить жизни снайперу.

В то утро Клава со своей напарницей Раей Благовой, как обычно, заняли боевую ячейку. Едва рассвело, в окопах противника, метрах в 300 от наших, показались немцы. В оптику было хорошо видно, как офицер в фуражке с высокой тульей рукою в перчатке показывал своему спутнику что-то на советской стороне. Такое нахальство девушки видели впервые. Обычно гитлеровцы мышами шмыгают по ходам сообщений, если и высовываются, то лишь на короткое время, чтобы в них не успели прицелиться. А этот стоит чуть ли не по пояс, да еще тычет пальцем в нашу сторону.

Опешив от удивления, напарницы потеряли несколько драгоценных минут. Клава опомнилась первая и, тщательно прицелившись, выстрелила в офицера.

— Получай, гад!

Следом прогремел Раин выстрел. Гитлеровцы исчезли, точно мишени в тире при стрельбе на скорость. Еще какие-то тени замелькали во вражеской траншее, удаляясь от опасного места. Клава привстала в окопчике, чтобы лучше разглядеть происходящее.

Противник открыл беспорядочный огонь по окопу, где находились снайперы. Им пришлось сменить позицию.

Назавтра, едва забрезжил свет, девушки снова вышли на «охоту». Ждать пришлось недолго: появилась цель. Клава выстрелила первая. Почти в тот же миг от ее бойницы отлетел ком мерзлой земли...

Началась снайперская дуэль, опасное и коварное единоборство двух стрелков."*Практика показала: как ни опытен снайпер — победа будет за тем, кто первый обнаружит противника. На этот раз вражеский снайпер раньше засек местонахождение Клавщ^

Два новых выстрела — с нашей и с той стороны — последовали почти одновременно. Рая, заметившая, откуда бил немецкий снайпер, выстрелила. И вдруг услышала слабый стон подруги, увидела, как побелело ее лицо.

Клава была в сознании, когда ее несли в санроту, она молила санитаров:

— Спасите, я жить хочу, спаси-ите!

Усилия медиков были тщетны: спасти Клаву не удалось. До последней минуты сознание не покидало девушку, она то умоляла о спасении, то просила отомстить за ее гибель...

Через несколько дней полковые разведчики захватили «языка». По дороге в штаб полка пленный, немного знавший русский язык, спросил у своего конвоира: жив ли снайпер, который носит красный шарф? Оказывается, после того как Клава убила офицера, — не простого офицера, а знаменитого немецкого аса-снайпера, — на этот участок переднего края немцы вызвали опытнейших стрелков. Им было приказано: найти и уничтожить советского снайпера, который подвязывает шею красным шарфом. Пленный подтвердил, что и последние выстрелы с нашей стороны попали в цель: девушки уничтожили немецкую снайперскую пару.

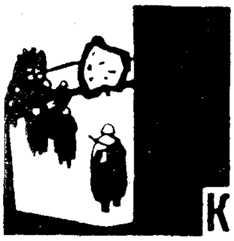
На бугре, у шоссе, ведущем на Полоцк, неподалеку от деревни Турки-Перевоз, саперы Третьей ударной армии водрузили обелиск. Среди гранитных глыб, в которые навечно вцементированы разбитые пушечные стволы и стреляные гильзы от снарядов, на медной дощечке выгравированы имена воинов, павших в ноябрьских боях. Среди них две знакомые фамилии:

«Депутат Верховного Совета СССР, писатель В. П. Ставский.

Гв. ефрейтор, снайпер К.. Иванова, уничтожившая 42 фашиста...»

Член советского парламента, известный писатель, и одна из героинь так и не написанной им книги. Два воина разных родов оружия, коммунист и комсомолка, отдавшие свои жизни за Родину...

ДОМА И СТЕНЫ ЛЕЧАТ!



Конец ноября прошел в «боях местного значения», как писалось в сводках Совинформбюро. Но в них ничего не говорилось о злом, пронизывающем до костей ветре, о колючем снеге, который заметал пути-дороги, о ночных бросках по бездорожью, о кровавой схватке за безымянную высотку, которая и не помечена на карте.: Врага теснили и гнали до тех пор, пока он не подошел к заранее подготовленным оборонительным рубежам.

Особенно утомляли нас непрерывные многокилометровые марши, дни и ночи, проведенные на морозе, ночевки в студеной брезентовой палатке, а то и просто под заснеженным кустом. О солдатской землянке, где можно отогреться, помыться, уснуть в тепле, мечтали как о несказанном благе. И вот на нашем пути встретилась деревенька с единственным несожженным домом.

Уцелевшую избу заняли под штаб полка. В горнице людно, накурено. Никто из офицеров не заметил нашего прихода, а мы и рады. Молча присели на корточки у дверей, спиной к бревенчатой теплой стенке и сразу уснули, сморенные усталостью. Разбудил нас знакомый звонкий голос:

— Вот они где! А ну, девочки, что невеселы, что носы повесили? Сейчас плясать будете.

Саша Шляхова, едва залечив в санбате раненую ногу, нагнала нас на марше. По дороге в запасном полку она захватила письма. Раздавая их, Саша обронила воинский «треупфльник». Его подняла Зоя Бычкова. Письмо было адресовано Шляховой, в обратном адресе стоял номер полевой почты и подпись: «Г. Свинцов».

Фамилия военфельдшера лейтенанта Германа

Свинцова была нам известна: кое-кто из девчат успел побывать в медсанбате. Взахлеб они рассказывали, какой это симпатичный и серьезный парень, как замечательно он обрабатывает раны.

Зоя, которую хлебом не корми, дай только возможность разыграть кого-нибудь, попыталась было подколоть нашу старшую. Но Шляхову не так легко смутить.

— А ты прочти его вслух всем! — предложила она. — Ну, чего же ты молчишь?

Зоя, извинившись, вернула письмо. Саша сама прочла его нам. В письме были приветы девушкам, которых знал Свинцов, и подробная инструкция, как избежать обморожения. Ожидались еще большие холода, и военфельдшеру вовсе не хотелось видеть нас у себя в качестве пациенток.

Шляхова прибыла вовремя: командование распределяло снайперов по батальонам, в каждый направлялись по две пары. Самых маленьких ростом снова направили в первый батальон.

— Мал золотник, да дорог! — обрадовался, узнав об этом, замполит Булавин.

В батальоне, занимавшем оборону вдоль шоссе, нас ожидала и другая радостная встреча: из госпиталя вернулся капитан Рыбин. «Дома и стены лечат!» — объяснял он врачам, требуя досрочной выписки. Комбат был в полушубке, меховая шапка заломлена так, что видны русые кудри.

— Здравствуйте, гвардейцы-невельцы! •— громко приветствовал он бойцов, отовсюду сбегавшихся к командирской землянке: весть о возвращении комбата разнеслась быстро.

Расцеловавшись с замполитом, с капитаном. Сурковым, которых комбат нежно любил, крепко пожав руки командирам рот и взводов, Рыбин направился к нам.

— И девушки здесь? А что вас так мало?

Я хотела ответить, но быстрая Зоя выскочила вперед.

— Нас мало, но мы — снайперы, каждая за десятерых...

Зоина фраза вызвала смех. По лицу комбата прошла тень.

— Ганночку помните, наставника вашего? Всего изрешетило осколками, живого места нет. В госпиталь доставили живым, но состояние тяжелое. Вернется ли в строй?

Имени знаменитого снайпера мы больше не слышали. О его дальнейшей судьбе я узнала много позже, спустя лет двадцать после войны.

В ТЫЛУ ВРАГА

Наш полк получил боевое задание: ночью скрытно зайти в тыл противнику и на рассвете выбить его из деревни. С той стороны враг не ждет нас. Возглавлять операцию, как обычно, будет рыбинский батальон.

За полчаса до выступления вперед ушли разведчики; роты будут двигаться по их следу. В голове колонны командир первой роты капитан Сурков, за ним длинной цепью вытянулись бойцы. Связисты несут свои катушки, за ними двигаются пулеметчики, ПТР, минометчики. Замыкают шествие комбат и четыре девушки-снайпера.

В небе ни звездочки, темень, хоть глаз выколи. Идем лесной тропкой, ступая след в следДИи разговоров, ни кашл'я, ни курения. Первый раз мы в тылу врага.-'

Пройдя часа три, останавливаемся в лесной чащобе. До рассвета можно передохнуть, чуть забрезжит — в бой. Все нам кажется необычным, •щинственным. Разведка донесла: до переднего края километра полтора. Между передовой и нами — тылы немецкого полка, их хозвзвод.

Замполит посоветовал девушкам поспать: до начала атаки больше часа. Мы с Клавой забились в густой ельник. Присели под толстую разлапистую ель, прикрылись плащ-палаткой. Сидим мерзнем, то и дело зеваем. Какой уж тут сон!

Только задремали, а роты уже строятся. Нас нашла Зоя, она по всему лесу бегала, под каждую елку заглядывала.

— Где вас черти носят? Разведка и первая рота уже выступили, сейчас батальон двинется.

В небо взвилась ракета: сигнал атаки. Разведчики и бойцы первой роты ударили из автоматов, в ход пошли гранаты. А там и весь батальон втянулся в бой — короткий и победный. Правее действовали воины второго батальона, командовал им однофамилец Рыбина.

Штаб немецкого полка, стоявший в большом доме посреди деревни, был разгромлен так быстро, что гитлеровцы не успели опомниться. Впервые наяву, а не в кинофильме о действиях партизан в тылу врага мы видели, как фашисты выскакивают из землянок и изб в одном исподнем, мечутся с перекошенными лицами, ища, кому сдаться в плен.

После боя столкнулись на деревенской улице с девушками из второго батальона. Полина Крестьянникова бросилась мне на грудь, радуясь, что мы снова вместе, целы и невредимы. Аня Носова в лицах изобразила, как сдавались в плен «непобедимые» арийцы. Не только мы — и бойцы напотешились вволю, глядя, как Аня смешно таращит глаза и, подняв руки, твердит скороговоркой:

— Гитлер капут! Гитлер капут!

Когда бой успешный р нет потерь среди своих — все радует, все веселит. Взрывом хохота встретили Зою Бычкову, у маленькой Зойки под мышкой зажат большой белый гусь.

— Вот так добыча!

Аня Носова тут же стала показывать, как Зойка брала в плен гусака. Раскинув руки, то припадая к земле, то снова поднимаясь, она коршуном заметалась по улице, дурашливо гогоча.

Все умирали, Полина Крестьянникова даже, на снег присела, давясь от хохота.

— Гогочите, гогочите! — ворчала Зоя. — Хорошо гогочет тот, кто гогочет последним! На полный желудок.

Любительницы вкусно поесть стали подлизываться к «добытчице».

— Зоик, может, ощипать, а? Костер разжечь?

Кончилось тем, что Зоя, обозвав всех нас дурами, отошла в сторонку и расплакалась с досады, не выпуская, однако, трофея из рук. Нина Обуховская пыталась успокоить напарницу. Лишь Прядко не участвовала в потехе, видно было, что ей не нравится ни поступок Зои, ни наше поведение...

Разнеслась команда строиться. Второй батальон оставался в деревне, нам предстояло лесом вернуться к Ленинградскому шоссе и занять оборону по обеим его сторонам.

Под вечер пришли на место, начали окапываться. К утру окопы были отрыты, землянки оборудованы.

В первый день снайперская «охота» была удачной: немцы, оттесненные за шоссе, не успели укрепиться на новых позициях. Они стояли по бокам коридора шириною километров шесть, которым ночью прошли батальоны 59-го полка.

Вечером в нашу тесную, наскоро вырытую землянку заглянул Булавин. У входа лежал Зойкин гусь с перевязанными бинтом красными лапами.

— Как говорится, и маленькая рыбка лучше большого таракана, а тут гусь-великан. — Замполит поднял птицу за ноги. — Килограмма на четыре потянет, не меньше. Неплохой приварок к супу, как ты считаешь, Зоя? Дороги развезло, когда еще подвоз продуктов наладим... Между прочим, разведчики сдали на кухню свою добычу...

Теперь только выяснилось происхождение Зойкиного трофея. Оказывается, гусей обнаружили в сарае при немецком штабе деловые разведчики. Одного из пернатых они великодушно уступили снайперу.

Два дня бойцы батальона получали в обед гусиный суп. В наши котелки дядя Вася — по снайперскому почину весь батальон называл так пожилого повара — клал по добавочному кусочку красноватого гусиного мяса. Хотела было я предложить свою порцию Зое, но она на меня так и вскинулась:

— Что я, фриц, который только о себе думает?

Пришлось просить прощения. А после ужина мы снова смеялись. На этот раз Зоя изобразила сама, как ловила с разведчиками разбегающихся, гогочущих гусей. Пожалуй, у нее это вышло даже лучше, чем у Ани Носовой.

ПОТЕРЯ ЗА ПОТЕРЕЙ

Впереди и позади — враг, лишь узкий, простреливаемый насквозь коридор соединяет нас с соседней частью. Зима никак не установится, распутица, с подвозом тяжело. Трижды презренные власовцы, которых немало на этом участке фронта, кричат из своих окопов: «Вы в кольце и мы в кольце — посмотрим, что будет в конце?» Полк держит круговую оборону, но нам ведь еще и наступать.

По ночам воздушные работяги У-2 сбрасывают в мешках сухари. В поле сиротливо мокнут забытые стога с почерневшими, начавшими плесневеть стручками гороха, повар варит из него надоевшую всем мутную похлебку.

У артиллеристов жесткий лимит снарядов. Лишь командир минометной роты, капитан-уралец, не скупится на огонек. Он заставляет минометчиков собирать немецкие мины и стреляет ими, меняя прицел у минометов.

Снайперская землянка рядом с КП батальона. Неподалеку в сосняке большая, рубленная из бревен баня. Булавин считал первой своей заботой после боя помыть солдат. Недаром в нашем батальоне не знали, что такое насекомые.

Наш замполит и так в карман за словом не лазил, казалось, на все случаи жизни припасена у него меткая и, как правило, веселая поговорка. Что касается бани, то их был целый ворох, некоторые я запомнила: Хоть лыком шит, да мылом мыт. Баня парит, баня правит. Когда б не баня, все б мы пропали. Словом, баня — мать вторая!

— Вся эта премудрость еще в суворовские времена была известна, — объяснял майор Булавин; он получил повышение после боев за Ведусово. — Отмоешь пыль походную, копоть пороховую, напаришься всласть — и снова как стеклышко блестишь, точно на свет народился. Великая это вещь — в бой идти отдохнувшим.

Очень жалел он, что не наломаешь зимой да осенью березовых веников. Веник в бане — всем господин.

— Зоя, ты все можешь — организуй мочалку!

Майор шутил, но именно Зоя Бычкова придумала, чем мыться. Вместо мочалки она приспособила... сапожную щетку. Драла она сильно, но хорошо отмывала грязь и пот.

— Уступи нам, Зоенька, свою скребницу! — попросил Булавин.

Командиры мылись после девушек, за ними — бойцы. Зоина щетка переходила из рук в руки, пока не перебывал в бане весь батальон. Солдаты посмеивались:

— Хороша снайперская мочалка, одно жалко — щетины маловато!

Последним-то голая деревяшка досталась.

Дней через десять подморозило. Завезли продукты и боеприпасы, люди повеселели. А вот пополнения все не было, хотя за месяц непрерывных боев батальон поредел. Снайперам приходилось сменять бойцов, дежуривших ночью в окопах боевого охранения. Солдаты уходили на дневной отдых, девушки до темноты оставались в траншеях одни.

Как-то на рассвете Зоя Бычкова со своей напарницей Ниной Обуховской сменяли бойцов второй роты — продрогших, со слипающимися от усталости веками. Один из солдат сказал, что по нему несколько раз стреляли с левого фланга, не давая вести наблюдение. Зоя решила засесть в его ячейке, чтобы подстеречь гитлеровца. Обуховская осталась в снайперском окопчике.

Не успела Нина приступить к осмотру вражеской обороны, как услышала выстрел. Через минуту до нее донеслись быстрые шаги по окопу. Спешил тот самый солдат, который вызвался показать Зое, откуда стрелял немец.

— Снайпершу вашу ранило! — крикнул он на бегу.

Нина кинулась к подруге. Зоя мотала окровавленной ладонью, дула на нее, как это делают дети, обжегшись.

— Зоенька, что с рукой?

— Палец задело. Помоги перевязать, Нина!

Разорвав индивидуальный пакет, Обуховская перебинтовала руку. Зоя рассказала, как все произошло. Только прильнула к прицелу, как вражеская пуля, угодив в ложу винтовки, срикошетила. Судя по всему, пуля потеряла убойную силу, а то ведь можно было и пальца лишиться.

Обуховская повела подругу в санроту. Девушки успели уйти, как немцы начали кидать мины: враг заметил движение.

Мы с Клавой Маринкиной находились в расположении первой роты. Что за неожиданный обстрел? Неужто враг обнаружил наших снайперов? Покинуть окопы нельзя, нужно вести наблюдение. Может, немец готовит вылазку..:

Часа через два, совершая свой обычный обход позиций, в окопе появился капитан Сурков. Ротный доложил о ранении Бычковой. А вечером в землянке Зоя, размахивая рукой с забинтованным пальцем, восхищенно расписывала лейтенанта медицинской службы Свинцова, делавшего ей перевязку.

— Как перевязывает, как перевязывает! Дотрагивается до тебя, аж дух захватывает... Нет уж, ни в какой госпиталь не поеду, к одному Герману буду каждый день ходить на перевязки.

— Значит, теперь совсем и не больно? — спросила Нина.

— Еще как больно! — спохватилась Зоя и погладила бинт. — Кость задета... Пока медсестра обрабатывала рану, я криком кричала. Только и успокоилась, когда Герман перевязывал. Какой медик!

— И собой хорош! — лукаво вставила Клава.

Все засмеялись. Зоя начала открещиваться от Свинцова, что вызвало еще большее веселье. Но я-то знала, о ком думает, кого ждет подруга. Когда поздним вечером в землянку заглянул Булавин и обеспокоенно спросил Зою, не направить ли ее в госпиталь, она так и зарделась от его заботы. Нет, ни в какой госпиталь она не поедет, палец уже почти не болит! И принялась шуровать дрова в печурке, чтобы подтвердить свои слова, а кстати скрыть от нас заблестевшие глаза.

Скоро Булавин поднялся, ведь раненым нужен покой. Зоя протестовала громче всех. За разговорами боль как-то забывается, уверяла она, пусть Петр Алексеевич расскажет что-нибудь интересное...

Если же по вечерам вместо Булавина, занятого батальонными делами, появлялся кто-нибудь другой — чаще всего это был капитан Шор, чья батарея снова стояла неподалеку от нас, — у Зои начинал подозрительно сильно ныть палец.

— Знаете, как шум на боль действует? — жаловалась она. — Так ноет, так ноет — просто душу выматывает.

Ранение у нее все-таки оказалось серьезное. До наступления настоящих холодов Зоя выходила со своей напарницей на «охоту» в качестве наблюдателя, но, когда ударили морозы, больной палец, застывая, ныл на открытом воздухе, как заноза. Зоя стала нашей бессменной дневальной. Одной рукой она наводила в землянке порядок: мела пол, застилала плащ-палатками нары, получала на всех обед, жарко протапливала печь — железную бочку — к нашему приходу.

Возвращаясь с перевязки из медсанбата, стоявшего в лесу, через который мы недавно совершали ночной переход в тыл врага, общительная Зоя успевала заглянуть и в солдатские землянки, и в командирский блиндаж, и в штаб батальона. К вечеру она вываливала на подруг, вернувшихся с передовой, ворох фронтовых новостей. Она-то и принесла первая весть о гибели Клавдии Прядко.

В тот день Шляхова с Прядко «списали в расход» нескольких фашистов. Разъяренный противник дал минометный налет по их окопу. Тяжелая мина разорвалась перед самой снайперской ячейкой Клавдию убило наповал, Сашу ранило...

На околице деревни Мотовилихи, название которой так напомнило мне родную Пермь, хоронили мы свою старшую подругу. Клавдия Прядко лежала в гробу посиневшая, половины лица не было видно из-за бинтов, Искусно наложенных Свинцовым: осколок мины снес ей полчерепа. Хорошо, что раненая Саша не видит ее такую!.. Винтовочный залп-в сторону врага, по крышке гроба застучали комья мерзлой земли.

После похорон я сходила в медсанбат попрощаться со Шляховой: утром ее должны были увезти в госпиталь. Что я могла ей сказать, чем утешить? И нужны ли вообще слова в такие минуты? Саша лежала на койке, глаза закрыты, губы прикушены. На меня посмотрела долгим, долгим взглядом.

— Передай, Люба, девочкам, чтобы не плакали... Чтобы мстили за... за нашу... Клавушку! — Не сразу она смогла выговорить дорогое имя.

На столе, покрытом белой клеенкой, вытянулся раненый, его только что доставили с поля боя. Невысокий, со смуглым приятным лицом лейтенант медицинской службы быстро и ловко обрабатывал рану. Заметив, что на него смотрят, лейтенант повернулся к нам, вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Смотрите, девчата, как правильно накладывать повязку. В бою пригодится.

Значит, это и есть военфельдшер Герман Свинцов! Знающий, умелый медик, симпатичный парень! Понятнее стало, почему не одна девушка вздыхает по нему. А он со всеми одинаково приветлив и ровен, прежде всего думает о своем деле. И все же, не скрою, было приятно его внимание. Когда, поцеловав Сашеньку, я выходила из палатки санбата, Герман помахал мне рукой.

Всего неделя прошла со дня гибели Дрядко — и новая потеря.-^убита Соня Кутломаметова. Та самая Соня, которая столь умело замаскировалась на учениях, что командир не мог обнаружить ее до тех пор, пока не наступил на «кочку», где она затаилась. Та Соня, которая совсем недавно, стоя у открытой могилы, клялась отомстить за Прядко.

До чего же не похожи были друг на друга эти напарницы — тоненькая, как былиночка, белолицая и кареглазая Соня и курчавая, сильная, суровая на вид Шура Виноградова. Шура воспитывалась в детском доме, не знала материнской ласки. Не потому ли она и к подругам обращалась по фамилии, могла в запале срезать острым, как бритва, словцом. Лишь молчаливую, тихую Соню она звала по имени, уважала за меткость, дорожила ее дружбой. А Соня привыкла чувствовать себя за широкой спиной напарницы, как за каменной стеной.

Всю ночь шел крупный снег, поля и дороги застлал белый покров. На рассвете враг, упреждая нас, решил по первопутку контратаковать роту, недавно занявшую выгодную позицию. Контратака была отбита, снайперы Виноградова и Кутломаметова особо отличились, поддерживая бойцов метким огнем.

Успех вдохновил гвардейцев, они сами перешли в атаку. Продвижению мешал вражеский дзот на склоне высоты, настильный огонь пулемета прижал бойцов к земле. Снайперская пара Виноградовой и Кутломаметовой получила задание: заглушить пулемет!

Сбросив полушубки, чтобы было легче передвигаться, в белых маскхалатах, надетых поверх ватников, девушки поползли вперед. Дула винтовок заткнуты тряпицами, чтобы не набился снег, а что лицо в снегу — не беда: растает. В одной руке винтовка, в другой — граната. Снег был рыхлый, следом протянулся белый неровный коридор.

До дзота оставалось всего полсотни метров. Осторожно *проделав* в снегу бойницу, Соня увидела черную щель дзота и лицо вражеского пулеметчика. Тщательно прицелившись, выстрелила. Вслед за нею послала пулю Виноградова. Пулемет смолк, сзади послышалось приближающееся «уррра».

Гвардейцы ворвались в окопы, завязалась короткая, ожесточенная схватка. Рота выполнила боевое задание, высота была наша. Бойцы не знали, как благодарить девушек, промокших от снега, но довольных, победно веселых.

Весь день гитлеровцы непрерывно обстреливали высоту, лишь к вечеру огонь стих. Поредевшая, усталая рота передавала рубеж свежей части. Маскируя смену частей, наши минометчики обстреляли врага.; Фашисты ответили.

Снайперская пара могла идти отдыхать, но продрогшие девушки продолжали вести наблюдение: не перешел бы немец в контратаку. Неподалеку разорвалась мина. Шура, прижавшись к стенке окопа, не могла понять, почему ее напарница клонится лицом в снег. Упав на колени, она трясла безвольное тело подруги, звала ее по имени — Соня не откликалась: ранение было смертельное.

Шура подняла убитую на руки, понесла по окопу. Ход расширился, она прибавила шагу, хотя некуда было спешить...

И снова ружейно-автоматный салют у могилы, отрытой рядом с запорошенным снегом бугорком, где уснула последним сном Клавдия Прядко. Долго мы стояли у дорогих могил, не вытирая слез, бежавших по щекам. Спите, дорогие подруги! Мы не забудем вас, не простим врагу вашу раннюю смерть!..

А ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...

Я замечала, что после тяжелых боев и потерь воины еще бережнее, нежнее относились к девушкам, старались развлечь нас, порадовать чем-нибудь. Частым нашим гостем был командир артиллерийского дивизиона капитан Борис Шор: на новом месте его землянка оказалась всего в двухстах метрах от снайперской. Командиры стрелковых рот завидовали Шору; им, всегда занятым, с трудом удавалось выкроить минутку даже вечером. Другое дело артиллеристы, хозяева своего времени. Шор приходил к нам первым, а уходил тогда, когда девушкам пора было укладываться на ночь.

Но хотя ротные командиры в чем-то и завидовали Шору, они безгранично уважали его как большого мастера нелегкого артиллерийского ремесла. Каждый добивался, чтобы в бою его роту поддерживал дивизион Шора. Любой боец мог определить шоровские пушки «по голосу». Классные артиллеристы у Шора, подлинные боги войны! Нередко капитан на передовой сам корректировал огонь, снаряды его батарей ложились точно.

Борис читал нам стихи любимого Тараса Шевченко, а если собирались певцы-украинцы, негромко вторил им. А может, и другое влекло его — ведь симпатичных девушек среди снайперов немало, иные были просто красавицы. Война войной, а молодость бывает лишь однажды!

Интеллигентный, всегда подтянутый молодой офицер нравился многим. Капитан был отличным наездником, залюбуешься, когда Шор ветром проносится мимо. И скакун под стать седоку — горячий, с нервно подрагивающими ноздрями, бабки обмотаны белой холстинкой. Спрыгнет капитан наземь, пустит коня в лесок — он его не привязывал, подзывал свистом — и к нашему шалашу.

— Ну, что ваш дядя Вася сообразил сегодня на ужин? — спрашивает Шор, видя, что мы склонились над котелками. — Щи да каша — пища наша? Эх, угощу я вас, девушки, как-нибудь бульбой по-артиллерийски. Или битками гвардейскими с гречневой кашей — пальчики оближете... Повар у меня — артист!

Своего дядю Васю мы никому в обиду не давали, на питание никто не жаловался. Вкусно и сытно ели. Пусть дядя Вася не артист, зато человек хороший. Пожилой уже, дети взрослые — дочери семнадцать, сыну пятнадцать. Нет-нет, вынет из кармашка фотокарточки, похвалится: моя копия! Здоровые, рослые, в отца.

А нередко взгрустнет, опечалится за нас.

— Девичье ли это дело — воевать? Жаль мне вас, доченьки! Всем нелегко, а вам и того труднее. А ну-ка, попробуйте, что я тут для вас приготовил.

И угостит жаренной в сале колбасой, домашними оладушками, на худой конец — разогретыми консервами.

— Ешьте, вспоминайте дядю Васю! Только начхозу не выдавайте: скажет, продукт сверх нормы' трачу.

...Как-то на отдыхе в батальоне ждали артистов. Не наших армейских, а настоящих, из столицы. Своих мы тоже ценили, хотя чудно́ было смотреть, как молодые, бравые ребята в военной форме бьют чечетку перед девушками. В разведку бы их!

На лесной поляне сдвинули два грузовика с опущенными бортами — вот и сцена. Собрались свободные бойцы, пришел народ из соседних батальонов, а артистов все нет да нет. Комиссар начал беспокоиться, не случилось ли что.

Встречать артистов послали ротного писаря Колю Кряжевских. Маленький, чернявый, юркий вьюн, Коля казался моложе своих девятнадцати лет. «Писарек», как его звали в роте, везде поспевал. «Мы вятские — ребята хваткие, семеро одного не боимся!» — любил приговаривать он. Не может быть, чтобы наш «хват» промашку дал.

И вот с интервалом метров в 20—30 появляются один за другим артисты. У кого скрипка в футляре, у кого аккордеон. Заметно волнуются. А Коля только загадочно улыбается.

Концерт удался на славу, давно мы такого не видывали. Холодно было, а певица вышла на эстраду в тонком вечернем платье, расшитом блестками, в золоченых туфельках. Ведущий программу уговаривал ее выступать в том, в чем она приехала, — в ватнике и брюках, но артистка наотрез отказалась.

— Пусть все будет, как прежде.

«С берез, неслышен, невесом, слетает желтый лист...» — пела она. Эту задушевную песню я услышала здесь впервые, и сразу вспомнилось: леса по берегам родной Камы в золотом осеннем убранстве! Тенистый парк перед Пермской оперой, где я любила прохаживаться вечерами! И мама, милая моя старушка, которая ждет не дождется меня!.. Не только я—все сидели, как завороженные, у гвардейцев, прошедших огни и воды, на глазах блестели слезы.

Коля Кряжевских должен был проводить артистов в обратный путь, к оставленной на опушке, леса машине.

— Простите, нам снова придется ползти? — беспокойно спросил пожилой скрипач, закрывая футляр.

Коля смутился; вопрос слышали все, включая Булавина.

— Теперь можно идти спокойно, в рост, — ответил горе-провожатый после общей неловкой паузы. — Немцы спать полегли.

Оказывается, по дороге в батальон Коля заявил артистам, что местность просматривается врагом. Шоссе-де надо пересечь быстрой перебежкой, а по полю и вовсе ползти, иначе немец может засечь. И вот наши уважаемые гости, среди которых были совсем не молодые люди, бежали сломя голову через шоссе, по-пластунски ползли полем. Особенно досталось тем, у кого были музыкальные инструменты.

Булавин ничего не сказал при артистах, только крякнул от досады. И выделил другого провожатого, наказав вести обратно «безопасной» дорогой.

Коле здорово досталось от майора. А глупый «писарек» ходил довольный: вернутся люди в Москву — будет чем вспомнить концерт на передовой.

Не раз и не два мы обсуждали вслух выступление столичных артистов. Кто-то из разведчиков заговорил о красоте московской певицы. Ох, и досталось ему от товарищей! Да разве может кто-нибудь сравниться — и в красоте тоже — с фронтовыми подругами?! Однако представить нас в платьях и туфельках ребята не могли: привыкли видеть в военной, форме.'

Некоторые девушки взяли с собою на фронт довоенные фотографии, теперь их извлекли из вещмешков и пустили по рукам. Снимки вызвали самые разные толки, но общий вывод был такой:

— В платье хороши, а в форме еще краше!

У меня не было старых фотографий, я могла показать лишь сделанные в снайперской школе и в запасном армейском полку во время отдыха. Один снимок долго разглядывал при свете коптилки капитан Сурков.

—„Люба, подари мне свое фото! — попросил он. — Придет время расставаться — останется память о снайперах моей роты.

Если бы Сурков знал, как смутила меня его просьба. Не только подругам — я и себе боялась признаться, как ¡травится мне наш ротный. Еще с того самого дня, когда я впервые увидела его в окопе с писателем Ставским... У меня одной попросил он фотографию на память — случайно это или нет? Ловила же я порой на себе внимательный, словно испытывающий меня взгляд капитана.

Видя мою нерешительность, Зоя шумно поддержала Суркова. Что ж тут неудобного, если командир роты интересуется своим снайпером? И для истории части фото пригодится.

Ничего не поняла ты, милая Зойка, добрая душа! Как бы то ни было, вмешательство подруги помогло — мой портрет остался у Суркова. Можно сказать, навсегда остался...

«ДОЛИНА СМЕРТИ»

Когда батальон, немного передохнув после двадцатикилометрового марша, мглистым декабрьским утром строился на лесной поляне, мне стало не по себе: слишком много хмурых, отсутствующих лиц, погасших глаз.

Больше месяца гвардейцы били и гнали врага. На этот раз разведданные говорили: противник отступил к заранее подготовленному рубежу обороны, постарается закрепиться. Бой будет тяжелым и упорным.

Начальник штаба капитан Шитоев, снова заменивший комбата, в последний раз уточнял с командирами рот и взводов боевую задачу. Капитану Суркову предстояло нанести первый удар, прорвать оборону врага и во что бы то ни стало продержаться до подхода резервов. Необычно серьезен, почти мрачен был на этот раз командир первой роты. Что его томило? Предчувствие смертной схватки, своей собственной горькой доли?

Позиция для атаки имела свои преимущества, имела и недостатки.. Гвардейцам надо было вначале форсировать речку Долысицу, которая еще по-зимнему не установилась, и разгромить тыловой взвод противника в лесочке на том берегу. Опыт недавнего победного боя показал: с обозниками можно управиться быстро.

Дальше предстояло трудное. За лесом лежала болотистая, не промерзающая и в сильные морозы, а поэтому не проходимая для танков низина. Первая оборонительная линия врага тянется по краю возвышенности, на которой стоит деревня Демешкино, превращенная фашистами в мощный опорный узел. За Демешкином — лесистый холм, настоящая гора, с которой открывается отличный кругозор: отсюда противник просматривает местность на десяток километров вокруг.

Атака началась без обычной артподготовки. Ранний час и неожиданный удар с тыла решили судьбу обозников. Штурмовые роты с ходу форсировали реку, ручные пулеметы и автоматы косили гитлеровцев, заметавшихся в сосняке. Испуганно ржали лошади, привязанные к коновязи, от немецкой походной кухни, возле которой стоял повар в белом колпаке, валил пар. Лицо у повара той же белизны, руки подняты вверх, хотя атакующие давно ушли вперед. Еще не тронут ногами солдат и разрывами снарядов белый покров. Но вот загремела канонада, противник начал обстреливать из орудий и минометов низину перед лесом. Тут и там на снегу возникали черные дымящиеся воронки, взрывы поднимали в воздух фонтаны брызг и болотного ила. Вступила наша артиллерия, снаряды рвались во вражеских окопах.

Цепь за цепью шли в атаку гвардейские роты, оставляя позади на снегу раненых и убитых. Удальцы Суркова, вырвавшись далеко вперед, завязали рукопашный бой в окопах на самой окраине Демешкина. Первая линия траншей очищена быстро, бойцы смогли отдышаться. У нас большие потери, особенно среди командиров. А подкрепление опаздывает: противник, обойдя атакующих с фланга, занял переправу и отрезал гвардейцев от реки.

Немцы перешли в контратаку. Пользуясь тем, что настоящей передовой нет, мелкие группы вражеских солдат лесом просочились в наш тыл. В бой с ними вступили автоматчики охраны штаба полка, связисты, обозники. Пальба впереди, стрельба сзади.

В разгар боя подошли батальоны соседней с нами дивизии, вступили в схватку. И еще одна группа солдат появилась из леса. Сблизившись с гвардейцами, они неожиданно ударили по своим из ППШ. В чем дело? Неужели правый сосед не узнал своих? Командир роты побежал навстречу солдатам, размахивая наганом. По нему выстрелили.

Оказалось, немцы переодели взвод автоматчиков, среди которых были власовцы, в советскую военную форму, вручили им наши автоматы.

Немедленно по цепи от бойца к бойцу передали команду: пусть каждый заправит под ремень правую полу шинели. Быстро разобрались, где свои, а где чужие. Переодетых врагов добивали с особым ожесточениель-

А с бугра доносилась, не смолкая, перестрелка. Немцы засели во второй линии траншей, проходящей по деревенской улице. Заслоном они выставили власовцев. В лоб предателям летели наши пули, в спину им были нацелены немецкие пулеметы: оказавшись между двух огней, изменники Родины дрались с отчаянием смертников. Случалось, фашисты прцковывали власовцев к пулеметам...

Весь день в воздухе стоял гул канонады, пахло гарью, порохом, свежей кровью. От густого бора, где утром скапливались для атаки гвардейцы, остались измочаленные, со срезанными макушками стволы деревьев, из свежих изломов сочилась смола. Снег, земля, трупы людей и мертвые лошади, разбитое оружие и пустые гильзы от снарядов — все смешалось в одно месиво. Стонали раненые, а казалось, стонет сама израненная грудь земли...

В первые часы боя девушки-снайперы, оставленные у батальонного КП на опушке, вели из укрытий прицельный огонь по пулеметным точкам врага. Когда головные роты ворвались в Демешкино, мы оказались далеко позади батальона, предоставленные самим себе. Без дела мы чувствовали себя почти ненужными.

Враг продолжал закидывать минами и снарядами лес, куда прибывало новое пополнение, где находились минометные роты, медсанбат, штабы батальонов и полков. Даже ночью не смолкали десятиствольные минометы, прозванные «скрипунами»: леденящий душу, мерзкий их скрип действовал угнетающе.

Зоя Бычкова нашла себе занятие. В сосняке разгуливали два тяжеловоза-першерона из разгромленного немецкого хозвзвода; лошади испуганно всхрапывали и мотали головами, когда поодаль разрывался снаряд. Схватив огромную смирную кобылу под уздцы, Зоя с пенька не без труда забралась на нее. В руках она держала повод от второго першерона.

Лошадиная спина была такая широченная, что Зойкины ноги торчали в разные стороны. Бойцы не могли удержаться от шуток при виде наездницы; какой-то заросший щетиной верзила попытался было отнять лошадей. Зато как благодарили Зою артиллеристы, до которых она дотрусила: першероны играючи выволакивали пушки из глубокой грязи.

Спустилась темень, я решила пробраться к нашим в Демешкино. Там Сурков. Что е ним? Жив ли? За мною увязалась Зоя.

Вышли из лесу. Зарево пожара на бугре освещало поле боя, воронки от снарядов, холмики неприбранных трупов. Из деревни доносились звуки не прекращающейся, несмотря на ночь, перестрелки.

На опушке нас окликнул лейтенант Коля Седин; он заменил тяжелораненого командира минометной роты, моего земляка. Осколки изрешетили грудь капитана, в темноте были видны почерневшие от крови бинты. Обессилев от большой потери крови, раненый тихо стонал. Седин спросил, куда мы идем.

— К своим. В Демешкино.

— К немцу в плен захотели? Вертай назад, ну!

Пришлось подчиниться. Только к себе мы не вернулись: набрели на пустой окоп неподалеку от позиций минометчиков.

Утром вражеские пикировщики стали обрабатывать наше расположение. Самолеты снижались к самой'земле, были видны желтые масляные потеки на крыльях, лица летчиков. Пулеметная очередь прошла вдоль окопа, словно металлический цеп промолотил: В мгновение, как яркий кинофильм, промелькнула передо мной вся моя короткая жизнь: дом, школа и — крупным планом — лицо мамы, оплакивающей мою смерть. «Прощай, мамочка, родная моя! Ну, что ж, кое-что я в жизни повидала...» — шепчу, а сама прижимаю к сердцу полевую сумку, где письма из дома, мамин последний привет.

Зоя, спрятав голову в моих коленях, плакала.

— Все, Люба, все! Конец нам! Конец!

Ее причитания привели меня в чувство.

— Не плачь, Зоенька, не каждая пуля убивает. Мы с тобой еще живы и будем жить!

Говорю, а сама смотрю в небо на пикирующий самолет. Он увеличивается в размерах, вой все сильнее, рвет уши, значит, прямо на нас пикирует. В последнюю секунду самолет отвернул, к земле понеслась, нарастая, черная смертоносная капля. Бомба упала близко, воздушной волной меня ударило в грудь, точно подушкой, комья земли осыпали нас. Подняв голову, я отряхнулась, принялась тормошить притихшую подругу.

— Зоя, живы, живы! Улетел он! Улетел!..

Мы обнялись и расцеловались, радуясь, что остались целы.

Минометчики меняли позицию, лейтенант Седин приказал нам вернуться в штаб батальона.

. Связисты, поддерживавшие связь с полком, ушли на новое место. В штабной землянке лишь двое: Мдринкина и Обуховская. Они так и не уснули этой ночью из-за непрерывной канонады и тревоги за нас.

Батальоном командовал майор Булавин: капитан Шитоев был контужен. Покинул поле боя раненый командир второй роты капитан Викленко. Кроме комиссара, в строю оставались капитан Сурков, лейтенанты Седин и Горюнов.

И среди девушек потери. Наша подруга по снайперской школе. Галя Кочеткова, воевавшая в соседнем полку, вместе с бойцами поднялась в атаку... Командир взвода был ранен, солдаты, оставшись без лейтенанта, залегли на снегу. Немцы перешли в контратаку.

/.Галя видела приближающуюся гитлеровскую цепь, злость и обида охватили ее. Нельзя лежать, ф.а* шисты всех перебьют, словно куропаток на снегу» Вперед, только вперед!

— Чего боитесь, ребята? — крикнула она ближним бойцам. — Я девушка, и то не боюсь. Взвод,, за мночж! ^

УГаля бросилась вперед, увлекая воинов. Она упала, сраженная пулей , наповал, но фашистская цепь дрогнула, стала распадаться, попятилась назад. Гвардейцы ударили в штыки, загремело русское победное «ура»...

Так наша подруга, простая девушка из Рязани, совершила свой бессмертный подвиг.

Навеки вписано ее имя в геройский ряд.

К исходу вторых суток стал давать знать о себе голод: бойцы уничтожили НЗ. Люди обрадовались, когда на позиции прикатил с дымящейся походной кухней дядя Вася. На железном котле сияли вмятины, почерневший полушубок повара был иссечен осколками.

Отведя лошадь в заросли за штабной землянкой, дядя Вася взялся за черпак. Слух о прибытии кухни облетел округу, отовсюду потянулись бойцы с котелками и старшины с термосами. Нам дядя Вася налил горячий кулеш первым, стараясь достать черпаком со дна самую гущу.

Кто-то пристроился с котелком у походной кухни и ел нахваливая:

— Вот кулеш так кулеш — с ложкой съешь!

Густой, наваристый суп пьянил не хуже вина.

Неожиданно близкий разрыв тяжелого снаряда потряс землю, с бревен наката посыпалась труха. Снаружи донесся стон,'я бросилась из землянки.

У разбитой кухни лежит дядя Вася, наш дорогой повар. Осколок снаряда попал в бедро, кровь так и хлещет. Пытаюсь перевязать рану, в дело пошел не только мой, но и Зойкин индивидуальный пакет, а кровь не остановить. Надо бы наложить жгут, а где его взять? Дядя Вася еле слышно просит:

— Пить... пить...

Я знала, что при большой потере крови нельзя давать воду. Раненый смотрит на меня, слезы в глазах.

— Доченька, а я... я ничего для вас... не жалел.

— Сейчас, дядя Вася! Сейчас принесу!

А сама кинулась искать сани...

До сих пор жалею, что не выполнила его просьбу. Если б я знала, что она была последней. Дядя Вася умер в медсанбате.

Поток раненых не прекращался, санитары и медсестры сбились с ног. Снайперы пришли им на помощь. Вдвоем с Зоей волочим на плащ-палатке тяжелораненых, подруга действует одной рукою: у нее все еще болит простреленный палец. Навстречу нам спешат Клава с Ниной, с трудом втаскиваем неподатливое тело в узкую дверь землянки. Мы с Зоей, не теряя времени, бежим за следующим бойцом.

Быстро заполняются нары, новых раненых кладут прямо на пол. Они не ропщут: в землянке тепло, да и безопасней. В воздухе рвется шрапнель, осколки свистят над головой. Те, кто может двигаться, бредут в тыл.

Снег вокруг все темнел и темнел. Когда мы выбрали самый чистый и растопили на печке — пить не смогли: вода была бурой от крови.

Нас уже признали за медсестер, то тут, то там слышится: «Сестрица, помоги!» Но как помочь, если у человека вместо лица — кровавая маска, если осколком перебит позвоночник...

Как я намучилась, ворочая на снегу рослого, тяжелого связиста, чтобы остановить кровь, бегущую из рваной раны на боку. А когда вернулась с подмогой, он был уже мертв. Сняла с окровавленной гимнастерки медаль «За отвагу», вынула из кармана документы: после боя надо отдать комиссару.

Веду очередного раненого к землянке, а там шум, крик. Незнакомый лейтенант орет на Зою, размахивая пистолетом. Я подскочила, отвела его руку.

— Что вам надо от нее, лейтенант?

— Раненый у меня... Майор наш... А сестра не хочет сказать, где санитарная палатка...

— А если я не сестра? Если я не знаю, где медпункт? — почти плачет Зоя.

Пока мы занимались ранеными, санитарная палатка, стоявшая в лесу за штабной землянкой, успела сняться. Зоя, не зная этого, направила туда лейтенанта. Тот бросился в лес — никакого медпункта. Он и вскипел, решив, что девчонка смеется над ним.

— Где ваш раненый? — спросила я как можно спокойнее.

Бегом кинулись к лесной дороге. На куче хвороста полулежит тяжелораненый майор, командир саперного батальона. Перевязала, как умела, ему грудь и руку, говорю лейтенанту:

— Немедленно везите в медсанбат!

На обратном пути наткнулась на ползущего по снегу санинструктора. Пожилой солдат, он всегда шел следом за воинами, выносил раненых из самой гущи схватки.

— Доченьки, если попадете в беду — вытащу из любого огня, — не раз говорил он нам, — а если меня ранят — не оставьте отца в беде!

Присев на снегу, стала бинтовать его перебитые осколками ноги. Санитар кривится от боли, а еще наказывает:

— Туже, дочка, туже бинтуй!

Надрываясь, тащу его к повозке, на которую уже положили перевязанного мною майора. Не успела дотащить — повозка тронулась.

Хватаю лошадь под уздцы, прошу, умоляю ездового забрать раненого санитара. А он недоволен задержкой, ругается:

— Куда лезешь, сестра?.. Дай своего раньше вывезти...

Ах, вот как? Я хотя и не санитарка, а перевязываю всех, кто нуждается в помощи, не спрашиваю, кто из какой части. Гнев переполнял меня, неумело выругалась. К счастью, вернулся лейтенант, набросился на ездового:

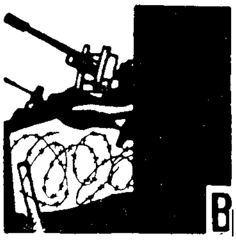
— Очумел, что ли? Это ж та девушка, что перевязала нашего майора!

К вечеру бой затих, прекратился поток раненых. В землянке — на нарах, в проходе, под нарами — раненые воины. Мы, четыре девушки, жмемся в уголке, греем друг друга своим теплом. Вошел лейтенант, с трудом ставя ноги между лежащими, пробрался к столику.

Вскоре связной принес ему котелок с горячим супом, достал из-за пазухи полбуханки хлеба, колбасу. Лейтенант пригласил нас разделить с ним скромную трапезу.

Немного подзакусив, мы повеселели. И совсем легко стало на сердце, когда последних наших раненых отправили в санбат. Санитар, приезжавший за ними, оставил полную сумку бинтов. Он передал благодарность лейтенанта Свинцова девушкам-снайперам за умелую первичную обработку ран.

Да, пригодилась нам медицинская выучка в этой залитой кровью низине под деревней Демешкино, «Долине смерти», как, не сговариваясь, окрестили ее солдаты.



ГВАРДЕЙЦЫ УМИРАЮТ, НО НЕ СДАЮТСЯ!

В Демешкине продолжалась неравная схватка. Гвардейцы, отрезанные от своих, не только отбивали контратаки врага, но время от времени делали героические попытки улучшить позиции. Выравнивая левый фланг, бойцы продвинулись вперед, захватили немецкий провиантский склад с горой рождественских посылок, так и не дошедших до своих адресатов. Еды теперь было вдоволь, хуже обстояло с водой.

Окопы перерезали деревню пополам: наши удерживали первую линию захваченных траншей; во второй, метрах в 30—40, засели гитлеровцы. Единственный колодец находился посреди деревни, к нему можно было подобраться лишь ночью. Немцы, которых в Демешкине было больше, чем наших, попробовали сделать вылазку к колодцу днем, но, оставив у сруба нескольких убитых, прекратили бесполезные попытки. Зато ночью у колодца не раз вспыхивала перестрелка водоносов.

Все меньше бойцов оставалось в строю. В роте капитана Голдобина не более двух десятков активных штыков, патроны на исходе. Командир решился на отчаянную вылазку. Стреляя из пистолета, он повел остатки роты в штыковую атаку, первым достиг бруствера вражеского окопа и был сражен пулей. Голдобинские бойцы овладели второй линией траншей. Противник оставил Демешкино.

Не опасаясь теперь попасть в своих, немцы обрушили на деревню шквал минометного и артиллерийского огня. Едва разрывы стихли, по бугру, ведущему к Демешкину от шоссе, стали подниматься фашистские цепи. Офицеры впереди, за ними густые ряды автоматчиков.

Все, кто мог держать оружие, здоровые и раненые, отражали новый натиск врага.- Гитлеровские цепи редели от пулеметного огня, бойцы пустили в ход трофейные гранаты; нераспечатанные ящики их были захвачены в немецких траншеях. Снова гвардейцы удержали завоеванный рубеж.

Тяжелые танки немцев действовали на правом фланге, отражая атаки «тридцатьчетверок». Противник вынужден был бросить свой резерв в Демешкино. Стальные громадины двинулись на горстку храбрецов, истекавших кровью.

В командирской землянке, под которую приспособили погреб на краю деревни, оставались четверо: майор Булавин, капитан Сурков и два немолодых солдата — связист и ординарец комиссара. В соседней землянке находились пять тяжело раненных бойцов. Отправив с ночи за подмогой писаря Колю Кряжевских, майор вызывал по рации артиллерию.

Капитан Сурков связывал в пачку ручные гранаты — противотанковых не было, — негромко напевая есенинскую: «Бейте в жизнь без промаха — все равно любимая отцветет черемухой». Закончив, вынул из кармана гимнастерки фотографию, вздохнул:

— Где-то наши девчата, комиссар, живы ли?

— Седьмой!.. Седьмой!.. — вызывал Булавин, согнувшись над рацией. — Куда ты пропал, седьмой?

Нарастал лязг гусениц, головной танк врага совсем близко. С ручным пулеметом и связкой гранат капитан Сурков шагнул из землянки. Слышно было, как он что-то крикнул или скомандовал сам себе, затем — громкий разрыв гранат.

Охрипший комиссар поймал, наконец, отзыв командира артдивизиона. Булавин назвал координаты. И понял: Шор сомневается — ведь это точка нахождения самого комиссара.

— Борис, ты слышишь меня? — по имени обратился майор. — Я Булавин! Дай огня, Борис!

Шор молчал, видно, продолжал сомневаться. Выругавшись, комиссар крикнул в микрофон:

— Как коммунист приказываю: дать огонь по координатам...

Немецкий танк почти в упор выстрелил из пушки по землянке. Взрывом завалило вход, накренился бревенчатый потолок, насмерть придавив сидевшего у дверей связиста. Майора и его связного контузило взрывной волной.

Минута тишины — и с грохотом стали рваться наши снаряды; это беглым огнем стрелял артдивизион Шора. Сквозь полузаваленное окошко виднелись красные языки пламени — горел вражеский танк.

Придя в себя, Булавин огляделся: бревна осевшего потолка уперлись одним концом в землю, оставив немного места для живых. Наверху послышались голоса. Майор хотел бросить в окно гранату; для себя он берег последнюю пулю в нагане. Связной задержал его руку, шепча:

— Товарищ комиссар, и их не достанете и себя обнаружите. Видите лаз? — Он показал на щель меж бревнами. — Ночью расширим и попробуем до своих податься...

Вечером на осевшей крыше землянки гитлеровцы установили пулемет. Велико было удивление осажденных, когда они услышали русскую речь. Один из власовцев, украинец, клял немцев-катов, пославших их на верную смерть, ругал «жидов и комиссаров», которые-де отсиживаются в тылах, пока народ проливает кровь... И снова боец с трудом удержал горячего комиссара: Булавин хотел гранатой подорвать землянку вместе с изменниками.

К ночи обстрел с нашей стороны усилился. Власовцев не было слышно, похоже, попрятались от разрывов. В землянке не сидели без дела, лаз удалось расширить. Первым выбрался наружу комиссар, подождал связного.

Метров пятьдесят беглецы бесшумно ползли по снегу, а когда местность пошла под уклон, побежали из последних сил к лесу. Боец держался сзади, прикрывая своим телом комиссара. Запоздалая пулеметная очередь просвистела поверх голов.

Как вернувшихся с того света, встретили их в батальоне. Впрочем, батальона больше не было: за неделю штурма из пятисот человек в строю оставалась какая-нибудь десятая часть...

31 декабря 1943 года. С вечера мы набились в самую просторную немецкую землянку, недавно построенную и казавшуюся чище других. Затопили железную печь, зажгли десятки трофейных плошек. Шумно, жарко, чадно.

Разговоры смолкли, когда над нарами поднялся майор Булавин с часами в руке. Ровно в 24.00 по московскому времени он поздравил однополчан с Новым победным годом, пожелал всем долгой-долгой жизни. Прогремело троекратное гвардейское «ура», воины поздравляли друг друга. Встретить следующий новогодний праздник дома — было общее пожелание.

Среди нас немало настоящих певцов, но комиссар почему-то изо всех выбрал меня.

— А ну, Люба, заводи песню о соловушке!

Я еще не знала тогда, что именно ее вспомнил капитан Сурков в свой последний час.

Петь мне трудно, голос срывается, но вот уже вся землянка подхватила знакомые слова. Только Булавин не пел, сидел, опустив голову, и все дымил цигаркой, хотя не был настоящим курильщиком.

— Да, Иван Васильевич, отцвела твоя черемуха! — повторил он негромко, и слезы скатились на его гимнастерку.

У Зои, вечной насмешницы, дрожали губы, когда она смотрела в его сторону. При посторонних девушка не смела высказать своих чувств, даже ближе подсесть не решалась.

Сильный мужской голос завел новую, бодрую мелодию.

Кто сказал, что надо бросить
Песни на войне?
После боя сердце просит
Музыки вдвойне...

У меня разболелась голова, и я вышла на воздух. Сквозь облака светились редкие холодные звезды. Старые люди говорят: когда умирает человек, падает звезда. Какой же звездопад должен был пролиться недавно над «Долиной смерти»!..

— Люба, — позвал Булавин, вышедший за мною следом; за ним виднелась какая-то тень. — Любушка, я должен сказать тебе кое-что...

Мучительно горько было услышать в эту ночь, что мою фотографию разглядывал капитан Сурков перед тем, как броситься навстречу вражескому танку. Обо мне он думал в последние минуты своей недолгой геройской жизни, со мною прощался песней. А я ничего, ничего не знала о его любви...

А может, и знала? Конечно, знала. Видела же, как он смотрел на меня в те минуты, когда считал, что я не замечаю этого. Совсем недавно на привале я перехватила внимательный его взгляд. Захваченный врасплох Сурков одернул и без того безукоризненно сидящую на нем гимнастерку и решительно направился ко мне. В это время ротного позвали на КП, и он шутливо развел руками: увы, до другого раза! Никогда, никогда не будет уже этого другого раза, никогда не посмотрят на меня зеленые глаза, никогда не услышу я то, что он хотел досказать.

Почему я сама не высказала Суркову того, что было у меня на душе? Ведь нравился он мне, очень нравился. Больше всех в батальоне.

— Люба! Люба, куда ты?

Меня нагоняла Зоя. Наверное, комиссар послал ее утешить меня. Но я не нуждалась в утешениях. Что-то окаменело во мне, даже слез не было.

Лишь ночью, когда лежавшие вповалку на длинных нарах воины ворочались и вскрикивали, продолжая и во сне жить минувшим боем, моя боль, горькая моя любовь вылилась слезами, смочившими твердое изголовье.

Наутро привезли продовольствие, новогодние подарки из тыла, письма и газеты. Привезли на весь батальон, а нас оставалось в строю всего тридцать семь человек. Никого не радовала вкусная, обильная еда, не брало вино. Слишком недавни кровавые бои, слишком близко лежат павшие друзья и товарищи!

Свежая армейская газета рассказала о том, какими победами встречали наступающий год другие части фронта. Был в ней и рассказ о подвиге наших правых соседей — танкистов, прорывавшихся на выручку тем, кто дрался в Демешкине. Вот он в кратком пересказе.

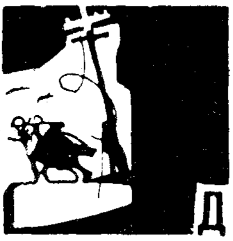
Рано утром семнадцатого декабря 328-й танковый батальон в районе деревни Гадчино форсировал речку Долысицу — ту самую, которую ниже переходили гвардейцы 21-й дивизии. На западном берегу «тридцатьчетверки» попали под массированный заградительный огонь немецких батарей. Несколько машин сразу загорелось, остальным удалось вырваться из огненного котла. Был среди них и танк лейтенанта Ткаченко.

Осколки вражеских снарядов ранили механика-водителя Соколова, но экипаж понимал: спасти их может лишь одно — стремительный бросок в Демешкино. На предельной скорости боевая машина продолжала мчаться вперед, как орех раздавила противотанковое .орудие, стрелявшее из засады, проутюжила группу немецкого боевого охранения на краю деревни. Но тут взрывом противотанковой мины перебило правую гусеницу.

Гитлеровские автоматчики пытались захватить живьем экипаж танка, подбитого на ничейной земле. Их встретил пулеметный огонь. До темноты танкисты отбили несколько атак, а ночью командир танка и башенный стрелок выбрались через люк, чтобы исправить повреждение. Немцы караулили их, автоматные очереди сразили танкистов. Раненый Соколов и радист Чернышев продолжали сражаться. Десятки фашистских солдат и офицеров, два бронетранспортера были' уничтожены огнем танкистов. Давно истрачен НЗ, отказала рация, кончаются боеприпасы... Тринадцать дней и ночей продолжалась беспримерная осада подбитого танка, этой маленькой, неприступной советской крепости.

Тридцатого декабря, сломив оборону немцев на правом фланге, наши освободили Демешкино. В новогодней сводке Совинформбюро ее название затерялось среди сотни освобожденных от врага населенных пунктов.

В канун Нового года умер танкист Соколов, доставленный в госпиталь со слабыми признаками жизни. Старший сержант так и не пришел в сознание, не узнал, что за отвагу и мужество, проявленные в бою за Демешкино, ему присвоено звание Героя Советского Союза. На каменном обелиске у деревни Турки-Перевоз рядом с фамилиями писателя Ставского и снайпера Клавы Ивановой навечно высечена и его фамилия.



ВЫСОТА «ГЛАЗ»

Две недели отдыха после боев. Батальон принимал пополнение, среди новичков — жители освобожденных от врага районов. Ветеранов в строю немного: тех, кто возвращался из госпиталей после излечения, направляли в ближние части.

Многих боевых товарищей недосчитался Рыбин, вернувшись в свой батальон. Новые командиры рот и взводов, новые парторг и комсорг. В пулеметной роте, бойцами которой он особо гордился, все новички. Вместо дяди Васи — женщина-повар, но как ей далеко до него!

Больше всего опечалила комбата потеря любимого командира славной первой роты капитана Суркова. Не пел, не плясал, как обычно, Рыбин, хотя мы и стояли на отдыхе. Еще больше привязался он к своему замполиту, а Булавин и так в нем души не чаял.

В торжественной обстановке, перед застывшим по команде «смирно» строем, вручали награды отличившимся в последних боях. Девушки-снайперы тоже были отмечены. Клава Маринкина и Нина Обуховская получили медали «За отвагу», Зоя Бычкова — медаль «За боевые заслуги». За организацию спасения раненых я, первая в роте, была награждена орденом Славы III степени. Правда, орден мне не вручили, только зачитали приказ: в части еще не получили новую солдатскую награду.

Всех награжденных в снайперской роте не запомнила, ведь половина девушек находилась в соседнем полку. Знаю, что Нина Белоброва получила такой же, как у меня, орден. Еще раньше, после ранения в бою за деревню Ведусово, орденом Красной Звезды наградили Сашу Шляхову...

Ночной переход по зимнему проселку, намозолившие глаза холмы, ложбины и снова холмы. На горизонте замаячила безымянная высота, настоящая гора. Такой высокой мы еще не встречали на пути наступления. Бойцы назвали ее: высота «Глаз».

Наши окопы отрыты в снежном поле. Перед нами — ложбина, за нею метрах в 200 по скату высоты проходит первая линия немецкой обороны, по самому верху — вторая. Мы занимаем невыгодную позицию, видны немцам, как на ладошке. Но гвардейцы взламывали и более неприступную оборону.

Мощный артналет по немецким траншеям. Фонтаны черной, вздыбленной земли, дымящиеся воронки. Головные роты заканчивали очищение первой линии, когда из глубины вражеского тыла ударили батареи. Противник начал контратаку.

Несколько раз за день траншеи переходили из рук в руки, пока нашим удалось окончательно закрепиться. Немедленно начался штурм высоты, нельзя было дать врагу опомниться. Группа смельчаков достигла второй линии обороны, уже на самой горе. Было это на исходе короткого январского дня.

Снайперов, отлично показавших себя в прошлом наступательном бою, больше не оставляют сзади, при батальонном КП. Мы находимся в стрелковых ротах, вместе с солдатами, идущими в атаку.

Во время вражеских контратак мы с Клавой слали пулю за пулей по противнику. Особенно точны наши выстрелы, когда гитлеровцы, дрогнув, подставляют спину. Не одного уложили мы на скате той высоты.

Простудившаяся перед боем Клава разговаривала шепотом, но огневого рубежа не оставляла, хотя я и гнала ее в тыл.

— Не уйду без тебя, Любушка! — шептала она. — Где ты, там и я. В бою я не так мерзну...

Успеху нашего наступления мешала вражеская батарея, скрытая за обратным скатом высоты. Сколько снарядов истратили артиллеристы — никак не могут подавить ее. Может, батарея кочующая? Пока не оседлаешь гору, не узнать этого.

Капитан Шор, взяв с собою рацию, где ползком, а где перебежками добрался до гребня высоты. Сверху хорошо был виден обратный скат, по которому змеились немецкие ходы сообщения, разглядел Шор и вражескую батарею, только что вставшую на запасную позицию. Капитан передал точные координаты своим артиллеристам, скомандовал: «Огонь!» Несколько корректирующих выстрелов — и фашистская батарея взята «в вилку». Пушкари перешли на поражение, гвардейские залпы разметали немецкие орудия вместе с прислугой.

Довольный, возбужденный удачей, капитан повернул обратно. Оступившись, он покатился по снежному склону, держа рацию над головой. Навстречу поднимались бойцы, пулеметчики тащили «максим». Рывок через ложбину — и Шор достиг бы наших окопов, если б не пулеметная очередь с фланга, еще занятого противником.

Санитар видел из окопа, как упал капитан, и по-пластунски добрался до него. Он услышал хриплое, захлебывающееся дыхание смертельно раненного Шора, разобрал последние его слова:

— Убили... Убили Шора, сволочи!

...Артиллеристы хоронили своего капитана на опушке леса, у проселочной дороги, ведущей в деревню Мельница. Было это 14 января 1944 года. Временным памятником поставили в изголовье отстрелянную снарядную гильзу. А ночью залетный тяжелый снаряд с немецкой стороны разворотил свежий холмик.

— Ох, и досадил наш Шор чертякам! — говорили бойцы; узнав об этом. — Даже за мертвым охотятся!

Армейская газета посвятила целый разворот, -две страницы, герою. «Другу пехотинцев, отважному артиллеристу гвардии капитану Шору», — было набрано сверху крупными буквами. Бойцы и командиры вспоминали подвиги пушкарей, которыми умело командовал Борис Шор. С фотографии мечтательно смотрел молодой красивый офицер. Таким он был у нас в землянке, когда читал стихи Шевченко или рассказывал веселые истории.

Дольше всех в роте оплакивала его снайпер Лида Ветрова. Пока Борис Шор был жив, мы как-то проглядели ее чувства к капитану. После его гибели Лида стала уединяться, много курила, причем не так, как иные из нас, только балуясь, а всерьез, затягиваясь горьким дымком. Заставала я ее и плачущей...

Еще одну тяжелую потерю понесли мы в этих боях. Когда в «Долине смерти» был ранен капитан Викленко, его роту принял лейтенант Михаил Горюнов. Спокойный, неторопливый, он был напорист в бою, неутомим.

— Вот пойдет наш таежный мишка ломать немчуре кости! — довольно приговаривал Булавин, видя, как лейтенант обходит строй своих бойцов. — Только не медли, Горюнов, не жди, пока от пальбы он очухается, с ходу седлай высоту. Чтоб он и ахнуть не успел, как на него медведь насел.

От Клавы я слышала, что перед боем за высоту «Глаз» сибиряк-лейтенант объяснился ей в любви. Нельзя сказать, чтобы Михаил Горюнов вовсе не нравился ей — парень смелый, хотя и увалень, с девушками держит себя скромно. Но у Клавы на Дальнем Востоке служил друг, они переписывались со школы.

— Захочет ли он еще жениться на тебе, фронтовичке, после войны? —сомневались подруги.

— Кончится война — видно будет! — неизменно отвечала она.

Это же сказала она Мише Горюнову в ответ на его признание. Как ни мало значили ее слова, лейтенант обрадовался. Ведь она оставляла ему надежду.

Едва пушки Шора, как по привычке продолжали называть их гвардейцы, подавили немецкую батарею, рота Горюнова поднялась в атаку. Лейтенант держал в руке древко с красным флажком, его надлежало водрузить на высоте.

В гору ротный поднимался будто бы неторопко, но ходко, как идут на зверя сибирские охотники. Одним из первых он достиг гребня высоты. Осмотревшись, будет ли виден флаг с нашей стороны, Горюнов воткнул древко в сугроб. Недлинное, оно почти все ушло в снег, красный лоскут издали казался лужицей алой крови. И другая кровь, настоящая, горячая, окрасила вершину, когда Горюнов, еще не понимая, что убит, стал клониться долу.

А высота была оседлана, и не было, кажется, такой силы, которая могла бы сбросить горюновских удальцов с седловины горы. Отсюда, из верхних траншей, просматривались обратный скат высоты и ходы сообщений, ведшие в тыл противника. По ним удирали уцелевшие фашисты, иные для скорости катились до снегу. Не одного достала меткая пуля стрелка, разорвавшаяся внизу граната...

Моя напарница горела как в огне, когда вечером я вела ее в землянку, голос у Клавы пропал. Градусника у нас не было; мы никогда не измеряли температуру, больными считали себя лишь в том случае, если не могли самостоятельно подняться с нар. Никто не знал, что у Клавы: ангина или воспаление легких?

— Немедленно в медсанбат! — приказал майор Булавин.

Через день, когда успех боя за высоту «Глаз» был закреплен, комиссар разрешил мне проведать больную напарницу.

— Успокой там Клавдию! — наказывал он, отправляя меня в тыл с попутной машиной, привозившей боеприпасы. — Михаил Горюнов погиб как герой. Если уж придется сложить голову, такой смерти можно только позавидовать.

Похоже было, что тайная симпатия лейтенанта Горюнова не прошла мимо комиссара...

Проселочная дорога, свернув в лес, вывела к поляне, где стоял большой сарай. Окрестные жители хранили в нем сено, сейчас здесь размещался полковой медпункт.

У входа я наткнулась на Германа Свинцова. Осунувшийся, с красными глазами* он спросил встревоженно:

— Люба, вы? Куда ранена?

Я объяснила, что пришла проведать подругу.

В углу палатки на койке Свинцова лежала в полузабытьи Клава. Она узнала меня, попробовала приподняться на локтях, но тут же упала без сил. Слезы лились по ее щекам. Я села на койку, положила Клавину голову к себе на колени, стала гладить ее.

— Поплачь, поплачь, Клавуся! Легче будет.

У Клавы ангина. Сквозь ватные брюки чувствую жар ее тела. Лицо багровое, глаза тусклые-тусклые, словно на них пелена. Но Герман успокоил: кризис миновал, скоро температура начнет спадать.

Пока я сидела подле Клавы, Свинцов куда-то выходил. Вернулся неузнаваемый: лицо серое, какое-то слинявшее. Сел на табурет,, сжал голову ладонями и молчит. Медсестра окликнула его — не отвечает, будто не слышал.

Прибыла новая партия раненых, и Герман, сжав зубы так, что скрипнули, занялся перевязкой. Освободившись, подошел ко мне.

— Эх, Люба, горе-то какое! Сначала Голдобин, теперь Царев Миша, последний мой дружок! — И снова зубами заскрипел.

За сараем была вырыта большая яма, куда опускали покойников: иные тяжелораненые умирали по пути в медсанбат. Переберется дивизия на новое место, а здесь останется братская могила. Герману показалась знакомой шинель лежавшего у края ямы офицера. Склонившись над трупом, он обмер: лейтенант Михаил Царев, друг по медицинскому училищу, с которым вместе прибыли на фронт! В мертвые глазницы намело снегу, волосы стали вдруг седыми.

— Герман, милый, мы тоже потеряли своих друзей!

— Знаю! Все знаю... Но как, как привыкнуть к этому? Я — живой, а Мишка там, на дне ямы...

Медсестра принесла котелок сладкого чая, печенье, масло. Свинцов есть не мог, только чаю глотнул. Мы стали укладываться. Германа устроили на нарах посередке, чтобы отогрелся.

Среди ночи я проснулась. Свинцов склонился над операционным столом и, освещенный ярким светом, который давал движок, обрабатывал рану только что привезенного бойца...

— Всегда рад видеть вас, Люба, у себя, — сказал Герман, когда мы прощались. — Только не в качестве пациентки...

Я ПОМОГАЮ МИНОМЕТЧИКАМ

Клава Маринкина вернулась в батальон, но была слабой после болезни. Майор Булавин оставил ее в хозвзводе, где находилась Нина Обуховская, прибаливавшая последнее время. Зою Бычкову, забывшую в боях и походах о своем простреленном пальце, он буквально прогнал в армейский госпиталь. И вовремя: палец почернел, могла начаться гангрена.

— Остались мы с тобой, Люба, сироты, — сетовал комиссар. — Ни моего Петра Алексеевича, ни твоей Зои Николаевны...

Я знала, что Булавин привязан к комбату, который снова — в который уже раз — был легко ранен. Но знала также, что и без Зои Бычковой он скучает. Всегда он выделял ее из всех нас, вот и по имени-отчеству зовет одну-единственную.

От Зои пришло письмо, сообщавшее, что ампутация пальца прошла нормально, и Булавин несколько успокоился. Я удивилась, что он так легко отнесся к этому — пальца ж больше нет.

— Пуля дура: где ударит — дыра, — начал он с обычного присловья. — Могла и в голову ударить, что тогда? — Не дождавшись моего ответа, майор сказал: — Поскольку, Люба, твои подруги временно вышли из строя, в бою будешь при КП батальона. Для поддержания воинского духа. Ясно?

Я понимала, что Булавин бережет меня и приятно ему присутствие если не самой Зои, то хотя бы ее подруги.

■ Батальон вел бой за небольшую деревеньку Мостовую. Деморализованные последними неудачами, понеся большие потери, немцы сопротивлялись слабее обычного. За деревней остановка: у гитлеровцев, как всегда, подготовлены запасные позиции.

Майор вызвал на КП лейтенанта Николая Седина. В свои двадцать лет Коля казался мальчишка мальчишкой: в плечах не успел раздаться, только вытянулся, как росток, да, кажется, еще больше похудел со времени боев в «Долине смерти». Комиссар приказал Седину пристроить меня в минометную роту.

— У тебя там все же потише, пусть отдохнет «оптика».

Но было не до отдыха. Ночью бой возобновился; минометчики поддерживали наступающую пехоту. Я подавала мины — не сидеть же без дела, когда каждый боец на счету. Вот и утро занялось, и день прошел, а пальба все идет. В перерыве боя Булавин запросил по рации:

— Как поживает «оптика»?

— Какая такая «оптика»? — удивился Седин. — Она ж прирожденный минометчик, хотим зачислить ее к себе на довольствие.

Вечером лейтенант -проводил меня в землянку связи. Немцы строили ее с размахом: двухэтажные нары, большой стол в проходе, скамьи. На нарах спали свободные связисты и артиллерийские командиры; ни одного знакомого лица. В углах, чтобы не мешать друг другу, артиллеристы по телефону и по рации передавали нужные данные своим батареям.

— Поспи, Любушка! ’ Начнем двигаться — приду за тобой.

Седин ушел. Я забралась на верхние нары. Ноги и руки гудят от усталости, голова тяжелая. Трещит нолевой телефон, верзила-связист без конца повторяет: «Я — Фиалка, я — Фиалка!» Где тут уснуть? Только стало смаривать — кто-то трясет меня за плечо.

— Пора, Люба, вставай! Батальон продвинулся. И нам позиции менять.

Седин принес дымящийся суп и хлеб. Я хлебнула ложку и отставила котелок: есть не хотелось. Вышла на воздух. Светало. Из тумана выступали черные стволы деревьев, глухо били пушки. Винтовочных выстрелов не слышно: за ночь бой отдалился.

Неподалеку от землянки разорвался снаряд, раненый позвал: «Сестрица!» Склонилась над ним, делаю перевязку. Еле слышный стон в стороне: тяжелораненый. Бегу в землянку.

— Товарищи, дайте бинт!

В ответ раздраженные голоса:

— Вечно у медицины бинтов нет... Свой заимей!.. Давно бы делом занялась, а то дрыхла всю ночь...

Нашлись все же добрые люди, . отдали свои индивидуальные пакеты. Закончила перевязку, а возвращаться в негостеприимную землянку не хочу. Присела на пенек. Тут меня и нашел Седин.

— Не обижайся, Люба, народ у нас хороший, только устали очень. — Ввел меня в землянку, громко сказал: — Зря обижаете девушку, хлопцы, это же снайпер наш. Минометчикам помогает.

— А чего ж не сказала? Мы думали: медицина!.. Не сердись, снайпинга, морщины будут...

За Сединым пришел связной: рота в сборе, пора выходить.

Цепочка минометчиков втягивалась в лес. Кто тяжелую плиту несет на спине, кто немецкие мины под мышкой зажал; по примеру старого командира Седин собирал брошенные врагом боеприпасы. Передние пошли быстрее, не стоять же зря под грузом.

Рота заняла позицию. Я выдвинулась на пригорок, откуда хорошо видно поле боя. Пехота пошла в атаку, выковыривает огнем немцев из их нор. На выбор бью удирающих фашистов.

А потом произошло то, что бывает на войне. Не то связь оказалась нарушена, не то не хватало шоровского корректирующего глаза, только запоздавший залп наших батарей пришелся по траншеям, куда успел выдвинуться techнский минометный расчет.

Наши снаряды рвется сильнее немецких и осколков дают больше — не дай бог, как говорится, испытать их действие на себе! Нескольких минометчиков изранило осколками. Лейтенанта Седина, бросившегося к связистам, чтобы перенести огонь батарей, так изрешетило, что его трудно было узнать.

Лишь по большим стоптанным валенкам да по окровавленному комсомольскому билету в кармане гимнастерки товарищи опознали Колю.

Майор Булавин сообщил о гибели молодого командира в колхоз «Ударник» Мостовского района Краснодарского края: оттуда ушел в армию бывший колхозный механизатор комсомолец Николай Седин. Комиссар попросил меня написать родным Коли, ведь я была одной из последних, кто видел его в бою.

V И раньше мне приходилось писать семьям воинов по поручению замполита. Я старалась найти такие слова, чтобы они смягчили боль утраты, если и не могли исцелить ее. Кажется, иногда это у меня получалось.

На отдыхе в запасном полку; где нас обычно ждала скопившаяся почта, я получала, пожалуй, наибольшее количество писем. Однажды мне вручили сразу... восемьдесят посланий со всех концов страны, где жили мои адресаты. Подруги давно окрестили меня писарем^Уйдут вечером в клубную землянку, танцуют или смотрят кино, а я в тиши скриплю себе пером. Сказать по правде, мне нравилось это занятие, я с удовольствием отдавала ему короткие часы отдыха.^

А вот родным Суркова так и не смогла написать, что-то удерживало мою руку. Боялась позволить себе в письме что-нибудь лишнее, не сдержать своих чувств. Кто я для них? Никто. А для меня он был не только геройски погибшим командиром...

Между прочим, я подговорила подруг проведать печально памятную «Долину смерти». 153-й армейский запасной полк, куда после зимних боев мы попали на отдых, стоял в лесу, всего в двух километрах от Демешкина.

Деревни больше не было — ни домов, ни сараев, ни даже печных труб, этих грустных памятников войны. Снежный саван не мог до конца укрыть выжженные квадраты на месте изб, какие-то треснувшие чугуны, железные кровати со скрючившимися от огня спинками, колесо от брички или орудийный ствол, целящийся в небо. Смертную тоску наводила эта картина.

На огородах кое-где уцелели земляные погреба, еще недавно служившие блиндажами. Я разыскала землянку с осевшим бревенчатым потолком и маленьким окошком-лазом. Здесь капитан Сурков, идя на верную смерть, простился с комиссаром, со мною... Трудно было представить, как довольно крупный майор Булавин с солдатом-связистом пробрались сквозь эту щель на волю. Даже мне, девчонке, трудно было бы в нее протиснуться.

Жители еще не вернулись, мы были удивлены, встретив на пепелище древнего старика, волочившего какую-то жердь. Оказалось, он просидел все время, пока шли бои, в полузасыпанном взрывом погребе. Голос у старика дрожал, из глаз текли слезы, когда он рассказывал, как фашисты добивали тяжелораненых советских солдат и офицеров, а тех, кто мог еще передвигаться самостоятельно, угнали в плен. Гитлеровский офицер приказал своим солдатам зарыть тело окровавленного, в боевых орденах советского командира. Даже враг отдал дань невольного уважения его мужеству.

Кто был офицер в орденах? И у Александра Голдобина были награды, но товарищи успели снять их, когда он погиб. Наверное, это Сурков. Не иначе как он.

Я просила старика показать место, где погребен герой, но он не смог найти его. Каждый сугроб походил на могильный холмик, а могилы, запорошенные снегом, казались сугробами. Да и что дало бы это? Мертвого не воскресишь!

Вот почему я ничего не написала на родину гвардии капитана Суркова, в город Богородицк Тульской области. Быть может, до кого-нибудь из его родных хоть сейчас дойдут эти запоздалые строки. Пусть знают, что их земляк и родич живет в благодарной памяти своих однополчан.

МЫ СТАЛИ КОММУНИСТАМИ

Не однажды на привале, во время передышек между боями замполит Булавин и наш комсорг Саша Шляхова, недавно ставшая членом партии, заводили со мною разговор о вступлении в партию. Разговоры эти и радовали и смущали. Ну что, что особенного я сделала, чтобы быть коммунисткой? Такою, как Булавин, как мой дядя, отдавший жизнь за Родину, за партию, как лучшие люди, которых я встречала на своем жизненном пути.

Конечно, я сражаюсь на переднем крае; Лиже снайпера никого перед противником нет." И соевой счет у меня приличный, за полсотню перевалил. Но разве это все? Никаких выдающихся подвигов не совершала, даже крови не пролила за Отчизну, как другие, как та же Шляхова. В душе я все еще чувствовала себя девчонкой, недавней школьницей.

О вступлении в партию говорили не только со мною. Как-то на отдыхе — мы находились в запасном полку — ко мне подсела напарница.

— Ну как, Люба, надумала подавать?

— А ты? — ответила я вопросом.

— Я, кажется, решилась. Что мы, хуже других?

— Так ведь никто из наших девчат еще не в партии.

— А если они так же, как ты, рассуждают? «Подаст Люба заявление — и мы подадим». В одно время в снайперскую школу пришли, рядом воюем, значит и в партию вместе.

Я молчу, а про себя удивляюсь: глянь-ка, уже и моя тихоня Клава заговорила о партии! Что же я, самая несознательная?!

Услышав наш разговор, подсела Аля Фомичева.

— Ну что: слушали-постановили?

— А что ты, Аля, решила?

— Как все, так и я! Чем мы хуже снайперов второго взвода? А они, я точно знаю, уже подали заявления.

Коммунист — слово-то какое обязывающее! Наверное, я что-то очень важное еще недопоняла до конца, если возникают сомнения. А может, дело в том, что и Аля и Клава постарше меня. Что ж, время есть, подумать можно...

— Э, нет, Люба, так не пойдет! — решительно возразила Клава. — Это что же получится? К примеру, я кандидат партии, а ты, моя напарница, беспартийная?

— По-твоему, я из-за этого хуже стрелять буду?

И тут моя подружка сказала те единственно нужные слова, которые окончательно убедили меня:

— Не хуже, Люба. Но если ты будешь коммунисткой, ты еще лучше, еще злее воевать станешь. Сама знаешь, гитлеровцам особенно ненавистны коммунисты, они всех партийных хотели бы перебить. А мы не дадимся, мы сами раньше в них пошлем пулю — вот как я понимаю свой главный партийный долг.

Тут же мы втроем написали заявления — одинаковые, короткие. Какая у нас биография? Средняя школа, снайперские курсы да неполный год военного университета. Правда, год, стоящий многих лет мирной жизни.

Нина Обуховская и Полина Крестьянникова, узнав о нашем решении, присоединили и свои заявления. Еще раз коллективно, вслух перечитали устав, устроили друг другу небольшой экзамен по истории партии. Вроде бы на любой вопрос можем ответить.

Пятое марта 1944 года запомнилось мне на всю жизнь. На лесной поляне, где в проталинах желтела прошлогодняя травка, состоялось открытое партийное собрание батальона. Кто стоял, кто сидел на пеньке или на куче хвороста. Секретарь вел протокол, положив лист бумаги на раскрытый планшет.

Кроме нас, девушек-снайперов, подали заявления несколько бойцов и командиров. Те, кто постарше, подробно рассказывали свою довоенную биографию, отвечали на вопросы. Нам вопросов задали мало. Спрашивали о месте коммуниста в бою, о том, как мы понимаем свой воинский долг, что должны делать для победы. Но разве первые наши поручители, коммунисты Булавин и Рыбин, не знали каждую из девушек, не видели в бою?

Меня спросили: где я буду хранить свой партийный билет?

— У сердца! — сказала я.

Как ни краток был мой ответ, он понравился собранию. Коммунисты дружно подняли руки, голосуя за прием в кандидаты партии. Между прочим, и я и другие девушки именно так хранили свои партийные билеты: пришили внутренний карман к гимнастерке, как раз напротив сердца, а для верности прихватили кармашек суровой ниткой.

Через день нас вызвали в армейский политотдел, сфотографировали для партийных документов. Кандидатские карточки вручал начальник политотдела Третьей ударной армии полковник Лисицын. Пожимая нам руки, он от души поздравил со вступлением в великую партию коммунистов.

— Желаю тебе, пермячка, вернуться домой с победой! — сказал он мне.

— Спасибо, товарищ полковник! Постараюсь оправдать доверие народа и партии.

Лишь у Лиды Ветровой, самой юной из нас, были некоторые осложнения с приемом. Поступая в снайперскую школу, она, оказывается, «исправила» свой возраст в документах. Лиде было всего-навсего шестнадцать, и она боялась, что ее не примут. На партийном собрании пришлось открыться, что несовершеннолетняя: нельзя ж обманывать в такую минуту.

Коммунисты батальона единодушно поддержали ее кандидатуру, зато армейская парткомиссия и начальник политотдела Федор Яковлевич Лисицын заколебались:

— Не рано ли?

— Что значит рано? — взорвалась Лида. — Воевать с фашистами не рано, возраст не помешал! В чем я отстаю от своих подруг? — И закончила тихо: — Ведь я могу погибнуть в бою, так и не став коммунисткой...

Эти доводы, а больше того боевая характеристика Ветровой, имевшей на счету свыше полусотни уничтоженных фашистов, убедили товарищей.

Красные книжечки членов партии нам вручили месяца через три, под Пустошкой. Для фронтовиков, находящихся непосредственно на переднем крае, кандидатский стаж был сокращен. ¿На войне другой счет времени^

Саша Шляхова, наш бессменный комсорг, стала парторгом роты. Новый комсорг появился позже, когда прибыли новички — очередной выпуск снайперской школы.

С.

ПУСТОШКА, ПУСТОШКА!..

Снежные метели сменились ростепелью с туманами. Ни танки, ни авиация не могут действовать. С начала марта части фронта стоят в обороне на рубеже Новосокольники — Пустошка. 219-я стрелковая дивизия, куда нас направили после отдыха, занимает позиции в районе самой Пустошки.

Не знаю, откуда идет это название, но сейчас оно соответствует действительности: на месте города, через который проходит наш передний край, лежит черная пустошь. Трудно отыскать здесь целый кирпич, бревно или доску — всюду лишь каменная россыпь, щепа и гарь.

За городом большое, по-зимнему суровое озеро. Синий бор на горизонте да нитка шоссе на Ленинград несколько разнообразят унылый, неприветливый пейзаж.

Бои предстояли затяжные: сплошные болота не промерзают, даже в, сильный мороз, лесистая, с холмами местность труднопроходима для танков. В условиях долговременной обороны особенно нужны снайперы^1 Меня и Шуру Скрипину, имевших некоторые инструкторские навыки, прикомандировали к учебному батальону.

В дивизионном тылу открылись краткосрочные снайперские курсы. Уже не мужчины учили девушек снайперскому делу, а мы, обстрелянные стрелки, занимались с парнями. Молодых бойцов поражали наша меткость, быстрая ориентировка на местности, умение маскироваться, ползти по-пластунски. Один из моих учеников чистосердечно признался, когда пришло время прощаться:

— А ведь мы о вас, девушках с орденами, поначалу плохо думали. Оказывается, вы свои награды за дело получили. Сравняюсь ли когда-нибудь с вами, товарищ гвардии сержант?

Полмесяца занятий дали неплохие результаты. Мне не довелось впоследствии встречаться со своими учениками — в батальоны, где были девушки-снайперы, их не направляли, полагались на нас. Но слухи доходили: ребята воюют хорошо.

Первой, кого я встретила, вернувшись в батальон, была Зоя Бычкова: она недавно выписалась из госпиталя. Зоя шумно обрадовалась мне, рассказала о своем житье-бытье. Почему-то тянуло посмотреть на ее руку с ампутированным пальцем, и от этого было как-то неловко.

— А знаешь, Люба, что сделал Булавин, когда я объявилась? Вот что! — Поднеся изувеченную руку к губам, Зоя поцеловала ее. — И знаешь, что сказал? «Все равно ты, Зоя Николаевна, самая красивая девушка на всем советско-германском фронте!»

У меня стало легче на душе от этих ее слов. Значит, подруга не очень переживает из-за свдего увечья.

Кажется,- впервые девчатам отвели такую удобную и теплую землянку. Стояла она у подножия возвышенности, из дверей было видно далеко вокруг. Окно не менее полуметра высотой, дощатый пол, дверь с крючком. Настоящий дом! У входа — большая железная бочка — армейская печь. Справа — земляная лавка, на ней спали Клава и Полина. Вдоль другой стенки — двойные нары, здесь размещались Зоя со своей напарницей Ниной Обуховской.

Мне, как опоздавшей, достался маленький лежачок у самой печки. Он был коротковат, но это не пугало — я привыкла спать калачиком. Посреди землянки оставалось место для стола.

Девчата вернулись с передовой в темноте, зацеловали, затормошили меня. Лишь Полина не проявляла энтузиазма, знала, что Клава теперь будет в паре со мной.

Закрыв дверь на крючок, снайперы поснимали промокшие насквозь ватные брюки и, отжав их, развесили у печи для просушки. Почистив винтовки и умывшись— вода была заготовлена Зоей,— сели ужинать. В дверь постучали.

— Нельзя! Позже заходите! — закричали девушки.

Как и раньше, каждый вечер на огонек тянулись разведчики, артиллеристы, офицеры из штаба батальона. Кому не хочется посидеть в теплой уютной землянке, послушать песни и рассказы, а то и просто поглядеть на девчат! К приходу гостей хозяйки дома успевали переодеться, сделать прическу, словом, навести красоту.

Нары покрыты солдатскими одеялами, на «подушках» из свернутых телогреек — тюлевые накидки. Кто-то из девушек нашел среди развалин чудом уцелевшую штору. Порвали ее — вот и накидки для подушек и занавеска на окне.

— Девчата остаются девчатами даже на войне! — говорили гости, в который раз оглядывая немудреное в общем убранство. — Из ничего могут создать уют. — И задумывались, вспоминая свои дома, довоенную жизнь.

Если девушки возвращались усталые, огорченные неудачной «охотой», то дверь запиралась крючком до утра,, на стук не отвечали. Потопчутся гости у порога и, извинившись, уходят.

В день моего возвращения народу набилось столько, что непонятно было, как даже в такой просторной землянке поместились все. Те, кому не хватало места на лавках, сидели на полу. Артиллеристы принесли заказанную Зоей рыбу: они глушили ее в озере гранатами. Солдат-украинец получил посылку с жареными семечками, принес угостить. Весь вечер лузгали семечки, пели, балагурили. Давно мне не было так хорошо.

А СЧЕТ ВСЕ РАСТЕТ!

С моим возвращением одна, из нас оказалась «третьей лишней». У меня-то была постоянная напарница, Клава Маринкина, но не стало пары у Полины. Решили не придерживаться постоянных - пар, чтобы никому не было обидно, перешли на скользящий график. Пятая, свободный от «охоты» снайпер, оставалась дежурить в землянке.

Перед рассветом мы с Клавой ходами сообщения добирались до НП роты, находившегося на северо-западном склоне высоты. Блиндаж командира отрыт на возвышенности, с нее хорошо просматривается болотистая равнина. Впереди, метрах в 800, окопы нашего боевого охранения, от них до врага еще метров полтораста.

Бывало, ползешь в темноте, на шаг впереди ничего не видно. Нечаянно стукнешься лбом о каменную кочку, а это замерзший труп: не всех павших во время зимнего неудачного наступления успели предать земле. Неприятная встреча, что говорить! Огибать труп некогда, перевалишься через него — иногда и не через один, — только скрипнешь зубами, а то выругаешься про себя и дальше ползешь. Главное, поскорее уйти с открытого места: поле простреливается настильным огнем, нельзя задерживаться ни на минуту.

Клава была очень дисциплинированна, доверяла мне, все делала, как я. Не раз она признавалась, что со мною чувствует себя уверенней, чем с кем-либо другим, знает, что нас не убьют. Ну, а если уж придется погибать, то лучшей компании не придумать. Когда я слышала, как она там сопит, ползя за мной, теплее становилось на сердце.

Совсем другой была Зоя. Как-то на рассвете, когда выпал черед «охотиться» вместе, мы поползли к окопам боевого охранения. Остались считанные метры, вдруг слышу позади недовольный Зойкин голос:

— Да что я, крот, что ли, или морж — на пузе ползти?

Поднялась в рост, кинулась вперед и, оступившись, свалилась в не замеченную ею яму, полную ледяной весенней воды. Выбралась мокрая до ниточки.

— Ползи обратно! — приказываю я. — Застудишься!

Зоя не хочет слушать. Кое-как отжала на себе одежду, осталась со мной. Зубы стучат от холода, а ершится:

— Как же я тебя, Люба, оставлю, что девчата скажут? Легко ли будет тебе одной возвращаться вечером? И наши и немцы ведут огонь, ранят тебя — кто вынесет?!

Ох, и досталось от Зои фашистам в этот день! Злая, как черт, она последними словами ругала Гитлера и его вояк.

— Ну, что ему, Гитлеру, стоит приехать на наш фронт, глянуть из окопа? Врезала бы свинцовую пилюлю в его паршивый, в челке, лоб — и войне конец! А тут сиди в окопе, мокрая, как цуцик, карауль проклятых гитлерюг.

— Ничего, Зоя, мы с тобой еще и туфельки наденем, чулки со стрелкой, — подбадривала я ее.

Под конец дня Зоя убила одного фашиста, повеселела.

— А ты говорила: ползи обратно! Может, из-за меня хоть на час раньше война кончится? Может, кто из наших уцелеет — еще одна немецкая винтовка без хозяина осталась.

Зоя сильно простыла в тот день. В санчасть не захотела идти, лечилась домашними средствами: глотала аспирин, растиралась спиртом — раздобыл знакомый санитар. Перед сном, выпивала котелок горячего чая, в который бухала чуть ли не недельную норму сахара. Да еще приговаривала:

— Эх, жаль, меду нет! Мама бы меня медом вмиг вылечила.

На переднем крае Зоя стала бывать реже, больше домовничала. Это вполне устраивало нас: не надо меняться парами, по очереди дежурить в землянке. И тяжело ей было — Зоя ждала ребенка.

С первого взгляда полюбила она Булавина, вверила ему свою судьбу. Майор казался нам тогда совсем немолодым, а ему и сорока не было. Ко всем нам, снайперам, Булавин относился любовно, но это была командирская любовь — отеческая, ровная. А Зоя стала его подругой.

Зоя рассказала мне, что на время родов она решила уехать домой, к своей матери. А потом — снова на фронт. Если, конечно, война не закончится к тому времени.

— А вот за это не бойся, Зоя, ты еще нагонишь нас где-нибудь в Германии, — сказала я, не в первый раз выслушав соображения подруги. — Если только захочешь сменить домашний уют на окопную жизнь.

— А он? А ты, Люба? А девочки?.. Думаешь, легко мне будет без вас... Только подумаю об этом — реву, как телка.

На глазах вечной насмешницы Зои стояли слезы. Я утешала ее, как умела. Но, честно говоря, не хотела бы я в ту пору очутиться в ее положении.

Зоя и раньше любила хозяйничать, стряпать, затевать постирушки, а теперь, словно готовясь к будущему материнству, еще охотнее занималась нашим общим хозяйством. Загодя получит на всех обед, наготовит дров про запас, жарко истопит печь к возвращению снайперов с передовой. Сухие портянки и смена белья всегда ждали нас, промокших и озябших. Так приятно было переобуться у огня, надеть все чистое, сухое.

Снайперская «охота» шла успешно, боевой счет у каждой рос день ото дня. Корреспондент армейской газеты, побывавший ,на передовой, написал статью обо мне: «Ее счет — 62 истребленных фашиста!» Вырезку послала маме — пусть знает, как воюет ее дочь.

Самой мне статья не очень понравилась. Если верить автору, я «нащелкивала» фрицев слишком легко, бездумно. А ведь именно здесь, под Пустошкой, мне довелось убить гитлеровца, лицо которого перед выстрелом я как-то особенно отчетливо разглядела в оптику. Я видела, как оно исказилось от смертной боли, когда разрывная пуля попала в лоб. На минуту стало не по себе. Отрезвил минометный налет, который произвели фашисты по окопу, где я находилась. Они тоже охотились за мною, порой отвечали лавиной стали на одну меткую пулю. V

Моя постоянная напарница приболела, и я пошла на «охоту» с Ниной Обуховской. До места добрались быстро, день выдался удачный: каждая прибавила по единичке к своему боевому счету. Вечером повернули обратно. Для сокращения пути решили идти напрямик, по шоссе. Хотя оно и пристреляно немецкими пулеметчиками, но в темноте кто заметит?

— Видишь, как хорошо! — радовалась Нина. — Ни тебе грязи, ни луж! Давай и завтра этим путем двинем.

Идем себе разговариваем. Но что это впереди на шоссе чернеет? Воронка от авиабомбы, мы ее еще по дороге сюда заприметили. Мама родная, так мы же в сторону передовой идем, к немцам! Испуганно переглянулись и бегом назад.

Враг, видно, давно заметил нас, ждал, что мы прямо в лапы к нему угодим. Видя наши удаляющиеся спины, гитлеровцы ударили из пулеметов. Пули засвистели над головами, косая очередь промолотила по щебенке, выбив каменные брызги.

Кубарем скатились в кювет, сгоряча не заметили даже, что он полон ледяной воды. Выбрались, ползем по раскисшему полю, голов не поднимаем.

Ротные минометчики, прикрывая наш отход, дали налет по немцам. Завязалась перестрелка. А мы все ползем к спасительным окопам, уже из сил выбиваемся. Связь между собой держим громким шепотом.

— Люба, жива?

— Нина, ты где?

В гуле разрывов шепот не слышен, кричим друг другу, чтобы показать направление. Завидя полоску бруствера, вскочили на ноги и — бегом к окопам своего боевого охранения. Из них уже тянутся руки разведчиков, чтобы принять нас.

— Живы, девчата? Мы .уже собирались идти отбивать вас.

Оказывается, не дождавшись нас — удачная «охота» продолжалась дольше обычного, — из штаба батальона позвонили в роту. Командир ответил, что снайперы не возвращались. А тут немцы открыли стрельбу из пулеметов. Решив, что враг хочет взять нас живьем, разведчики собрались на выручку.

Подруги радовались нам, как вернувшимся с того света. Клава, обнимая меня, шептала, что больше не отпустит меня ни с кем, никогда, ни за что...

И К НАМ НА ФРОНТ ПРИШЛА ВЕСНА...

Все сильнее пригревало солнышко, все позже опускалось за горизонт. В оврагах, по которым мы пробирались к передовой, еще лежал ноздреватый, источенный весенней капелью снег, а на полянах зацветала мать-и-мачеха, желтели лютики, прятались среди кустов робкие подснежники. Со стола в землянке не сходил букет, вместо вазы мы приспособили снарядную г-ильзу: по пути с переднего края я ухитрялась нарвать хоть немного цветов.

Как-то по дороге на передовую напала на целую колонию подснежников, росших в лощине. Можно ли упустить такую красоту? Набрала полную горсть, вдохнула в себя сильный, свежий аромат цветов, — аж голова закружилась. Наш окопчик в этот день был полон такого благоухания, словно флакон бесценных духов разлили. Два цветка пристроила перед собой на бруствере, гляну на зеленую дужку стеблей с фарфоровыми чашечками, и душа радуется.

Снайперская «охота» шла успешно. Немцы, ярясь из-за растущих потерь, все чаще обрабатывали артиллерийским и минометным огнем скаты нашей возвышенности. В снайперскую землянку прямых попаданий не было, но вокруг землю изрыли свежие воронки. Мы перебрались в новую землянку, подальше от передовой.

Не то противник усилил бдительность, не то слишком плотна была вражеская оборона в районе Пустошки, только нашим друзьям разведчикам долго не удавалось взять «языка». Обычно ребята подшучивали, если снайпер за целый день ни разу не выстрелил. Но девчата не злопамятны, не смеялись над их неудачами. Даже пообещали;

— Кто первый возьмет «языка», в нремию получит финку!

Мы знали — разведчики давно зарятся на оставшиеся у некоторых девушек финские ножи в щегольских кожаных ножнах.

В эту пору вернулась в батальон Саша Шляхова — веселая, бодрая, со множеством рассказов о жизни в тылу. Части Украинского фронта освободили ее родное Запорожье, и Шляховой, едва она выписалась из госпиталя, разрешили съездить за семьей. Ее родители, младшие сестра и братишка жили в эвакуации. На фронт она возвращалась через Москву, побывала в снайперской школе — словом, было о чем порассказать.

— Дивчатки, ридны мои! — От волнения Саша переходила на украинский язык. — Ох, як мэнэ любо на вас подывыться!

Много горького и страшного о жизни во время оккупации услышала Шляхова на родине, своими глазами видела она залитые водой угольные шахты, взорванные корпуса украинских заводов, гремевших некогда на всю страну, разоренные, разрушенные врагом города и села. Еще более беспокойной, нетерпеливой стала Саша, первое время с трудом вылеживала целый день в снайперской засаде: неподвижность томила ее. Как-то, не спросив разрешения у командования батальона, она увязалась в ночной поиск с разведчиками.

Мы не спали всю ночь, беспокоясь за подругу, то начинали ругать себя за то, что -не сумели отговорить ее, то тревожно прислушивались к тишине, стоявшей над передним краем. Если разведчиков обнаружат до времени, мы услышим.

Полина Крестьянникова вполголоса запела полюбившуюся всем «Темную ночь», только слова песни немножко изменила:

Темная ночь, в ту, в которую можно поспать,
Снайпера на разведку идут и про сон забывают.,.

Перед рассветом передний край ожил, и с той и с другой стороны стреляли из автоматов, начали бить минометы. Мы выскочили из землянки. Мертвенное сияние ракет заливало окрестность. В их неверном свете холмы, меж которыми проходил передний край, казались выше и грознее.

Мы поняли: разведчики возвращаются. С «языком» или без? И все ли целы?

Мокрая, в грязи с головы до пят, но счастливая и возбужденная удачей предстала перед нами Сашенька. Кто-то из девушек стал ей выговаривать. Можно ли заставлять нас так волноваться? Никто ж не уснул, а завтра на «охоту».

— Плакали ваши финки, девочки, придется отдавать! — твердила свое Саша.

Помывшись и сменив одежду, она рассказала подробности ночного поиска. Шляхову оставили в группе прикрытия, чтобы поддержать разведчиков в случае нужды огнем. Группа захвата подобралась под самый вражеский дзот, закидала его гранатами. В рукопашной схватке разведчики перебили защитников дзота, взяли в плен здоровенного ефрейтора. Никто из наших не пострадал, не было .даже раненых. «Язык», больше всего опасаясь, чтобы в суматохе не подстрелили свои, быстрее всех домчался до спасительных советских окопов...

А в следующий раз разведчикам помогла, причем весьма оригинальным способом, Аня Носова. Она перешла к нам из второго батальона вместе с Алей Фомичевой, Шурой Виноградовой и Лидой Ветровой.

У Ани был, как я уже говорила, хороший, сильный голос. Бывало, запоет — далеко слышно. И вот к ней обратились разведчики:

— Послушай, Аня, поешь ты больно голосисто. Что, если приманить фашистов песней? А когда расчувствуются, размякнут от твоего пения, тут мы и вдарим!

Поначалу все думали, что ребята шутят, но они говорили всерьез. Аню заинтересовал необычный план. Чтобы противник «клюнул» на песню — такого никто еще не слыхивал.

В ночной тиши, когда разведчики ползли по «нейтралке», Аня, оставшаяся в окопах боевого охранения, запела «Катюшу»: все знали, что немец особенно падок на эту прославленную песню.

Утихла перестрелка, гитлеровские ракетчики перестали вешать осветительные фонари, земля и небо, казалось, слушали задушевный девичий голос. Одна за другой лились песни, и старинные русские и фронтовые.

В эту ночь во вражеских окопах в ход пошли сначала ножи, лишь потом заговорили автоматы с гранатами. И снова разведчики вернулись из поиска без единой царапины, захватив «языка». Они не знали, чем отблагодарить Аню за музыкальную поддержку.

— Первый же патефон, который захватим у врага, будет твой, — пообещали ребята. — А пластинки из тыла выпишем, прямо с Апрелевского завода.

Бесстрашных разведчиков в батальоне любили все. Комбат Рыбин выходил с ними ночью в окопы передней линии, чтобы наблюдать за ходом операции, вовремя поддержать огоньком. Когда разведчикам нужно было побыстрее попасть в соседнюю роту или скрытно пройти к нужной цели, он выделял им опытных проводников из солдат.

Снайперы водили особую дружбу с разведчиками. По вечерам, когда ребята собирались в нашей землянке, не только пели и шутили. Первым делом расскажем друзьям, что заметили у противника за прошедший день, где больше движение, откуда подходит смена караулов. А ребята, вернувшись с операции, показывали по карте, где стоит не замеченный нами пулемет, в каком конце окопа больше слышен немецкий говор...

В конце апреля — числа не запомнила — вражеская сторона с утра замолкла: ни пулеметных очередей, ни выстрелов. И всюду над окопами, на высотах развеваются по ветру фашистские флаги с черной свастикой в белом кружке. Что за чертовщина! Праздник, что ли, какой? А может, фашисты готовят новую авантюру?

Не выдержав томящей тишины, открыли огонь гвардейцы-артиллеристы. Пулеметчики и снайперы старались пулями перебить древки флагов. Немцы не отвечали. Немало флагов посбивали мы, а враг все молчит и молчит.

Зато назавтра, с самого рассвета и до ночи, противник, словно наверстывая упущенное, вел непрерывный огонь. Жарко нам пришлось, хотя потерь почти не было: батальон глубоко зарылся в землю. Мы ждали, что после такой усиленной огневой подготовки враг пойдет в атаку. Но ни наступления, ни даже разведки боем... В чем дело?

Как всегда, первыми все узнали разведчики. Взятый ими свежий «язык» объяснил, что в этот день Гитлер был именинником. Вот его войско и получило сутки отдыха. На преждевременные поминки больше смахивала эта молчаливая демонстрация. '

Не о сутках затишья — о том, чтобы поскорее совсем смолкли пушки, думали мы. Мир на земле мог установиться только после полной победы над врагом, путь домой лежал через Берлин...

«ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ, МИЛЕНЬКИЙ!..»

Используя весеннее затишье на фронте, командование решило провести всеармейский слет снайперов. Километрах в пяти-шести от передовой, в лесном овраге, состязались в меткости лучшие стрелки армии. Одним из сложнейших упражнений была стрельба на скорость по движущимся мишеням.

Отстрелялась очередная пара, пора и мне с Клавой Маринкиной на огневой рубеж. Обе немножко волнуемся, ведь за стрельбой наблюдают генералы. Среди них выделяется дородной своей фигурой и загорелым квадратным лицом герой Сталинграда, генерал-полковник Еременко. Он теперь командует нашим, 2-м Прибалтийским фронтом.

Стараясь не смотреть в сторону начальства, я легла- на землю, уперла поудобнее локти. Сразу волнение прошло. Только стала целиться — слышу за спиной недовольный бас:

— Лейтенант, почему допускаете к стрельбе не умеющих владеть боевым оружием?

Продолжаю целиться, приложив левый глаз к оптике, не могу и помыслить, что замечание относится ко мне.

Лейтенант — он был не из нашего батальона, меня знал мало — вытянулся перед командующим, не может понять причины генеральского недовольства.

— Вы что, лейтенант, не видите, как она держит винтовку? — уже на двоих осерчал командующий. — Она не знает даже, каким глазом целиться.

Только *ут я поняла, что речь обо мне. Говорю лейтенанту, который подбежал, чтобы отстранить меня от стрельбы:

— Я левша. Товарищ лейтенант, объясните...

— Товарищ командующий, она левша, стреляет с левого глаза, — громко отрапортовал лейтенант, вытянувшись перед Еременко. — Это опытный снайпер.

Командующий проворчал что-то вроде: «Левша — кривая душа», но подошел ближе, видно, заинтересовался. Дождавшись, когда я отстрелялась, он зашагал к мишеням, чего не делал до этого. Генералы следовали за ним. Увидев пробоины от пуль, Еременко даже пальцами прищелкнул от удовольствия, подозвал меня. Пожав руку, сказал:

— Молодец, левша! Так стрелять!

По окончании слета девушки-снайперы, имеющие большой боевой счет, получили правительственные награды. Мне командующий вручил перед строем орден Славы II степени.

— Хотя ты и девушка, желаю стать полным кавалером! — весело пожелал он.

Награды радовали нас, но не меньше хотелось получить отпуск. Какой солдат не мечтает о побывке? И вот зачитывают фамилии тех, кто пойдет в отпуск. Первой называют снайпера Онянову, нашего. Пончика, как окрестили девчата Лиду за ее полноту. У моей землячки — Лидия Онянова до войны работала электромонтером на Соликамском бумажном комбинате — самый большой в роте боевой счет: 76 убитых гитлеровцев. За ней следом иду, я — 72 фашиста. Отпуска получили еще несколько девушек и трое снайперов-мужчин.

Подруги поздравляли нас, не скрывая своей зависти, просили передать привет Родине. Снайпер Маша Морозова, от огорчения забыв об уставе, подошла к командующему фронтом и, теребя обшлага генеральской шинели, повторяла, как ребенок:

— Товарищ генерал, за неделю обернусь. Товарищ генерал, миленький!..

Командующий, не найдя что ответить, аж задохнулся от изумления. Рослая, щекастая деваха, гвардии сержант, ведет себя, как дитя малое! Однако отпуск дал. На целых десять суток, включая дорогу.

Как радовалась, как прыгала и веселилась Маша!

Не знала еще, что ждет ее по возвращении. Опережая события, расскажу, как все произошло.

С побывки Морозова вернулась счастливая: всех повидала, везде побывала, даже в театре. В день ее приезда предстоял пеший марш. Маша устала с дороги, а может, просто поленилась идти — упросилась в попутную машину. По дороге к передовой грузовик подорвался на забытой мине. Машу Морозову и попутчика, сидевшего с ней в кузове, убило на месте. Рядом мы их и похоронили. Я сплела венок, устроила цветы в изголовье могилы...

Надолго запомнился мне первый приезд домой с фронта. Раннее утро. Не иду — бегу пустынной в этот час улицей. Вот и наш дом. Стучу в знакомую рассохшуюбя дверь, а сердце, кажется, стучит еще громче: тук, тук, тук! Дома ли мама?

Меня ждала радость: мама только вернулась с ночной смены. Слезы лились по ее лицу, не переставая, но это были слезы счастья. А когда мама вытерла их, я увидела, как сдала, будто усохла вся, моя дорогая старушка. Вроде и ростом поменьше стала. А может, это я поднялась на армейских харчах?

Первую ночь, как в раннем детстве, спали вместе в маминой постели. Вернее, не спали, шептались до рассвета. Спрашиваю ее:

— На работу надо идти или пропустишь день?

— Ой, надо, доченька, нельзя пропускать! Ваш заказ, фронту.

— Тогда поспим, мам. У меня глаза слипаются.

Отвернулась она к стенке, а я по дыханию слышу: не спит мама, только виду не показывает, чтобы меня не разбудить. И я не сплю...

В конце двухнедельного отпуска, пролетевшего, как один день, хватилась: ходила, ходила в булочную на углу, а денег ни разу не заплатила. В армии паек бесплатный, отвыкла от денег, от карточек. Бегу в магазин, спрашиваю продавщицу:

— Сколько с меня причитается? За все время.

— Не велики деньги! — говорит она. — Я сразу догадалась, что вы в армии забыли, какие такие рубли-копейки бывают. Скажи, дочка, скоро ли война кончится?

— Теперь уже скоро, — отвечаю уверенно. — Коль вперед пошли, больше нигде не остановимся. Русский человек медленно запрягает, да быстро ездит! — Я вспомнила слова нашего комиссара Булавина, которые он любил повторять.

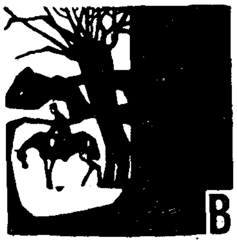
И снова расставание на перроне, видевшем за эти годы столько разлук. Маму отпустили с работы, чтобы могла проводить меня. Вот и поезд подошел, пора.

— Не плачь, мама, не надо! Скоро насовсем вернусь, заживем с тобой на славу!

Мама не слышит ничего, слезы душат ее, не может слова вымолвить. Я сдерживаюсь из последних сил — все же гвардии старший сержант, кавалер орденов. Только когда увидела в вагонном окне удаляющуюся одинокую фигурку в темно-синем платье, в клетчатом, черном с белым платке, меня так и качнуло к стенке. Крупные слезы падают на грудь, а я твержу, словно она может слышать:

— Мама! Милая мамочка! Мама!

СНОВА СРЕДИ СВОИХ



Вроде бы и недолго отсутствовала, однако свою часть не нашла на старом месте: бои шли уже на подступах к Прибалтике.

Прибыв в знакомый 153-й армейский запасной полк, откуда отпускников направляли в боевые части, я попросилась в свой батальон. Там были подруги, там ждала меня Клава Маринкина, моя напарница. Jrlo в армии, как известно, не просят, а выполняют приказ. Меня направили в полк, куда прибыли девушки-снайперы из пополнения; сейчас я нужнее там.

Проводить в батальон вызвался незнакомый капитан, заместитель комбата по политчасти.

— Верхом умеете ездить? — спросил он.

— В детстве водила коней в ночное. Если гнать не будете, не отстану.

Автоматчик, прибывший вместе с замполитом, отдал мне своего коня, помог забраться в седло; сам он пошел в батальон короткой лесной дорогой.

Сначала ехали шагом. Начало темнеть, капитан спешил и, указав мне нужное направление, поскакал вперед. Я сильно отстала. Перевожу лошадь на рысь, но очень трясет. Боюсь сбить оптический прицел: днем я пристреляла свою винтовку, хранившуюся во время отпуска на армейском складе. Лошадь сама пошла вскачь. Оказалось, ехать быстрее лучше, не так бьет.

Лошадь знала дорогу, не раз, видно, проделывала этот путь. В полной темноте я подскала к штабным землянкам.

Идти на передний край сейчас бесполезно, объяснил замполит, ночью не найти нужных людей. Лучше заночевать здесь, его не будет до утра.

Бывают же такие неожиданные встречи! В пожилом солдате, готовившем для капитана ужин, я узнала... соседа по своей деревне. В тридцатых годах, когда я была маленькой девочкой, в Пермскую область переселялись жители Коми-Пермяцкого округа. Среди них была и семья дядьки Осипа.

Осип почти не изменился с тех пор — такой же белесый, со слезящимися от неведомой болезни глазами, так же смешно говорит: «Коть че делай!», «Кодил, кодил — се даром!» Исполнительный, трудолюбивый, немногословный, он был, наверное, идеальным ординарцем. Как обрадовался он землячке, с какой нежностью расспрашивал о родных краях.

— Коть че говори — ничего нету лучше родного дома! — приговаривал Осип, подкладывая мне жареную картошку.

На рассвете вернулся капитан, он казался озабоченным. Противник ночью отошел, головные роты с боем преследуют врага, снайперам предстоит охрана артиллерийского дивизиона.

Под мою команду поступили двенадцать девушек-снайперов и шесть автоматчиков — молодые, необстрелянные, но полные боевого задора ребята. А девчата, окончив снайперскую школу, успели побывать в боях на разных участках фронта. Молчаливая, тоненькая, как лозинка, москвичка Полина Школьник и Руфа Оськина — маленькая, с решительным характером девушка из-под Ленинграда, уже открыли свой боевой счет. Для более подробного знакомства нет времени, надо выступать.

Весь день шли ускоренным маршем, к ночи достигли исходных позиций. Батальон окапывался на опушке. Позади, в лесном овраге, занимал позицию артдивизион. Через лес проходили три дороги, по любой из них, пользуясь темнотой, враг может двинуться в обход.

В бою у каждого своя задача. Стрелковые роты в лоб ударят противника, укрепившегося в деревне перед лесом. Артиллеристы будут поддерживать атакующих огнем. Наша задача: «оседлав» лесные дороги, обеспечить безопасность тылов.

Быстро взвесив обстановку, прикрепляю к каждой снайперской паре по автоматчику, усиленные пары расставляю так, чтобы дороги были под непрерывным наблюдением. Четыре снайпера с автоматчиками занимают наблюдательные посты на высоких деревьях. С вихрастым семнадцатилетним автоматчиком' остаюсь на перекрестке дорог: отсюда будет удобнее обходить посты.

Девушки-снайперы воевали в обороне, в наступлении они впервые. И хотя держатся бодро, все же просят проведать их ночью. Уславливаемся: кто заметит на дороге подозрительное движение, сразу подает условный знак. Автоматчики и кое-кто из девушек умеют свистеть.

Коротка летняя ночь, мрачно чернеет лес, временами слышатся какие-то подозрительные шорохи, вздохи. Неожиданно для всех из-за леса ударили наши пушки. Ну, теперь гляди в оба, в грохоте пальбы ничего не услышать! В придачу ко всему пошел Дождь, короткий, но сильный. Сразу промокли насквозь.

— Если он теперь попрет, хана нам! — шепчет паренек, вглядываясь в исполосованную прямыми струями тьму.

Я слышу дрожь в его голосе, близко вижу белое лицо. Вихры обвисли от дождя, от недавней бойкости ни следа. Парнишка зеленый, только что прибыл на фронт. Как же чувствуют себя девушки?

— Пойду проверю посты. Скоро вернусь. Ты остаешься здесь! — приказываю я.

— Идем вместе, старшая, — проект он. — Одному страшно.

— Страшно? А ты на ель полезай, к белкам.

По мокрой дороге иду к первому посту. Девчата негромко окликают меня. В голосах радость: старшая помнит о них.

— Ничего подозрительного не замечено, товарищ гвардии старший сержант! — по всей форме рапортует Руфа Оськина, приставив винтовку к ноге. Гимнастерка ее кажется черной от дождя.' ;

Проверив посты, возвращаюсь к большой ели на перекрестке. Негромко окликаю автоматчика. Молчание. Повторяю оклик громче. Где же он? И тут слышу, как с треском ломается сук, шуршат потревоженные ветки, наконец, раздается глухой удар о землю.

— О, черт! Тута я, старшая, ногу вот зашиб... А я думал, не вернешься. Думал, ищи свищи теперь ветра в поле.

— Дурачок! Как же я могла не вернуться?

За лесом встает зарево, тревожные отсветы озаряют края низких облаков, нарастает шум боя. Решаю забраться на верхушку ели.

Пока лезла, исцарапала лицо и руки, облепила пальцы смолой. Но забралась не зря: сверху открывался широкий обзор. За лесом виднелось поле, дальше, по краю горевшей деревни, тянулись окопы противника. К ним бежали — отсюда казалось — медленно ползли — наши бойцы. Передние достигли вражеских траншей, автоматную трескотню перекрыли взрывы гранат. Черные силуэты заметались среди пламени: не то наши уже в деревне, не то немцы удирают.

— Свисти, парень! — громко скомандовала я, а сама кричу на весь лес: — Эй, девчата, ко мне! Наши в деревне!

Отделение собралось на перекрестке дорог. Начинает светать, можно разглядеть возбужденные, несмотря на бессонную ночь и усталость, лица. Мой автоматчик, обретя в кругу девушек прежний задор, говорит насмешливо:

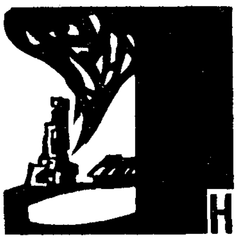
— Зря ночку прокуковали на суку, лучше бы выспались.

Ох, многого ты еще не знаешь, парень! Не видел ты, как немец под Демешкином обходил батальон с фланга, как стрелял по нашим с тыла в «Долине смерти». Нынче враг не решается взять нас в кольцо, сам больше всего боится окружения. А может, и силенок не стало хватать на два дела сразу...

Совсем было собрались идти к пушкарям: у них связь с батальоном. Но из леса показался связной. КП батальона перебрался в деревню, передал он, сейчас будут сниматься пушки. Надо догонять роту.

Связной вел нас полем, держась колышков, которыми саперы обозначали разминированные ходы. Мы шли за ним, ступая след в след.

В освобожденной деревне встретила боевых подруг, свою напарницу. Снова я дома, среди своих. И снова первый батальон с честью выполнил боевую задачу.



СНАЙПЕРСКАЯ СМЕКАЛКА ПОМОГАЕТ РАЗВЕДЧИКАМ

Не задерживаясь на промежуточных рубежах, Третья ударная армия с боями двигалась на запад. В середине июля были освобождены города Себеж и Идрица. Врага теснили по всему фронту, он откатывался так быстро, что уже не успевал оставлять позади себя «зону пустыни», как на Псковщине.

Мы и не заметили, как очутились в Латвии — такая же земля, такие же деревья и травы, как у нас в России.

Но скоро стала бросаться в глаза разница и в пейзаже и в быте окрестных жителей. Дороги, выложенные белым щебнем, обсажены по бокам плодовыми деревьями, поля пестрят межами, хутор от хутора отстоит нередко на несколько километров. Живут, видно, неплохо. Крыши домов и сараев покрыты листовым железом, красной черепицей или шифером. Перед усадьбами — клумбы с георгинами, высокими гладиолусами, кусты роз. Железный ветряк качает воду в дом, в коровник и в свинарники. От столбов на шоссе отводы телефонных проводов к хуторам.

Все это разглядываю мельком, пока шагаю по шоссе, догоняя ушедшую вперед часть. Дорога сворачивает в лесок — совсем небольшой по нашим российским масштабам. Здесь сосредоточиваются полки 21-й гвардейской Невельской стрелковой дивизии.

Немцам удалось наконец закрепиться на каком-то промежуточном рубеже, они стали в оборону. Началась наша работа.

Я снова с Клавой. Но если кто-нибудь из девушек заболевает, мы меняемся напарницами.

Как-то мы вышли на «охоту» с Лидой Ветровой. За окопами боевого охранения тянется ничейная земля, дальше, по скату оврага, проходит первая линия немецких траншей. Вблизи переднего края противника большой деревянный дом, неизвестно как уцелевший от артиллерийского огня.

Целый день мы с Лидой провели в засаде, но так и не сделали ни одного выстрела: у немцев траншеи полного профиля, лишь изредка мелькнет над краем бруствера верхушка железной каски. Бить по ней бесполезно, в лучшем случае пуля срикошетит.

Разведчики посоветовали присмотреться к дому на передовой. Не прячется ли вражеский наблюдатель на чердаке? Оттуда удобно засекать огневые точки, следить за движением в глубине нашей обороны.

Мы всегда старались действовать в контакте с разведчиками. Помню, на участке нашего 59-го полка ребята долго не могли взять «языка». Как правило, в поиск они уходили в темноте. Немцы знали это и по ночам особенно бдительно наблюдали за передним краем: без конца пускали ракеты, то и дело прошивали «нейтралку» пулеметной строчкой. Спали, очевидно, днем.

— Ну что ж, коль ждут нас ночью — нагрянем в гости средь бела дня, — решили разведчики.

Примерно в полукилометре от наших позиций была высота, занятая противником. Местность перед вражескими дзотами минирована, под самой высотой — проволочные заграждения. Именно здесь решили брать «языка» разведчики. Может ли враг помыслить, что в таком почти неприступном месте, да еще белым днем русские решатся на вылазку?

Рано утром группа захвата неслышно, ползком, добралась до проволочного заграждения. Разрезали колючую проволоку, сняли несколько мин. Впереди щерился прорезями бойниц ближний дзот.

Девушки-снайперы, с которыми разведчики договорились заранее, с утра вели методический прицельный огонь по амбразурам дзотов, по всем ранее засеченным целям. Надо было «ослепить» противника, не дать ему поднять голову, чтобы не заметил, что делается у него под самым носом.

По сигналу командира удальцы бросились к выбранному дзоту. Глубокие, в рост человека, земляные ходы пусты: верно, гитлеровцы отдыхают. Лишь за изгибом траншеи, у бойницы, стоя дремал солдат. Услышав топот, он закричал от страха, но тут же был сражен из автомата.

Крик и выстрелы, видимо, всполошили врага. В траншее замелькала серая пилотка гитлеровца, бегущего навстречу разведчикам.

— Будем брать живым! — скомандовал командир.

Показавшийся из-за поворота траншеи немец — это был офицер — держал в руке пистолет. Он успел дважды выстрелить в нашего командира, но, по счастью, промахнулся. Третью пулю послать ему не удалось: длинная очередь из автомата перерезала его почти пополам.

Разведчики кинулись по ходам сообщения. Но фа* шистские вояки, сообразив, что в их траншеях хозяйничают русские, удирали с высоты. Разведчики провожали их огнем из автоматов.

Насыпав земли в ствол миномета, стоявшего на земляной площадке, ребята подобрали планшет убитого немецкого офицера и повернули назад. Так быстро все произошло, что потерь с нашей стороны не было, никто даже не был ранен. Немцы опомнились и открыли огонь, когда разведчики уже вернулись в свои окопы.

— Спасибо вам, девушки, что держали гадов под прицелом, ни один не поднял голову, пока мы гостевали в их доме! — благодарили они вечером. — А «языка» возьмем в следующий раз. Зарекутся теперь храпеть при свете, дабы до срока не угодить в царствие небесное...

Все это вспомнилось, пока мы с Лидой лежали в засаде на латвийской земле. Незаметно спускался вечер, скоро и восвояси. А не ударить ли зажигательной пулей по дому, намозолившему глаза? Жаль, конечно, дом хороший. Но немцы, отходя, сжигают целые селения, не уцелеет и этот. Если же на чердаке наблюдатель, огонь выкурит его с удобного поста.

Сказано — сделано. Зажигательные пули угодили в чердак, крыша загорелась, огонь быстро охватил фасад. В дверях пылающего дома показались две фигуры с каким-то ящиком, возможно, рацией в руках. Кричу Лиде:

— Стреляй! Мой — правый.

Лида выстрелила почти одновременно, уложили обоих. Теперь можно уходить: вражеского наблюдательного пункта больше не существует.

Снайперская смекалка понравилась командованию полка, и через два дня мы получили специальное задание — к вечеру поджечь сарай, стоявший в глубине немецких позиций. Оказывается, когда горел подожженный нами дом, полковая разведка возвращалась из поиска. Пожар отвлек гитлеровцев, они ослабили наблюдение за передним краем. К тому же пламя осветило разведчикам обратный путь.

От наших зажигательных пуль ярким факелом вспыхнул в ночи деревянный сарай. Гитлеровцы перестали пускать ракеты в той стороне — без того светло. И пулеметный огонь врага притих: кто же рискнет ползти на пламень пожара?

Наши разведчики, прижимаясь к земле, тем временем подползали к вражеской траншее. Они передвигались рывками, сообразуя свое движение с порывами пламени, то словно угасавшего на миг, то разгоравшегося с новой силой. В эту ночь они вернулись с «языком».

Во фронтовой газете появилась небольшая заметка о нас, называлась она так: «Снайперская сметка помогла разведке».

Бывали задания и другого, личного порядка. Однажды, когда мы шли на позицию, ко мне и Лиде обратились артиллеристы:

— Стрелки вы, девчата, хорошие, а вот в корову вам нипочем не попасть!

— В корову? При чем тут корова?

— Тут одна на «нейтралке» пасется. Животное бесхозное, глупое, может к врагу нечаянно забрести. Пусть уж лучше нам достанется.

К вечеру перед уходом с передовой мы подстрелили буренку, артиллерийские разведчики тут же слазили за тушей. Их ждали товарищи по батарее. Свежему мясу кто не рад?

— Эх, хорошо бы пельменей наделать! — вздохнула я. — Да жаль, муки нет.

— У богов войны все найдется! — засмеялись артиллеристы. — Самого тонкого помола мучка — трофейная.

И вот, не возвращаясь к себе, мы завернули на батарею — позиции артиллеристов неподалеку от нашей землянки. Засучив рукава, занялись кулинарией. Крупные пельмени плохо проваривались в небольшом котле, пришлось допечь их на сковороде в раскаленном жиру. Никто, кстати, не возражал поесть «жареники» вместо вареников.

Домой вернулись только к ночи. Клава не спала, она переволновалась из-за моего долгого отсутствия, а теперь сидела сердитая-пресердитая. Даже от «жареников», которые я принесла для нее за пазухой, отказалась.

Больше мы не расставались с Клавой до самых границ Германии. Развела нас беда, о которой речь еще впереди.

ОСТАНОВКА ПЕРЕД РИГОЙ

К концу июля части фронта, ведя непрерывные наступательные бои, продвинулись на двести километров. В голубом небе парами ходили вражеские «фокке-вульфы». Они пикировали на наши мотоколонны и поспешно удирали, если в воздухе появлялись краснозвездные Яки. Пять укрепленных оборонительных рубежей, «неприступных линий», как хвастливо утверждала геббельсовская пропаганда, были прорваны ударными гвардейскими полками. Враг выбит из Резекне и Даугавпилса, отходит к морю.

Болота Лубанской низменности, помеченные на всех географических картах как совершенно непроходимые, ненадолго задержали наступающие части. Выходившие из лесов для соединения с регулярными войсками латышские партизаны указали воинам путь среди болот. Впрягшись в лямки, по горло в воде, пушкари волокли сквозь трясины и топи вязнущие в иле «сорокапятки». Неожиданный огневой удар в спину заставил немцев бросить сильные укрепления на высотах за Лубанской низменностью.

Перед решающими боями за Ригу гвардейцы получали пополнение. Снайперов вывели на отдых в армейский запасной полк. Женская снайперская рота разместилась в большом сеновале на лесной опушке. В правой половине на сене — один взвод, в левой — другой. Середина свободна, хоть в пляс иди! В открытые ворота виднелся зеленый лужок, за перелеском — поле, засеянное горохом. Горох начал поспевать, мы всласть полакомились.

Неподалеку протекала быстрая, с заводями в глубоких местах река Айвиэксте, дважды на дню мы бегали купаться. Я хоть и неважный пловец, но тут дала себе волю, как говорится, за всю войну наплавалась. Еще я любила, оставив всех, забиться в гущу леса.

Дрожит от зноя воздух, напоенный ароматом хвои и трав, тишина такая, что слышно, как падает ветка, сбитая юркой белочкой. Вон она — скачет себе с сосны на сосну! Кажется, никакой войны не было и нет. Но на мне армейская форма; в прогалы между деревьями видно, как прошел, оставив за собой белый шлейф, вражеский самолет-разведчик; где-то далеко выстрелила пушка.

Насбирав полный котелок малины или черники (а больше того отправив в рот), я ложилась на пушистый мох, головою в тень. Лежу, думаю о своем, вспоминаю детство в деревне, родной дом, павших друзей и подруг. Часто-часто перед мысленным взором возникало мужественное лицо капитана Суркова, и слезы катились по моим щекам...

Успокоившись, возвращалась к девчатам. Клава привыкла к моим одиноким прогулкам, ни о чем не спрашивала. Пересыпав ягоды сахарным песком, она на костре варила что-то вроде варенья. Тут же и поедали его, причмокивая от удовольствия.

Вечером в клубной палатке показывали кинофильмы, после сеанса танцевали. От кавалеров отбоя не было: неподалеку базировался отдельный латышский полк ночных бомбардировщиков, в лесу стояла артиллерийская батарея, нередко заворачивал на танке знакомый «экипаж машины боевой».

Утром над лесной опушкой низко-низко проносится самолет У-2. Из сарая сломя голову выбегает девушка, машет платком своему дружку. Тот ответно покачивает в воздухе крыльями: дескать, вижу, вас понял, встреча на том же месте, в тот же час.

Как-то командир нашей роты на пальцах подсчитал, представители каких родов оружия ухаживают за его солдатами. Кажется, только зенитных войск не назвал: там у самих девушек хватало.

Фронтовая дружба нередко переходила в серьезное, крепкое чувство. Не одна моя подруга стала женой своего однополчанина, до сего дня супруги живут дружно, берегут любовь, растят детей.

Но говорят же: в семье не без урода. На ротном партийном собрании, происходившем во время первого отдыха в Латвии, мы были вынуждены распрощаться с девушками, чье легкомысленное, недостойное поведение перешло всякие границы.

Золотой теленок, как прозвали девушку подруги за сожженные пергидролем волосы, считала себя в роте первой красавицей. Рослая (в строю всегда на правом фланге), самоуверенная, озорная. Держалась вызывающе, со смаком ругалась, распевала блатные песенки. И как это часто бывает с людьми такого сорта, трусила в бою, теряла голову при первом артобстреле.

Под стать Золотому теленку была и Модница — ее напарница. Правда, эта в бою не терялась, воевала неплохо. Но способна была, лежа в цепи стрелков, готовящихся отражать вражескую контратаку, вынуть из кармана зеркальце и помаду, чтобы накрасить губы. Бойцы, несмотря на серьезность обстановки, не могли сдержать улыбок. До смерти, быть может, четыре шага, а она о красоте заботится...

Модница подвела целую теорию в свое оправдание:

— А если б меня убило в этом бою?! Так бы и лежала с посиневшими губами. Бр-р! Не ждать милостей от природы — самим взять их, вот мой девиз!

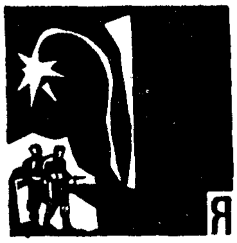
Для завивки своих тонких и, признаться, редких волос Модница пользовалась шомполом от винтовки, причем чужим. Раскалит в печурке и накручивает на него кудри. А то, что шомпол испорчен, что это может повредить бою винтовки, ей и горя нет!

Девушки-снайперы хорошо показали себя в боях, командование батальона полностью доверяло нам. Снайперская пара сама выбирала место для засады, самостоятельно отыскивала себе цели. Все вместе мы до рассвета выходили из землянки, направляясь каждая в свою роту. И вот, дождавшись, когда скроются остальные, Золотой теленок с Модницей поворачивали в... противоположную от передовой сторону. Пока мы вели «охоту», подружки весело проводили время в полковом тылу.

Парторг Шляхова проголосовала предложение: просить командование отчислить недостойных из роты. Все подняли руки «за», никто больше не верил слезным обещаниям.

Позже их видели в БПО — банно-прачечном отряде, который в шутку называли «мыльным пузырем». Прозвище было не совсем справедливо по отношению к сотням честных тружениц, работавших там. Обстирывать целую армию — дело нешуточное! Что касается наших горе-стрелков, то название било в самую точку: мыльным пузырем лопнуло их недолгое снайперство.

ВИКТОР — ОЗНАЧАЕТ ПОБЕДИТЕЛЬ!



Яркий солнечный день, кругом все зеленеет, ветка черемухи, которую я сорвала в овраге по пути на передовую, благоухает на весь окоп. Но грянул выстрел напарницы, и пороховой дымок перебил все иные запахи.

Среди дня к снайперской ячейке пробрался по ходам сообщения незнакомый солдат. Пятнистый маскировочный халат, перешитый из трофейной плащ-накидки, автомат через шею, бинокль, компас на руке. Без слов ясно: разведчик. Кивнув нам, он пристроился рядом у бруствера и стал разглядывать в бинокль вражескую оборону.

— На левом фланге у него один пулемет? — негромко спросил разведчик.

— Один, — ответила я.

— Тяжелый?

— МГ-34... Какие еще вопросы будут, товарищ начальник?

Тут он впервые повернулся лицом ко мне. Совсем молодой парень, пушок на щеках; похоже, еще и бриться не начал.

— Мешаю, что ль, сестренки?

— Какие мы тебе, сынок, сестренки! — отрезала Клава.

Солдаты 18—19 лет болезненно обижались, если подчеркивали их молодость. И этот нахмурился, недовольно буркнул:

— Тоже мне мамаша!

Можно было понять Клаву. Дело совсем не в том, что она действительно старше солдата на несколько лет. В окопе и без него тесно, враг может заметить движение. Да и отвлекают от наблюдения разговоры.

— Из запасной ячейки обзор не хуже, — я кивнула в сторону нашей запасной позиции.

— Прогоняете? Ясно! — Разведчик собрался ухо*дить.

— Из какого хозяйства-то? — спросила я.

— Из смирновского. Дивизионная разведка.

— А-а-а!

Фамилия командира ничего мне не говорила, Дивизионные разведчики жили далеко от нас, на переднем крае появлялись, как правило, перед поиском, чтобы лучше изучить оборону врага. В разведку они ходили ночью, когда снайперы отдыхают.

Перед самым нашим уходом разведчик появился снова. Из запасной ячейки обзор действительно не хуже, сказал он, ему удалось точно засечь время смены немецких караулов. Потом спросил:

— Как вас величать, девушки? Меня — Виктором.

— Лучше поздно, чем никогда! — фыркнула Клава, однако имя свое назвала.

Обратно возвращались втроем. В окопах, ведущих к ротному КП, встретился еще один разведчик—высокий, красивый солдат.

:— Снайперам почет и уважение! — весело приветствовал он. — А я-то голову ломаю, отчего кореш задерживается. Суду все ясно!

Я шла впереди, разведчик схватил меня за руку. Синие его глаза улыбались, из-под пилотки выбился русый чуб.

— Давайте знакомиться, девушка! Меня зовут Виктором.

Я освободила руку.

— Вы что, сговорились? Или у вас в разведке все Викторы?

— Так точно! И ротный наш — Виктор. Гвардии старший лейтенант Виктор Смирнов, — тут же поправился он и стал подробно объяснять, что Виктор в переводе с греческого означает победитель, что разведчикам иные имена не положены по уставу.

Клава тянула меня сзади за рукав, показывая глазами, чтобы я остановилась. Когда мы остались вдвоем, она сердито выговорила: нечего, нечего синеглазых «победителей» привораживать, пусть они раньше врага победят!..

Уж не ревнует ли меня Клава? Может, обиделась за Суркова?

Через день в окопах на переднем крае появилась другая пара разведчиков: тонкий, подвижный, как вьюн, Сашка-соловей и Гоша-медведь. Саша обладал чистым, звонким голосом, ловко щелкал соловьем. Почему кряжистого сибиряка Гошу прозвали медведем, можно было не спрашивать: широченные плечи, кулаки-кувалды.

До заката друзья изучали оборону противника. Саша смотрел в бинокль, Гоша зарисовывал что-то в блокнот по его указаниям. Потом разведчики сверили свои наблюдения с нашими. Данные сошлись. Это всех обрадовало.

Обратный путь неблизок. Гоша вызвался нести наши винтовки, Клава милостиво разрешила. Серьезный, немногословный сибиряк был ей по душе, не то что Сашка, разливавшийся соловьем всю дорогу, или «красивый Виктор», так мы стали звать Виктора Кузьмичева.

Сашка расписывал, как в детстве ходил в балетную школу. Танцором не стал, но легкая, бесшумная походка и уменье в нужную минуту совершить воздушный пируэт — тоже не лишнее в разведке. Смелости ему было не занимать, а силы — силы вполне хватало Гошиной, Медвежья хватка друга здорово пригодилась в последнем поиске, когда Сашка, не рассчитав своих сил, набросился на рослого часового.

— Ладно тебе свистеть! — оборвал его Гоша. — Звонок!

— Отважный вы народ, разведчики! — восхищалась Клава. — Ничего-то вы не боитесь, все-то вы можете.

— Все, что мы можем, может и наш командир, а вот что он умеет — не каждому дано.

Последовал новый Сашкин рассказ о том, сколько шума они наделали в немецком тылу', когда старший лейтенант Смирнов прихватил с собою в рейд 45-миллиметровую пушку. Или как командир тащил на себе разведчика, неловко подвернувшего ногу во время за-

[illegible]

хвата «языка». А как Смирнов пел, аккомпанируя себе на гитаре, как он танцевал, как свистел, умея приманить любую птицу! Последнему командирскому таланту Сашка-соловей, кажется, завидовал больше всего.

ИР опыта я знала: если солдаты хорошо говорят о своем командире, значит, человек стоящий. Не так ли до сих пор бойцы сурковской роты добрым словом поминают ротного? Мое любопытство было задето.

И вот я увидела старшего лейтенанта Смирнова. Мы с Клавой на рассвете шли ходом сообщения на свою позицию, навстречу брела группа разведчиков, возвращавшихся после ночной вылазки. Не знаю, как уж я догадалась, что это он; разведчики были в одинаковых маскхалатах, у всех руки на автоматах, висящих через шею.

«Красивый Виктор» и Гоша окликнули нас, протянули руки, здороваясь. Один разведчик — я сразу поняла: Смирнов — мельком глянул в мою сторону и прошел мимо, не останавливаясь.

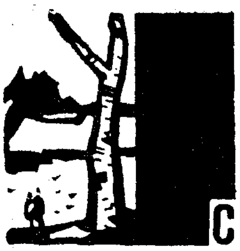
— Не взяли? — тихо спросила Клава.

Гоша опустил голову. Он тащил «языка» на себе, когда немцТЫ, спохватившись, обстреляли их из автоматов. Убитого наповал пленного пришлось оставить на «нейтралке». Хорошо, хоть с нашей стороны потерь не было.

— Слишком гордый и мрачный, — сказала Клава о командире разведчиков.

Я промолчала. Мне казалось, что я поняла его тогдашнее состояние. Столько дней вести наблюдение, с риском для жизни захватить «языка» и потерять его в виду своих окопов...

Через несколько дней мы узнали, что Смирнов со своими ребятами снова ушел в тыл врага. На этот раз разведчики вернулись не с пустыми руками.



И ПРИШЛО МОЕ СЧАСТЬЕ...

С Виктором Смирновым я познакомилась по-настоящему на отдыхе, вернее, в самом конце десятидневного отпуска, от войны. Снайперы и разведчики, воевавшие рядом, вместе и отдыхали в армейском запасном полку. Первые дни я отсыпалась, писала письма: как всегда, скопилась большая почта. Теплым июньским вечером Клава затащила меня на танцы.

В клубной палатке играла радиола, кружились пары. Особенно хорошо танцевал незнакомый старший лейтенант — стройный, туго перетянутый в талии ремнем, в начищенных до блеска хромовых сапогах. Густые вьющиеся волосы свешивались на лоб.

На первый взгляд, франт, и только! Но это лишь на первый, неопытный взгляд. Некогда и Шор и Сурков могли показаться такими, теперь-то я научилась отличать боевика, припарадившегося после трудного дела, от тылового шаркуна.

Танцуя, офицер _раза два пристально посмотрел в мою сторону. Может, и не на меня — у брезентовой стены стояли и другие девушки.

— Кто это? — спросила я Клаву.

— Здравствуйте! Так это ж он и есть, Смирнов из разведки! — И Клава умчалась со своим партнером.

Старший лейтенант Смирнов, словно догадавшись, что говорят о нем, подошел ко мне, чуть склонил голову.

— Можно вас пригласить?

От неожиданности я растерялась, не могла ни слова сказать, только покачала головой. Офицер отошел. Танец он пропустил, а когда пластинка кончилась, снова подошел ко мне.«

— Вы вообще не танцуете или только со мною не хотите?

— Вообще.

— Так это ж замечательно! — неожиданно обрадовался он. — А я подумал, что вы... что я вам... Давайте я вас поучу!

— Сейчас? При всех? Нет, нет! В другой раз.

Заиграли вальс-бостон. Я видела, какими тоскующими глазами смотрит в нашу сторону снайпер Тоня Комарова, с которой он танцевал в начале вечера. Поворачиваюсь к Смирнову.

— Можно просить вас...

— Виктор! — представился он. — А вас Любой звать, если не ошибаюсь?

— Да. Откуда вы знаете?

— Я ж разведчик. О чем же вы, Люба, хотели меня просить?

— Пожалуйста, пригласите Тоню. У вас с нею так хорошо получается.

Пожав плечами, Смирнов отошел от меня. Многие перестали танцевать, освобождая место для закружившейся в вальсе пары. Действительно, им не было равных, Смирнову и нашей Тоне!

Оставив партнера, ко мне спешила Маринкина.

— Я не хотела говорить тебе, Люба, но он весь вечер с тебя глаз не спускал, — зашептала она. — Правильно ты его отшила, не будет таким гордым!

Нет, я его не отшивала. И гордым он мне не показался. Наоборот, очень простым и доступным. А вот цену он себе знает, это точно!

И снова Смирнов, отведя на место разалевшуюся, счастливую Тоню, вернулся ко мне. Я познакомила его с Клавой. Виктор улыбнулся, отчего лицо его стало неузнаваемо: так светлеет в доме, когда распахнут ставни.

— Разрешите, и я вас познакомлю со своими друзьями.

Он сделал едва заметный знак. Рядом с нами немедленно выросли Сашка-соловей и Гоша-медведь.

— А мы уже знакомы! — хором объявили мы с Клавой.

Разведчики засмеялись, довольные тем, что обошли своего командира. Судя по всему, у них были простые товарищеские отношения. И эти же ребята пошли бы на смерть по малейшему его слову — позже я имела возможность убедиться в этом.

После танцев Виктор попросил разрешения проводить меня. Мы шли вдоль лесной опушки, листва шелестела от легкого ветерка. Виктор молчал. Я решилась спросить, почему он обрадовался, узнав, что я не танцую.

— Неужели непонятно, Люба? Значит, вы мало танцевали... с другими.

— А вы, значит, слишком много танцевали... с другими! — только и нашлась я.

Он не стал оправдываться, а рассказал о себе. Родился в Уральске, в семье пекаря-кондитера. С младшими братишками — у него их трое — гонял голубей, рыбачил, играл в лапту и футбол. Как водится, домой приходил «часто, часто с разбитым носом...»-

— Любите Есенина? — обрадовалась я: еще одна сходная с Сурковым черта.

— А кто ж его не любит? На школьных вечерах читал...

Закончив семилетку, Виктор пошел в речное училище, плавал мотористом на катере. В тридцать девятом семья Смирновых переехала в Пугачев. Здесь Виктор слесарил в МТС, был сельским почтальоном, пек булки и печенье, помогая отцу.

— Вы и печь умеете! — Ни за что не призналась бы я в эту минуту, что не умею даже готовить, не то что печь хлебы. — А танцевать когда научились?

— Зина в педучилище поступила, а там все больше девчата, кавалеров нехватка. Нужно же сестренку выручать.

В октябре сорокового года Виктора призвали в армию. Начало войны он встретил на западной границе, близ Львова. С боями отступал почти до Москвы, был в окружении: родные уже получили похоронную.

— Значит, долго жить будете!

— Спасибо, Люба, на добром слове! Теперь ваша очередь рассказывать...

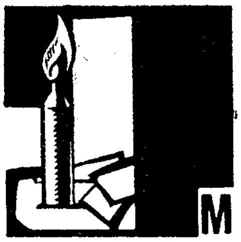
Долго мы проговорили в тот вечер. В сарай на опушке я вернулась перед рассветом. Хорошо, что Клава спала, не шелохнулась даже, когда я устраивалась рядом.

На следующее утро меня ждал неприятный разговор. Не с Клавой, нет — напарница сразу приняла мою сторону. А вот подружки Тони Комаровой были в претензии: как смела я увести Виктора? Тоня-де раньше познакомилась со Смирновым, давно сохнет по нему.

— За тобой, Люба, многие ухаживают, — доказывали они. — Тоня впервые нашла человека по себе. Вот пара так пара! Ну просто созданы друг для друга. А как танцуют, как в вальсе кружатся...

Чудачки милые! Разве не сама я предложила Виктору танцевать с Тоней, не любовалась ими во время вальса? Только, не на танцах ищут свою пару, друга жизни! Мы и не искали, ни я, ни Виктор — мы просто нашли друг друга.

В ДРУЖНОЙ СЕМЬЕ РАЗВЕДЧИКОВ



Мне везло: разведрота старшего лейтенанта Смирнова расположилась неподалеку от нашего батальона. Каждый свободный вечер, вернувшись с «охоты», я спешила к любимому. Клава не ревновала, не перечила мне. Видела, что это всерьез.

Мое сердце отогрелось от любви, девушки говорили, что я расцвела, похорошела. Иногда я спохватывалась: а не измена ли это памяти Суркова? Нет, я не забыла своего ротного! Но живое всегда побеждает, а я была так молода, так жаждала счастья...

Все свободные от войны часы и минуты были теперь заполнены до отказа. У нас с Виктором оказалось столько общего, всегда было чем поделиться, что вспомнить. Я любила цветы — он хорошо знал лес, я читала стихи — он пел песни. И как красиво пел! Затянет дуэтом с Сашкой-соловьем любимую: «Ах, ты душечка, красна девица...» — вся рота заслушается.

Любовь и уважение разведчиков к своему командиру перешли, кажется, и на меня. Стоило не показаться у соседей хотя бы день — ребята сразу замечали это.

— Что за незнакомая личность появилась в нашем расположении? — удивленно спрашивал у друга Гоша-медведь. — Ты не знаешь, Саша, кто это?..

— Понятия не имею! — отвечал Сашка-соловей, уставившись на меня невинным взглядом.

Выдержки хватало ненадолго, Сашка первый заливался смехом. А мне приходилось в наказание браться за иглу, чтобы подшить к их гимнастеркам свежие подворотнички. Парни и сами это делали отлично, но нравилось им смотреть, как стежок за стежком бежит из-под моих пальцев..

Смотрю однажды: Гоша угрюмый, сосредоточенный.

— Ходи до меня, Люба, потолковать надо! Успеешь еще наговориться с командиром.

Предстоит сложный поиск на участке, где действуют наши снайперы. Разведчик долго, дотошно расспрашивает, в каком месте у противника замечено наибольшее хождение, какие новые пулеметные точки мы засекли и где безопаснее переползать «нейтралку». Моим сведениям Гоша верил беспредельно, знал, что не подведу.

Удивил меня как-то «красивый Виктор». В ту пору разведчики стояли на латышском хуторе Кауната, быт был налажен неплохо. И все-таки каждый вспоминал свою довоенную жизнь как что-то неповторимо прекрасное. Виктор Кузьмичев признался, что из всех праздников больше всего любил встречать Новый год. Мать с ночи украшала елку, и такая красивая, такая нарядная она получалась...

— Любушка, я хочу тебя просить, — обратился он вдруг ко мне. — Только обещай, что выполнишь мою просьбу. Обещаешь?

— Смотря какая просьба...

— Обещай приехать ко мне домой на первую послевоенную елку.

Разведчики засмеялись. Сашка-соловей оглянулся на старшего лейтенанта. Смирнов сидел тут же и, улыбаясь своим мыслям, перебирал струны гитары. При посторонних он старался не подчеркивать наших отношений, был сдержан и молчалив.

— Как же это ты, солдат, девушку приглашаешь, а командира нет? — спросил товарища Сашка-соловей.

— Так ведь ротный наш и после победы останется в армии служить, он же кадровый офицер! — настаивал Кузьмичев. — Люба небось первая из нас домой уедет. Что ж ей одной встречать Новый год? А дома у меня будут рады!

Тяжелый снаряд с шелестом прошел над крышей, разорвался где-то неподалеку.^ В сарае тревожно заржала, забила копытами по настилу лошадь. Это вернуло всех к действительности.

— Никто не знает, кто жив останется, кто раньше домой вернется, — сказал Смирнов.

— И все же у Любы больше шансов на жизнь, девчата реже гибнут, — не сдавался Кузьмичев. — Так обещаешь, Люба, приехать, рассказать родителям обо мне?

— Но как я в чужой дом войду?

— А я тебе пригласительный билет дам.

С этими словами он достал из кармана гимнастерки блокнот, нарисовал на развернутом листке дом, елку в окне. Вверху вывел большими печатными буквами:

«ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ
после войны
НА НОВОГОДНИЙ БАЛ-МАСКАРАД»

На обороте написал свой адрес, поставил дату: 26.VI.44 г. И расписался.

— Храни, Люба, этот билет. В любое время дня и ночи он раскроет для тебя двери моего дома. Будешь самой дорогой гостьей, если я погибну...

— Отставить мрачные разговорчики! — весело скомандовал Смирнов. Взяв аккорд, он запел неизвестно кем на фронте сложенную песню:

Ты мне близка, и шквал свинцовой бури
Мне нипочем в грохочущем бою.

Разведчики дружно подхватили:

Того не скосят вражеские пули,
Кто бережет в груди любовь мою.

...Не раз писала я по просьбе Виктора Смирнова письма его родным. Виктор считал, что у меня получается интереснее, душевнее. И хотя я корила его за леность, в душе была радость, что он допускает меня и к этой стороне своей жизни. Значит, до конца считает своей, хочет, чтобы и домашние так считали.

— Если когда-нибудь мне крепко не повезет, не вернусь из поиска, ты, Любушка, поддерживай переписку с моими, пусть подольше похожу в живых, — сказал он мне однажды. — А после войны обязательно проведай моих стариков, скажи им, что положено.

Я не хотела слушать такие речи. Виктор был удачливым разведчиком — сколько бы его группа ни блуждала по вражеским тылам, в конце концов он неизменно возвращался с победой. Разведчики были безгранично уверены в своем командире, не боялись с ним ничего.

Чтобы не тревожить меня, Виктор никогда не рассказывал подробности своих походов по немецким тылам. Никогда не показывался он ко мне сразу после многодневной разведки. Отмоется, побреется, наденет все чистое — и на доклад к командованию. Лишь потом нагрянет в гости. И не подумаешь, что человек больше недели был оторван от своих, ходил, как говорится, по острию ножа, бывал на волосок от смерти...

Грустным было расставание с Виктором. Давно он хлопотал о переводе в полковую разведку, чтобы быть поближе к передовой, к противнику. И вот пришло назначение в одну из соседних дивизий.

— Эх, жаль, по штатному расписанию разведроте писарь не положен! — шутил он, прощаясь со мною. — Пишешь ты больно хорошо — пошла бы, Любушка, ко мне в писаря?

— Не пошла бы, Витенька! — в тон ему отвечала я. — Пером ли я пишу или карандашом, но точку в конце привыкла пулей ставить.

Знал он, что свою военную профессию, свою верную снайперскую винтовку я не променяю ни на что. Разве Виктор бросил бы из-за меня трудное и опасное ремесло разведчика? Никогда. За это я его любила ещё больше. И хотя мы с ним теперь будем служить в разных частях, наши пути обязательно сойдутся — все дороги нынче ведут в Берлин...

Последние дни ходил он мрачный, подавленный, настолько потрясла его гибель Виктора Кузьмичева. 19 августа разведчик-связист, выполняя боевое задание, пал смертью храбрых. Так и не дождался своего двадцатого Нового года, первой послевоенной елки.

Надолго замолчала командирская гитара, не пел, не шутил, как обычно, старший лейтенант. Тяжело терять любимого воспитанника, боевого друга! А когда, не выдержав, взял в руки гитару, гневом и болью звенели струны. Как клятву, выговаривал он слова песни, переделанные на новый лад:

Врагу не будет от меня пощады,
Я отомщу за друга в злом бою...

Девушки-снайперы, недолго пробыв в 379-й дивизии, направлялись в родную 21-ю. В середине сентября гвардейские полки двинулись в направлении Риги.

Где на попутных машинах, а больше на своих двоих мы догоняли 59-й стрелковый полк. Стали попадаться знакомые фамилии на дорожных указках. Вот и наше «хозяйство» — стрела показывает в лес. Полк на привале, бойцы и офицеры узнают нас, окликают, протягивают котелки со свежей водой.

В первом батальоне немало новых командиров. Комбат Рыбин и замполит Булавин ранены в последних боях. Рыбин вряд ли вернется в строй, на этот раз ранение тяжелое. Комиссар прислал письмо из тылового госпиталя: лечение идет успешно, надеется нагнать свою часть еще до Германии.

И хоть обидно, что в батальоне мало ветеранов, не проходит чувство: опять мы дома.

Утром полк снимался. Командование, радостно встретившее снайперов, решило оставить нас на отдых в лесу. После тридцатикилометрового марша у девушек сбиты ноги, все устали. И жара донимает.

— Отдохнете денек, девчата, а там за вами грузовики пришлем. Оптика скоро, ой, как понадобится.

Совсем недавно в этом лесу были позиции немецкого артиллерийского полка. Мы расположились в землянках — настоящих подземных квартирах с внутренними перегородками из досок. Враг, как видно, строился всерьез и надолго, но не успел обжить свои хоромы. Тесаные бревна стен и потолков, доски перегородок девственно белы, от них пахнет сосновой свежестью, смола выступает из трещин янтарными каплями.

Прошли сутки ожидания, на исходе вторые. Никто за нами не едет, продовольствия не везут. Вот когда все заметили отсутствие нашей затейницы и балагура Зои Бычковой — она уехала в тыл. Но свято место пусто не бывает — веселая, умеющая и спеть и сплясать ленинградка Вера Артамонова заменила ее на этом поприще.

У землянки сидят девчата, кто-то затянул бесконечную «Летят утки». А Вере не сидится; помахивая красной косынкой, она идет в пляс.

Командир меня ругает.
Что я милого люблю.
Все равно любить я буду.
Хоть посадят на губу.

И вот уже навстречу ей выскакивает Аня Носова. Кудрявый кок выпущен из-под пилотки, надвинутой на самые глаза, озорно поблескивает глаз, железные подковки каблуков выстукивают дробь.

Неужели пуля-дура
Меня, девушку, убьет?
Пуля — влево, пуля — вправо,
Пуля, делай перелет!

В песнях, плясках и разговорах время течет незаметнее.

30 сентября. Для всех обычный день, а для меня — красное число в календаре. Шутка ли, 20 лет исполнилось! Совсем взрослая. Думала ли я, гадала ли, что буду встречать свое двадцатилетие на войне?! И где? В Латвии.

С утра пораньше пошла на речку постирать коекакую мелочь. В лесу поспела черника, возвращаться не спешу; попалась усыпанная ягодой поляна. Не только руки — и губы и язык черные.

С полным котелком и охапкой синих колокольчиков подхожу к. своей землянке. Никого нет, пусто. Где девчата?

— Ушли на разведку на дальний хутор, — докладывают соседи. По лицам видно: чего-то недоговаривают.

Украсила землянку цветами, котелок с черникой поставила на стол. Пусть и подруги почувствуют праздник.

Часа через два стали возвращаться девушки. Клава Маринкина с Ниной Обуховской, ходившие в лес, собрали три котелка ягод. «Хуторянки» приволокли гору вкусной снеди: ковригу деревенского хлеба, большую флягу светлого латышского пива, творог, яйца, сметану такой густоты, что хоть ножом режь. Где они раздобыли столько?

— На хуторе выменяли, — весело объяснили девушки. — Все старье пошло в ход. Надо же день твоего рождеДш, Люба, отметить!

Их внимание тронуло меня до слез. А подруги полны впечатлений. Хозяин хутора, старый крестьянин, неплохо знал русский язык: во время первой мировой войны служил в царской армии, бил германцев. Старик последними словами ругал немецких мародеров, которые увели у него лошадь и двух породистых коров, славил победоносное русское войско, удивляясь при этом, что таким «маленьким миленьким девичкам» пришлось взяться за оружие. Тем не менее скудное их барахлишко взял, не посовестился...

Сообща с девчатами из соседней землянки мы устроили настоящий пир. А к вечеру подошли полковые подводы с продуктами. Старшина раздал консервы, хлеб, концентраты, не забыл и положенные сто граммов на душу.

— Видела, Люба, как о тебе в полку пекутся? Если б не твой день рожденья, не видать нам двойного угощения! — шутили подруги.

Отлично отпраздновали мое двадцатилетие. И на фронте бывают праздники.

Если кого мне не хватало в этот день, так это Виктора. Но он вспомнил меня; хотя и с опозданием, его поздравительное письмо пришло. Впрочем, и мамино поздравление запоздало. Почта ждала нас, как я уже говорила, в запасном полку.

ЗАКАТИЛАСЬ НАША ЗВЕЗДОЧКА ЯСНАЯ...

Дивизия заняла оборону километрах в десяти за небольшим латышским городом Добеле. Глубокий лог вел к переднему краю: слева открытое поле, справа сосняк. Лог переходил в низину, бывшую нейтральной полосой между нашими и немецкими позициями.

Позади у врага Балтика, дальше отступать некуда, поэтому сопротивление было упорное. До самого моря протянулась глубоко эшелонированная немецкая оборона. Бои предстоят тяжелые, затяжные.

После недавних наступательных боев гвардейские полки поредели, пополнения нет: силы собирают в ударный кулак на новом, более важном направлении. Ночью оборону держат бойцы, на рассвете продрогших, усталых солдат сменяют снайперы. Вести непрерывный огонь, создать видимость плотной обороны — вот наша задача.

Припомнился бой на Ловати. Форсировав реку, полк двинулся на прорыв к деревне, занятой немцами. Враг мог контратаковать с фланга, снайперы были оставлены в ротных окопах на левом берегу. Всю ночь, не смыкая глаз, мы вели огонь, да такой дружный и плотный, что казалось — бьют пулеметы. Памятная была ночка.

Но тогда стояло жаркое лето, а теперь начало октября. С ночи подмораживает, днем моросит мелкий дождь. Кажется, это дышит невидимая отсюда, но близкая Балтика. И настроение, как погода, пасмурное.

Вечером 6 октября — я запомнила это число надолго — вышла из дома. Снайперы жили на хуторе за лесом, отмеривая ежедневно по три-четыре километра до передовой и обратно.

У дома под деревом одинокая фигурка. Кто это? Даже не подумала на Шляхову. Во время боев под Пустошкой она перешла в соседний полк, воевала в паре с Ниной Лобковской. В Латвии Саша снова вернулась к нам, а Лобковская командовала новичками — девушками из второго выпуска снайперской школы.

Непривычно мне видеть Сашу, всегда веселую, окруженную подругами, в одиночестве, понурую.

— О чем задумалась, Сашенька?

— За Васю тревожусь. Замолчал что-то.

Вся рота знала, что недавно добровольцем ушел на фронт младший Сашин брат. Она никак не могла представить себе, что маленький Вася-Василек, кареокий, несколько изнеженный — единственный сын у родителей! — мальчик, уже сам солдат. И тревожилась, если на неделе от него не было письма.

— Так ведь парень, Саша! Ребята ленивы на письма.

Мы начали вспоминать дом, своих матерей, ученические годы.

Саша рассказала, как боялась вечером идти вдоль кладбищенской ограды; это была самая короткая дорога из школы. И вот, закаляя волю, зимой, в темноте, прошла она через все кладбище. Младшая сестренка немедленно похвасталась перед подружками Сашиным достижением.

Мы улыбнулись. Ребячьи шалости, детские подвиги! Если бы сегодня наш передний край проходил по кладбищу, то лучшего укрытия, чем могильная плита или гранитный памятник, снайперу не найти.

Долго мы простояли с Сашей под деревом. Перед уходом она попросила:

— Не говори, Люба, девчатам, что я тут разнюнилась... А ну, догони меня!

В дом мы вбежали с веселым смехом. Кто бы поверил, что Саша только что была грустна и озабочена?

На следующий день Шляхова осталась без пары; простудилась ее напарница. Не было пары и у Раи Благовой, правда, по другой причине. Рая была хорошей подругой, отличным стрелком, но девчата боялись идти с ней на «охоту»: три Раиных напарницы погибли, никому не хотелось быть четвертой.

Не зря Саша была нашим партийным вожаком — она не верила в приметы и предчувствия, называла их „предрассудками.

— Пойдешь со мной, Рая! — сказала она Благовой.

— С тобой? — Рая зашлась от радости. — Да с тобой, Сашенька, я на край света пойду.

Промозглое октябрьское утро, в низине стелется туман. Мы с Клавой продрогли в сырой снайперской ячейке, но наблюдение ведем непрерывно, стреляем, заметив подозрительное движение. Вдруг по окопу, пригибаясь, бежит в нашу сторону командир роты.

— Беда, девушки, вашу старшую убило!

Сашу Шляхову?

Не может быть! И двух часов не прошло, как мы вместе вышли с хутора, только наша тропинка свернула вправо, в соснячок, а Саши и Раи — влево, к полю за логом. Да и стрельбы большой с утра вроде не было.

— По связи передали: убита старшая снайперов! — повторяет ротный.

Бесконечно тянулся этот день на передовой. Я не плакала, я просто не могла представить себе, что Саша убита. Не верю, нет!

Увы, ошибки не было!

Где ползком по грязи, где короткими перебежками Саша и Рая добрались до окопов первой линии. Траншеи мелкие, по колено: бойцы не успели окопаться по-настоящему. А передовая в том месте проходила по возвышенности, гитлеровцам все было отчетливо видно на фоне неба, светлеющего в восточной стороне.

Девушки счистили лопаткой грязь с шинели и сапог, вытерли руки. Деловитая Саша решила углубить ячейку, чтобы можно было целиться стоя. Лопатка всегда при ней, дело пошло быстро.

Неподалеку в окопе залег пулеметный расчет. Поставив винтовку рядом с Сашиной, Рая Благова направилась к пулеметчикам. Они показали снайперу густую заросль на вражеской стороне, где с утра наблюдалось движение.

Рае показалось, что и сейчас в кустах мелькнул черный силуэт. Она бросилась за винтовкой.

— Фрид! — шепнула Рая напарнице. — Иду стрелять, оттуда видней.

— Не спеши только! Прицелься получше.

Перевалившись через бруствер, Саша лопаткой нагребала земляной валик перед бойницей.

Вернувшись к пулеметчикам, Рая поискала в оптику кусты, где заметила силуэт. Никакого движения. Видно, залег, выжидает. Взяв подозрительное место на прицел, она терпеливо ждала... И тут прогремел вражеский выстрел.

Обернувшись, Рая увидела, что на бруствере недвижно лежит подруга. Девушка метнулась к ней. Свесилась в окоп Сашина голова, лицо уже начало синеть, из темени беззвучно капала кровь.

Пулеметчики открыли огонь по кустам. Немцы отвезли из минометов.

Укрыться негде, уйти невозможно: по открытому полю на свету не поползешь. Рая, как-то враз обессилев, сидела на корточках возле убитой. Она оцепенела не столько от рвущихся вокруг мин, сколько от непоправимости происшедшего. Веселой Саши, смелой Саши, столько раз раненной и всегда возвращавшейся в строй Саши больше нет, а то, что лежит рядом, — только недвижное мертвое тело...

Дрожали руки, когда, пересилив себя, Рая взялась за винтовку. Всего два выстрела сделала она в этот день, и оба удачных.

— За тебя, Саша! — дважды повторила Рая.

Едва стемнело, пулеметчики вынесли Сашеньку из окопа. В логу ждала повозка, труп повезли на хутор. Все в батальоне знали о гибели Саши, а до конца не верили...

Немало боевых подруг успели мы потерять, но ничью смерть не оплакивали так горько, ни одну потерю не переживали так тяжело, как гибель Саши Шляховой. Казалось, она унесла с собой частицу тепла, согревавшего наши души, унесла радость, всегда окружавшую ее, как воздух окружает землю.

Утром девушки обмыли и переодели Сашу. Я убрала гроб флоксами и белыми астрами с тронутыми заморозками лепестками. Разведчики раздобыли где-то два железных венка.

Под звуки траурного марша мы хоронили Сашу. Солдаты несли гроб на плечах. Впереди, на алых подушечках, Сашин партийный билет, ордена Красной Звезды и Красного Знамени. Рая Благова несла именную снайперскую винтовку Шляховой с выгравированной на серебряной пластинке дарственной надписью ЦК ВЛКСМ.

За гробом шла снайперская рота — ветераны и новички из пополнения, автоматчики взвода охраны штаба полка. Под ноги идущим мы бросали цветы и еловые ветки; дорога была устлана ими, как ковром. Траурный кортеж направлялся к могилам советских воинов на окраине Добеле.

Начальник политотдела армии полковник Лисицын сказал о Саше короткую душевную речь. Что-то говорили наши девушки. Хотела выступить и я, но не смогла: душили слезы.

Над свежей могилой воины поклялись отомстить за гибель боевой подруги, бить врага до конца, на его территории. Под винтовочный и автоматный салют — стволы направлены в сторону противника — гроб опустили в сырую землю.

Несколько раз принималась за письмо к Сашиной матери Рая Благова. И не могла найти нужных слов. Пришлось и на этот раз взяться за перо мне. Что я писала — не помню, помню только, что сравнила Сашеньку с яркой звездочкой, самой яркой и самой горячей среди нас звездочкой, погасшей навеки, но оставившей свой свет в наших сердцах...

Полковник Лисицын сообщил родным Саши, что за отвагу и героизм, проявленные в бою за освобождение нашей Родины от немецких оккупантов, гвардии старшина А. Н. Шляхова посмертно награждена орденом Отечественной войны I степени.

Наконец собралась с силами и Рая Благова. Пусть не думает мать, что рядом с ее дочерью в последнюю минуту не было никого. В свои руки приняла она холодеющее тело Сашеньки, за смерть ее убийцы заплатили своими жизнями...

КАК КЛАВА «НАТЯНУЛА НОС» РАЗВЕДЧИКАМ

Отчаяние, вызванное гибелью Саши, проходило, в сердцах росло ожесточение против смертельного врага. Наутро после похорон я вышла с Клавой на передовую. Мы должны были сменить пулеметчиков.

Расчет, казалось, застыл в своей земляной норе, едва покрытой тонким накатом из жердей. У ребят слипались глаза, так они хотели спать. Ночь прошла тревожно. По всей линии фронта стрельба, а здесь, над логом, подозрительно тихо. Не иначе враг что-то замыслил.

— Смотрите в оба, девчата! — повторяли пулеметчики. — Не к добру он притих.

Бойцы уползли в тыл, а мы, как обычно, ведем осмотр местности. Снайперская ячейка отрыта над самым обрывом, сверху хорошо видна нейтральная полоса, поросшая редким кустарником, лишь то, что непосредственно под нами, не разглядишь.

То ли из-за прощального напутствия пулеметчиков, то ли от внутреннего возбуждения тревога не проходила. Совсем развиднелось. Клава методично обозревает оборону врага, а я прислушиваюсь. Вроде близко шуршит что-то. Вот и ветка треснула.

Осторожно выглянула за бруствер и чуть не ахнула: в логу, как раз под нашим обрывом, залегли серозеленые фигуры. Человек пять или шесть. Один осторожно ползет вверх.

— Немцы! — кричу Клаве, а сама, сорвав кольцо с гранаты, швыряю ее под обрыв.

Одну за другой мы пометали весь свой запас гранат. В нас тоже летели гранаты, но вверх кидать труднее, они разрывались где-то ниже. Гитлеровцы стали отступать под прикрытие дальних кустов, теперь их можно было бить из винтовок.

По ходам сообщения на подмогу к нам бежали бойцы. Они немедленно открыли огонь из ручного пулемета.

Как выяснилось, немецкая разведгруппа подобралась к нашей позиции еще с ночи. Враг ждал того предрассветного часа, когда сон особенно смаривает солдат. Надо же было нам в это утро прийти раньше обычного!

С того дня мы стали осторожнее, больше брали с собою гранат; с позиции над обрывом их удобно метать. В случае чего мы могли взяться и за пулемет, этому нас обучили еще в снайперской школе, а практики на фронте хватало.

Не раз потом Клава, содрогаясь, вспоминала, как немцы залегли совсем близко, буквально под носом.

— Могли ведь и захватить нас, Люба?

— Не могли, Клава. Мы с тобой при оружии — отбились бы.

— И убить могли, — упрямо твердила она.

— Нет, не могли! Мы с тобой бессмертные...

Дни становились короче, раньше темнело, а значит, быстрее появлялась смена. Зато у ребят дежурство, что ни день, удлинялось: ночи теперь стали длиннее. Сдав позицию, мы отползали назад, до места, где можно было идти в рост. До хутора за лесом, где мы жили, добрых два километра.

Как-то в темноте возвращаемся домой, сзади кричат:

— Девчата, подождите, вместе пойдем!

Обе разом оглянулись. Нас догоняют разведчики: пятнистые плащ-палатки, шапки набекрень, руки на автоматах, чтобы не били о грудь. Ребята незнакомые, час поздний. Мы с Клавой прибавили шагу — они за нами. Мы еще быстрее, а разведчики уже рядом.

Надо заметить, что народ среди них бывал разный. Как-то маленький росточком, лицо в веснушках, уши оттопыренные, разведчик жаловался своим товарищам. Послал матери фронтовую фотографию, так сказать, в полном параде, при орденах, а она пишет ему: «Сынок, милый, пусть командир официально подтвердит, бумагой с печатью, что звезды твои. Я-то верю тебе, а соседи сомневаются, где ты их раздобыл...»

— Эх, девчата, девчата! — Рослый разведчик обращался, собственно, к одной Клаве. — Небось были, бы мы офицеры — сами б заговорили первые.

Моя напарница глянула на него снизу вверх — а у верзилы нос пуговкой — и спокойно так замечает:

— Конечно, были бы вы офицер — у вас сразу нос римский вырос бы...

Разведчики рассмеялись, верзила обиделся.

— А мне и своего хватает. Ладно, кончится война — мы к вам, фронтовичкам, ближе, чем на сто километров, не подойдем.

Вот когда тихая Клава по-настоящему возмутилась:

— А доживете ли вы еще до конца войны? Убьют ведь.

— Это почему жименно меня убьют? — не понял парень. — А может, тебя раньше.

— Нет, меня не убьют! — продолжала свое Клава. — Я маленькая, а ты эвон какой вымахал на радость маме.

Новый взрыв смеха. Симпатии явно на нашей стороне.

Лишь поначалу, не зная нас, солдаты позволяли себе насмешки над девушкой с винтовкой. Помню, в незнакомом батальоне, где впервые появились наши снайперы, какой-то слишком много мнящий о себе удалец затянул песенку:

> И на груди ее широ-о-кой
> Блестел полтинник одино-о-окий!..

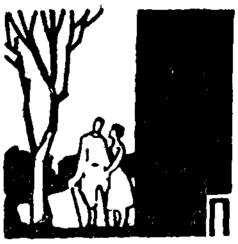
А после боя, когда увидел результаты стрельбы девушек-снайперов, пришел просить прощения.

Ребята из полковой разведки, что встретились нам с Клавой на пути с передовой, позже не раз бывали у нас в гостях. Курносый верзила не знал, чем загладить свой промах, заслужить расположение гордой Клавы, как видно, запавшей ему в сердце. А она твердит одно:

— Отрастишь нос хотя бы как у меня — тогда поговорим.

Ко мне никто из ребят и не пробовал подступиться. Не знаю уж, как дошло до них известие о Смирнове, но они считали меня «своей», коли их брат-разведчик был моим другом.

ВСТРЕЧИ И РАЗЛУКИ



Писем от Виктора Смирнова давно не было. И это беспокоило меня. Дивизия, в которой он теперь воевал, вела сражение за Ригу.

Столицу Латвии освободили 13 октября. Успехи были и у наших левых соседей: гвардейские танковые бригады, наступая на новом, Мемельском, направлении, вырвались к морю. Только мы стояли на месте, близко от моря, но не видя его.

И вот от Виктора письмо, бодрое, как всегда, короткое: легко ранен в ногу, кость не задета, скоро сможет снова танцевать. Я не очень-то верила, что ранение легкое. Если пишет из госпиталя — значит положили не зря. Просто не хочет меня огорчать. Но главное — жив, помнит...

В тот же вечер написала ему подробное письмо, попросила сообщить, где примерно находится его новое «хозяйство». Может, близко, удастся как-нибудь проведать.

Через несколько дней я была дежурной по кухне. Сижу, чищу картошку. Вбегает Аля Фомичева, наш снайпер.

— Люба, пляши!

Сразу подумала: ответ от Виктора. Что-то больно скоро.

— Где письмо?

— Какое письмо? Твой разведчик сам притопал, ждет у моста.

Бросив нож, стрелой выскочила из дома, мчусь к реке. Месяца два не виделись, а кажется — вечность прошла.

За хутором извивалась речушка, мы ходили к ней полоскать белье. У моста, опираясь на палочку, стоял Виктор. Увидев меня, заулыбался, спешит навстречу.

Старается не хромать, но по лицу видно, чего ему это стоит.

— Любушка!

— Витя! Витенька!

Обняла его, плачу от радости. Вроде бы изменился немножко. Поправился, что ли?

— И ты бы поправилась, Любаня, если б только спала да ела.

— Долго еще лечиться?

— Вот узнают врачи, что пять километров по грязи протопал — завтра же выпишут.

— Пять километров прошел?! С больной-то ногой...

— Я бы и пятьдесят прошел, если бы знал, что ты ждешь...

Зову его к нам в дом, обещаю картошку на сале пожарить, свиной тушенкой угостить. Виктор, смеясь, отказывается. Он недавно завтракал. Не хочет он никого, кроме меня, видеть.

Пришлось сбегать отпроситься: надо же проводить раненого. Аля Фомичева уже дочищала за меня картошку.

Серый зимний денек расцветился радужными красками. Мокрая дорога, голый, просвистанный ветрами и осколками железа лес — словом, все-все стало по-новому прекрасным, потому что Виктор шел рядом. Правая его рука опирается на палку, левая лежит на моем плече, а я не чувствую ее тяжести.

Расспросила про знакомых ребят-разведчиков. Виктор рассказал о соседях по госпитальной палате. Одного он, не раздумывая, взял бы к себе в разведку. Лицом на Витю Кузьмичева смахивает — красавец, танцор! Между прочим, сбежал в разведроту из армейского ансамбля песни и пляски...

— А дома знают о ранении?

Виктор усмехнулся — мать такое отчудила! Попросил ее поблагодарить письмом хирурга, сохранившего ногу. А она в ответ: «Лучше б ты без ноги был, да живой вернулся».

— Ну, а кто, спрашивается, воевать будет, фашистов доколачивать? Союзнички? Так они начнут поспешать, когда мы к Берлину подойдем, не раньше... Малой кровью хотят воевать, чужой кровью.

Не в первый раз гнев и ирония слышались в голосе Виктора, когда он заговаривал о втором фронте. Лишь этим летом, на год позже обещанного, союзники форсировали Ла-Манш. Конечно, лучше поздно, чем никогда! Но скольких жизней, бесценных жизней нам это стоило...

— Не надо о войне, Витя! — прошу я. — Мы ведь живы, снова вместе.

А сама думаю: на этот раз мы оба ушли от смерти. Надолго ли? И что нас ждет впереди? Бои продолжаются, коротки отпуска на войне...

— Теперь выслушай меня внимательно, Любовь моя Михайловна! Это очень важно... Если меня убьют, об одном пожалею в свой смертный час... Что не останется после нас никого...

— Ия, Виктор!

Ничего не сказал он Дольше, только сжал мою руку до боли...

В госпитале, расположившемся в двухэтажном здании сельской школы на бугре за речкой, Виктор познакомил меня с медсестрами, с товарищами по палате. Сероглазый красавец с рукой в гипсе вовсе не был похож на Кузьмичева — и что Виктор нашел в них общего? Но ведь и мы с ним не больно-то схожи, а раненые в один голос твердили, что мы — как брат и сестра...

Мне было пора возвращаться, он пошел проводить меня немножко и чуть не Допровожался до места, где мы встретились. В сторону госпиталя ехала военная машина, я настояла, чтобы Виктор сел. Трудно было расставаться, не знали ведь, когда и где еще увидимся...

А свидеться пришлось довольно скоро. Виктор был прав, когда говорил, прощаясь, что нас скоро перебросят на новое направление. Даже назвал его: Варшавское. Наступление в Прибалтике приостановилось, ударные части грузили в эшелоны.

Перед самой польской границей поезд долго стоял на какой-то большой станции. Девчата пропели все песни, какие знали. Аня Носова по второму разу затянула протяжную «На Рязанском-то вокзале...».

Не скажу, что мое сердце что-то чуяло, когда я бежала за кипятком. Возвращаюсь с дымящимся котелком, высматриваю свой вагон. С соседнего пути вот-вот тронется воинский состав, пришедший раньше нашего. И вдруг слышу громкий, ликующий крик:

— Люба-а-а! Любушка-а-а!

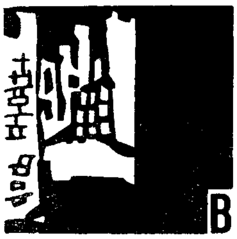
Обернулась на голос. Виктор выбирается из теплушки, бежит, чуть прихрамывая, ко мне. Родной мой, любимый! На глазах у всех обнялись, расцеловались. Кипяток льется на мою шинель, на его сапоги, а мы не замечаем. Спрашиваю, куда он едет, какой у него теперь номер полевой почты.

— Ничего пока не знаю. Я тебе, Люба, напишу.

Его поезд тронулся, товарищи кричат ему. Виктор догнал свой вагон, из дверей протянулось несколько рук, чтобы втащить его. Он кричал мне что-то, но я не расслышала. Какой-то седоголовый ветеран с открытой вагонной платформы орал во всю мочь:

— Даешь Варшаву! Дай Берлин!..

ПРИВАЛ У ГРАНИЦЫ ГЕРМАНИИ



Врага теснили на всех фронтах — от Балтики до Карпат. Гитлеровская пропаганда по привычке твердила об «эластичной обороне», которая вынуждает «выравнивать» линию фронта, в который раз рекламировала новое сверхсекретное оружие; с ним-де немцы скоро повернут ход войны. Но для всего мира уже не было секретом, что победоносные советские армии обкладывают логово фашистского зверя.

Сильные бои были под Варшавой. Девушки-снайперы, бывшие во втором эшелоне наступающих войск, вошли в горящую столицу Польши ранним зимним утром. Бесконечные кварталы развалин, почерневшие от огня коробки зданий, навылет пробитые снарядами старинные башни, свисшие в Вислу стальные арки мостов...

Снайперы, как всегда на марше, в голове батальона. После тридцатикилометрового пешего перехода девчата устали, ноги сбиты в кровь. Однако во все горло распеваем любимую:

Дорогая моя столица,
Золотая моя Москва!

А в это время в Москве, которую враг так и не смог сломить, гремят салюты в нашу честь.

Прошли мертвый, дымящийся центр. От горячего пепла пышет жаром. Из подвала разрушенного дома вылез старый поляк — оборванный, лицо в саже, голова трясется. Строй поравнялся с ним, в глазах старика блестели слезы. Можно было представить себе, что перенес бедняга за время немецкой оккупации.

Переходы по тридцать, по сорок километров в сутки. Подвижные части ушли далеко вперед, бьют и гонят врага, не давая ему ни дня, ни часа передышки.

То и дело нас обгоняют колонны грузовиков со снарядами, пушки на тягачах, машины с железными лодками-понтонами. Сходим с шоссе на обочину; по ней идти легче, не так болят ноги.

На привалах некоторые девушки не разуваются, зная, как трудно будет натягивать сапоги на распухшие, в кровавых мозолях ноги. И снова марш, и снова строй подтягивается, когда проходим местечки и села.

За Варшавой гитлеровцы отступали так быстро, что не успели почти ничего сжечь и разрушить. Жители радушно встречают освободителей, хотя есть и такие, кто косо смотрит на нас: геббельсовская агитация не сразу забывается.

Недалеко от немецкой границы встали, наконец, на отдых. В деревне, где разместился армейский запасной полк, снайперам отвели большой дом. Ветераны роты заняли угловую комнату; нас не так много осталось в строю.

Снайперы теперь несут сторожевую службу. Девушек назначают в ночной караул у штаба полка, у воинских складов. Это угнетает нас, хотя мы понимаем: основная работа снайперов — в обороне. Да и берегут девчат в канун решающих боев за Берлин.

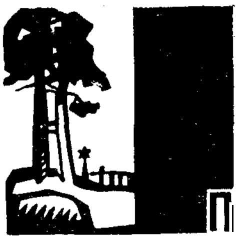
Нашим подругам присвоили офицерские звания. Гвардии младший лейтенант Нина Лобковская — командир снайперской роты, Вера Артамонова и Нина Белоброва командуют взводами. Недавно прибывшая в роту Аня Вострухина, хозяйственная, немногословная девушка из Пензы, назначена ротным старшиной. Ей как-то особенно пристала военная форма, бриджи она никогда не снимает, и все зовут Вострухину Аркашкой.

Под новый, сорок пятый год девушки затеяли гадание: топили воск в ложках, крутили блюдечко на столе. Никто, понятно, не относился к этому всерьез, но желания загадывали самые заветные: доживем ли до Победы? Выйдем ли замуж за своего суженого?

В полночь, выскочив на двор, «за ворота башмачок, сняв с ноги, бросали». Кто-то из девочек, размахнувшись, перекинул через забор свой кирзовый, сбитый в походах сапог. С улицы послышалась громкая русская брань. Оказывается, сапог угодил в... комендантский патруль, обходивший деревню. Смеясь и визжа, девушки бросились в дом.

А мне не нужно было гадать, кто мой суженый. С нетерпением ждала я почту: нет ли весточки от Виктора? Два письма прислал он, потом что-то замолк. Из победных сводок Совинформбюро я знала, что часть, в которой он воюет, все дальше и дальше продвигается на запад. Не знала только, что уже без него...

САМАЯ ГОРЬКАЯ МОЯ ПОТЕРЯ



Почту принесли днем, для меня было несколько писем. Сначала прочла весточку из дома: мама уже считает недели и дни до моего возвращения. Воинский треугольничек с адресом, написанным незнакомой рукой, отложила под конец. И вот дошла до него очередь.

Читаю и никак не могу понять, не хочу понимать страшный смысл написанного. Перечитала еще раз. Незнакомый мне разведчик сообщал, что командир их роты, гвардии старший лейтенант Смирнов В. Г. погиб смертью храбрых 3 Февраля 1945 года и погребен под местечком Цемпельково. Выполняя последний наказ друга и командира, он сообщает мне эту горькую весть...

Словно холодная каменная рука сжала мое сердце. В глазах потемнело, листок упал наземь.

Так вот почему долго не было от него писем, почему так забеспокоились вдруг его мать и сестра. На днях я писала им, объясняла задержку ответа Виктора плохой работой полевой почты. А его уже не было на свете.

— О-ох! — выдохнула я, чтобы отпустило сердце, но холодная рука цепко держала его. — О-о-ох!

В комнату вошла снайпер из новичков. Не заметив моего состояния, она весело сообщила, что после марша мне опять дежурить на кухне. Никто, мол, лучше меня не чистит картошку.

Я не ответила и, подняв письмо, ушла в расположение своего взвода. Клава, едва глянув на меня, встревожилась.

— Люба, на тебе лица нет! Если ты из-за этого наряда...

Молча протягиваю письмо. Пробежав листок глазами, Клава ахнула, прижала меня к груди. Она ничего не говорила, только гладила мои волосы. Когда я, наконец, заплакала — стала приговаривать:

— Поплачь, поплачь, Любушка, легче будет! Не таи в себе горя, дай волю слезам! Он достоин твоих слез...

С улицы донеслась команда строиться. Клава подвела меня к рукомойнику, подождала, пока я вытру лицо.

— Ну вот и хорошо, Люба, вот и славно! Опять ты у меня хорошая, молодая да пригожая!

Знаю, хочет успокоить меня подруга. Но где ей найти слова, чтобы сняли с меня тяжкий груз?

Весь день батальон на марше. Шагаю молча, как истукан, ноги ступают механически, сами собой. Никто со мною не заговаривает; в роте прознали о письме. Иногда ловлю на себе настороженный взгляд Клавы. Но даже с ней не могу заговорить, боюсь снова расплакаться.

На перекрестке дорожный указатель, на желтой дощечке написано что-то непонятное и в то же время смутно знакомое. Название польского местечка или деревни. Я прошла мимо, но какое-то тревожное чувство заставило выйти из строя и вернуться к перекрестку. Девчата удивленно смотрели мне вслед, Клава остановилась на обочине шоссе.

«Цемпельково, 12 км», — было написано готическим шрифтом. Так вот почему указатель привлек мое внимание. Могла ли я пройти мимо могилы Виктора, не простясь с ним, не выплакав свое горе над его прахом? В глубине души теплилась надежда: а вдруг что-то не так, не убит он, нету его фамилии на могильном памятнике? Ведь была же похоронная.

— Пусть командир не сердится, что не отпросилась — нету сил говорить об этом, — передала я Клаве.

Мне известно, где рота остановится на ночлег, знаю и дальнейший наш маршрут. Не отстану, нагоню в пути! А сейчас бегом побегу все 12 километров, но Виктора- проведаю.

Мне везло: в местечко Цемпельково шла санитарная машина, шофер подождал, пока я сяду. Смеркалось, когда добрались до места. На околице Цемпельково, возле тополиной аллеи, выстроились деревянные памятники, покрашенные под гранит, с блестящими железными звездочками на шишаках.

В центре братского кладбища могилы офицеров. Издали разглядела надпись на одном из памятников,

«Гв. ст. л-т В. Г. Смирнов
1921—1945
Погиб смертью храбрых в боях за Советскую Родину».

Как подкошенная, упала на могильный холмик, плачу навзрыд, разговариваю вслух. Мимо люди идут, останавливаются. А я никого не вижу, ничего не стыжусь — для того и сбежала сюда, чтобы выплакаться...

О чем я твердила в беспамятстве? О своей любви, которая никогда не кончится. О том, как жаль его молодую прекрасную жизнь, оставшуюся без продолжения.

Зоя, Зоя, ты и не знаешь, как я завидовала тебе в эти часы! Я вырастила бы маленького человечка, похожего на Виктора. Вечен жизненный круговорот, ничто не кончается, не исчезает без следа...

Совсем стемнело, когда я поднялась на ноги. Внутри пустота, в ногах слабость. Бреду, сама не знаю куда. На шоссе чуть не попала под машину, ехавшую без огней. Водитель выскочил, начал ругать меня, но, поняв, что происходит со мною, посадил в кабину.

Не знаю, долго ли мы ехали, сознание притупилось. Вдруг что-то блеснуло, я успела подумать: мотор загорелся. Наш «студебеккер» подорвался на противотанковой мине, когда водитель съехал с дороги для сокращения пути.

БЬЕМ ВРАГА НА ЕГО ТЕРРИТОРИИ

Танковая бригада, шедшая без огней к фронту, заметила в стороне от шоссе догорающий грузовик. Водитель был убит на месте, танкисты похоронили его. Меня, раненную в ногу осколком мины, на броне танка доставили в ближний медсанбат.

Томительно тянулось время на госпитальной койке. Осколок повредил ступню правой ноги. Рана никак не заживала, врач прописал полный покой. Лежа в постели, я тайком делала несложную гимнастику: подниму ногу, потом опущу, подниму — опущу. Держась за спинки кроватей, начала ходить по комнате. Сколько можно валяться, когда война вот-вот закончится?

Соседок по палате три. Молоденькую штабную телефонистку Аню, раненную осколком снаряда в руку повыше локтя, больше всего беспокоит, останется ли шрам и можно ли будет после войны носить платье с коротким рукавом. Работницу полевой почты толстуху Дусю замучили фурункулы. Пожилая бухгалтер из финчасти дивизии Серафима Федоровна страдала радикулитом. Она по-матерински заботливо относилась ко мне: то поправит подушку, то подоткнет одеяло, то, видя, что я хандрю, расскажет что-нибудь успокаивающее.

— Будешь еще, Любушка, танцевать на своей свадьбе! — приговаривала она, думая, что раненая нога — причина моей печали.

...Очередную партию выздоравливающих направляли в запасной полк. По пути в редком хвойном лесочке у шоссе мы увидели следы большого сражения. Десятки подбитых танков с крестами на бортах, сожженные немецкие бронетранспортеры, раздавленные пушки и грузовики. И ни одной нашей машины, ни одного трупа в советской форме — только фашисты, только вражеская техника! Это была работа гвардейского мехкорпуса, тех самых танкистов армии Катукова, которые подобрали меня. Устроив засаду, гвардейцы в пух и прах разгромили немецкую механизированную колонну, спешившую на выручку окруженной части. Да, научились мы воевать, ничего не скажешь!

В хозяйстве запасного полка стадо трофейных коров, женщинам поручили доить их: отличные каши и супы варились на цельном молоке. Доить я не умела, первый же опыт кончился печально: корова пнула ногой ведро, едва не угодив мне копытом в лицо.

У меня нашлась неожиданная защита — разведчица Рая, выздоравливающая после тяжелого пулевого ранения.

— Ты кого это заставляешь тискать коровье вымя? — наступала Рая на седого краснолицего начхоза. — Дважды кавалера орденов Славы? Это ж высшая солдатская награда! Знаешь хоть, как они достаются, эти боевые звездочки?

Я только весьма приблизительно передаю ее речь. Дело в том, что эта красивая, никого и ничего не боявшаяся девушка ужасно ругалась.

Деликатная, старомодных понятий Серафима Федоровна пыталась говорить по душам с сорвиголовой, но тут же зажимала уши: ради крепкого словца Рая не пощадила бы, как говорится, ни мать родную, ни отца.

Мой метод «воспитания» оказался более действенным.

Благодарная Рае за то, что она освободила меня от дойки коров, я помогала своей защитнице сочинять лирические послания ее другу в разведроте. Но наотрез отказывалась не то что вести за нее переписку, а даже просто разговаривать с Раей, если она позволяла себе лишнее.

— Пойми, Люба, в разведке все ругаются! — оправдывалась она. — Еще похлестче, чем я.

— Неправда, Рая, я тоже знала разведчиков. Ты же -девушка, раскрасавица — тебе это вовсе не к лицу. Рассказать тебе о наших девчатах, о моей Клаве?

Скучая по подругам, я с удовольствием рассказывала о них. Рая любила слушать мои рассказы, не хотела засыпать, если я молчала. В чем-то она была совсем девчонкой. Но эта девчонка прошла огни, воды и медные трубы, побывала в таких переделках, которые и мне, окопнице, не снились.

...Близился штурм Берлина. Всех способных носить оружие распределили по воинским частям. Мне не терпелось вернуться в свою роту, хотя я не знала, как меня встретят после затянувшейся «самоволки».

Но война была везде, мы ведь находились на вражеской территории.

Промозглой апрельской ночью командир роты, боевой капитан, собрал по тревоге оставшихся запасников. Из окружения вырвалась вражеская группировка неустановленной численности, сообщил он, противник движется в нашу сторону. Надо достойно встретить его. Из женщин командир взял лишь Раю и меня, как самых обстрелянных.

Спустя час мы залегли в отрытой бойцами траншейке на бугре за шоссе. У Раи в руках автомат, у меня — снайперская винтовка. Правее нас в окопе пулеметчики. Если гитлеровцы попытаются пробиться к шоссе — ударим им в лоб. Хуже, если враг покажется с другой стороны: переднего края здесь нет, нет и настоящей обороны.

Ночь прошла тихо. Лежать на сырой, непротаявшей земле холодно, ноет раненая нога. До боли в глазах всматриваюсь в темноту, ловлю каждый шорох.

Враг показался на рассвете, причем именно с той стороны, откуда мы его ждали: немцам, видно, уже не до осторожности. Около роты гитлеровцев, выйдя из жидкого лесочка, двигались к шоссе по узкой, вымощенной белым камнем дороге. Подпустив врага ближе, мы по команде открыли огонь.

Неровный строй рассыпался, гитлеровцы попадали наземь. Высокий немец, до этого шагавший впереди роты, лежа на земле, привязал носовой платок к автомату и стал размахивать им, как белым флагом.

Видать, эти навоевались досыта. Они даже не пытались оказать сопротивление, хотя нас было намного меньше.

— Прекратить огонь! — скомандовал капитан.

Он спустился с бугорка к немцам. Пока шли переговоры, Рая нервничала, сердилась:

— О чем они там совещаются? Полоснуть по гадам очередью — и конец.

Не раз она рассказывала мне, сколько знакомых ребят-разведчиков похоронила, а когда мы с ней мылись в бане, я видела шрамы на белом, молодом теле Раи. Можно было понять ее ожесточение.

Побросав в кучу оружие, гитлеровцы сдались в плен. Автоматчики повели их в штаб полка. Мы с Раей вернулись в дом к перепуганной близкой стрельбой Серафиме Федоровне.

На следующий день приехали штабные офицеры, стали уговаривать нас пойти на канцелярскую работу в один из отделов штаба танковой армии. Война кончается, пора осваивать мирные профессии. Ни я, ни Рая, ждущая вызова в свою часть, вовсе не обрадовались этому предложению. Я просила направить меня в родную 21-ю дивизию. Но где ее искать в канун грандиозного сражения, когда бесчисленные части отовсюду стягиваются к вражеской столице?

Серафима Федоровна уговаривала меня ехать вместе с нею; в штабе армии дело найдется для всех. Война еще идет, в бою нередко и писарям приходится браться за винтовку. У меня же она не простая, снайперская.

Я согласилась еще и потому, что знала: танкисты первыми ворвутся в Берлин, значит, я скорее найду своих. Снайперам найдется работка во время уличных боев.

Мчимся по бетонированной автостраде, она такая ровная и широкая, что летчики используют ее как взлетную полосу. По бокам шоссе мелькают чистенькие, крытые черепицей фольварки, перед домами — липы, почки на ветвях набухли, как кулачки. Проезжаем разрушенный воздушными бомбардировками город, готические шпили торчат среди развалин, как обглоданные кости. (Вот и обрушилась война на головы тех, кто поднял меч! Но разве сравнить это со сплошной зоной пустыни, которую оставляли после себя орды современных гуннов?!)

у Навстречу тянется бесконечная колонна пленных, наш водитель замедляет ход. Несколько автоматчиков конвоируют в тыл чуть ли не полк разоруженных гитлеровцев, (А наших военнопленных вели под усиленной охраной, с собаками, натасканными на поимку людей. И безжалостно пристреливали тех, кто не мог идти.) ^

— Что, фриц, отвоевался? Гитлер капут? — кричит, свесившись через борт машины, на которой мы едем, веселый боец.

Среди пленных преобладают пожилые фольксштурмисты, безусые юнцы из гитлерюгенда, но есть и кадровые солдаты. Эти бредут, опустив голову, не желая, а может, не смея смотреть нам в глаз а.‘”Через несколько километров их ждет привал, походная кухня с горячим обедом, ночлег под крышей. (А наших гнали по трое суток без пищи, с ночевкой на мерзлой земле, морили голодом и холодом в страшных лагерях смерти. Мы видели эти живые скелеты в полосатых арестантских куртках, под которые несчастные для тепла набивали бумагу, солому, листья.)^

Многое вспомнилось, пока машина мчалась к маленькому немецкому городку, где разместился штаб танковой армии.

Нас с Серафимой Федоровной поселили во флигеле зажиточного бюргерского дома. Деревянные, с резными спинками кровати, пуховая перина, в которой тело непривычно утопает, гардины на окнах, кафельный пол в ванной. (А я охотно сменяла бы весь этот комфорт на жердевые нары в землянке, только бы снова оказаться среди подруг.)

Через город шли и шли толпы вчерашних невольников, освобожденных из концлагерей советскими воинами. Люди размахивали самодельными флажками — французскими, польскими, датскими, еще не знаю какими, распевали свои песни и нашу «Катюшу», на перекрестках плясали с бойцами. Как не похожи эти' счастливые худые лица, горящие радостью глаза на вытянутые, хмурые физиономии бывших господ, еще вчера претендовавших на титул завоевателей мира!

Первый день работы, когда мне пришлось переписывать и подшивать штабные бумаги, тянулся бесконечно. Неловко чувствовала я себя в офицерской столовой: денег у меня не было, на передовой привыкла обходиться без них, и за обед расплачивался лейтенант, мой непосредственный начальник. Неужели это надолго?

Я обрадовалась, когда штаб танковой армии Катукова перебазировался на новое место, под Берлин.

«ОТГРЕМЕВ, ЗАКОНЧИЛИСЬ БОИ...»

В дни штурма немецкой столицы девушкам-снайперам пришлось сменить специальность.,Маршал Жуков, решив ослепить врага перед ночной атакой, приказал стянуть на узкий участок фронта все имеющиеся в наличии прожекторные установки. Девушки быстро освоили новую профессию.^.

Тысячи прожекторов в назначенный час ударили по вражеской обороне. Именно ударили, так нестерпим был в ночи блеск искусственных солнц. Пока фашисты протирали заслезившиеся глаза, пока они старались разглядеть что-либо в сгустившемся после светового удара мраке, наши тяжелые танки уже прорвали, оборонительный обвод, атакующие забрасывали дзоты гранатами, поливали все перед собой автоматным и пулеметным огнем.

Штурмовая танковая бригада с автоматчиками на броне ворвалась в берлинское предместье. Из оконных проемов, из-за развалин выплескивались огненные хвосты — это эсэсовцы, последний оплот обезумевшего фюрера, фаустпатронами пытались остановить советские танки.

С отделением автоматчиков я перебегала от дома к дому. Очистив от фашистов чердак, мы с крыши били в тех, кто продолжал бессмысленное сопротивление...

Мне не стыдно сознаться, что я горжусь своими боевыми орденами, они нелегко достались.^Ио одной из самых почетных наград считаю грамоту участника взятия Берлина, подписанную генералом, а ныне маршалом Катуковым. </

В ночь на третье мая стрельба стихла. Над рейхстагом развевался красный флаг победы. Воины расписывались на выщербленных осколками и пулями массивных колоннах. Где-то в уголочке, на уцелевшем чистом месте, расписалась от имени уральцев и я.

Все с нетерпением ждали официального объявления конца войны, а его все нет. Советские танкисты еще вели бои за Прагу, там был обложен крупный гитлеровский гарнизон. В Прибалтике части фронта держали в котле окруженные, прижатые к морю немецкие дивизии. Но смолкли выстрелы и там.

Вечером 8 мая экстренное сообщение по радио из Москвы: завтрашний день — 9 мая — объявляется Днем Победы. Что тут поднялось! В воздух стреляли из всех видов оружия: винтовок, автоматов, пистолетов. Трассирующие очереди зенитных пулеметов рисовали узоры в берлинском небе...

Серафима Федоровна звала меня в офицерский клуб на торжественный вечер, но мне не хотелось идти. Были бы подружки — пошла бы, ждал бы меня там Виктор — не пошла, побежала б.

Не знаю, долго ли я просидела под окном нашего особняка в аристократическом районе Берлина, где мы тогда жили. Вернулась Серафима Федоровна, пора и мне, а я все сижу. Уже давно стих уличный шум, уже небо на востоке начало алеть, а я никак не могу подняться. Знаю, что все равно не усну в эту ночь. Вроде и не плачу, а слезы сами текут и текут по щекам...

Меня уговаривали остаться в части: кто-то ведь должен нести гарнизонную службу. Но я не хотела ни дня, ни часу лишнего пробыть в этом чужом для меня городе. Вот и березки здесь растут, а все же не такие, как наши. И небо над головой не такое, как в России, и воздух другой: запахи руин, запахи войны преследовали всюду. Сердцем рвалась домой, к маме, к своим!

В конце июля большая группа девушек и солдаты старших возрастов, демобилизуемые в первую очередь, уезжали на Родину. С легким сердцем покидала я неметчину. Все, все, что видела красивого в Германии, не променяла бы на скромный край, «где в гору поднимается дорога, изрытая дождями, где три сосны стоят...».

Весь долгий обратный путь не отрывалась от окна вагона. Какие у нас просторы, какое богатство и красота вокруг! После чужбины особенно сильно любишь свою Родину, землю отцов и дедов наших...

Вот и Урал-батюшка с его лесистыми предгорьями, с дымящими днем и ночью трубами заводов! Вот и моя красавица Кама!

Здравствуй, Пермь-матушка, принимай свою дочь!

Старенький трамвай с трудом вместил всех, кто ехал в мой район, прославленную Мотовилиху. Ничего, в тесноте, да не в обиде! Пассажиры — как до войны, даже разговоры прежние: не нравится, что толкают, — ехала б в такси!

Чем ближе к дому, тем тревожнее на душе: здорова ли мама? Встретит ли? Я и не ведала, что письма фронтовых друзей, сообщавших о моем отъезде, обогнали воинский эшелон. Мама ждала меня уже который день...

Как мы встретились — не берусь описывать, каждый, кто вернулся с войны, без меня знает это. Мама плачет от радости, я смеюсь, успокаиваю ее и сама плачу. Зашли соседи — опять слезы: не всем война вернула родных и близких...

Получила военный билет, паспорт. Я гражданский человек, армия где-то далеко-далеко. И все же, выйдя из дома, ловлю себя на том, что неприметно для прохожих ощупываю свой костюм: все ли в порядке? После воинской формы шелковое платье кажется непривычно легким, почти воздушным. Встретив офицера, с трудом удерживаюсь, чтобы не перейти на строевой шаг, на полпути останавливаю руку, вскинувшуюся по привычке к виску для приветствия. Знаю, что и мои боевые подруги испытывали нечто подобное после демобилизации.

О том, как начала работать и тружусь вот уже 20 лет после войны, какие общественные и партийные поручения выполняю, как вырастила сына, можно много рассказывать. Но это уже другая жизнь. Здесь я расстаюсь со своей боевой молодостью, с дорогими моими девчонками.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мы с Макаровой идем по весенней Перми. Чувствую, Любови Михайловне хочется показать свой город с самой лучшей стороны, и она ведет меня многолюдным, застроенным новыми высокими домами Комсомольским проспектом к Каме, которую режут во всех направлениях винты буксиров, водных трамваев, теплоходов. Не так ли час назад она показывала мне спортивные залы здания, занимаемого областным обществом «Спартак», где она руководит одним из отделов.

Судя по тому, как ей кланяются прохожие, останавливаются перекинуться словечком, Любовь Михайловна довольно популярный человек в городе. Я расспрашиваю, что это за люди. С одними Макарова встречалась на городском партактиве, вон той темноволосой девушке помогла поступить в институт, а этот — известный в стране лыжник-спартаковец.

— А сами занимаетесь спортом, Любовь Михайловна?

— Где там!.. Некогда. Да и здоровье не то. Однажды, правда, пришлось тряхнуть стариной. — Глаза ее щурятся от приятного воспоминания. — Допризывники нашей обувной артели занимались в тире, взяла винтовку и я. Очень удивились ребята, когда увидели, как их бывший парторг изрешетил яблочко.

Замечу: Макарова удивительно скромный человек. Когда я рассказал по Пермскому телевидению о знаменитом снайпере нашего фронта — было это накануне Дня Победы, — оказалось, что не только товарищи Любови Михайловны по работе, но и соседи по дому ничего не знали о ее воинских подвигах.

Однокомнатная квартирка Макаровых на улице КИМа полна цветов. На подоконниках и полках цветочные горшки, с этажерки свесились кудрявые побеги традесканции, в кадке благоухает жасмин. С фотографии на стене улыбается Саша

Шляхова. Сын Любови Михайловны, недавно окончивший школу, увеличил маленькую фронтовую фотографию.

Пока мать Любы, Пелагея Михайловна, сухощавая, быстрая в движениях старушка, накрывает на стол, мы разглядываем реликвии военных лет, свежие снимки. Любовь Михайловна поддерживает переписку с большинством своих однополчанок, в курсе их жизни.

Она показывает мне семейный портрет Маринкиных-Федоеевых. Любина напарница вышла замуж за школьного друга, с которым переписывалась всю войну, живет в Челябинске. Клавдия — заведующая магазином, ее муж работает на заводе, дочь кончает школу.

Анна Носова-Подлазова работает в бытовом комбинате в Рязани. Лидия Ветрова-Середняк — заведующая сберкассой в станице Казанской Краснодарского края, не раз избиралась партийным вожаком станицы.

Бывший командир снайперской роты Нина Лобковская закончила исторический факультет МГУ, она лектор Центрального музея В. И. Ленина, депутат Свердловского райсовета столицы. Ротный старшина Анна Вострухина живет с матерью и сестрой под Пензой, ведает лабораторией Каменского крупокомбината.

По праздникам приходят весточки от Нины Обуховской, Полины Крестьянниковой, Руфы Оськиной и других. На частые письма нет времени, ведь все эти женщины не только матери, каждая занята своей работой — производственной и общественной...

Занимаясь книгой, я побывал не только в Перми. Прошлым летом я проехал по местам боев от Великих Лук до Невеля, видел заново отстроенные города и села. Братские могилы воинов не забыты, местные жители, особенно школьники, ухаживают за ними, приносят цветы. В Невельском детском доме имени В. П. Ставского на стене фотография: писатель с группой девушек-снайперов. Большой портрет Саши Шляховой встречает читателей детской библиотеки города Запорожье, носящей имя героини.

Удалось мне разыскать М. Г. Ганночку, бывшего наставника снайперов, «грозу фашистов», истребившего 138 гитлеровцев. Тяжело раненный в «Долине смерти», он вернулся из госпиталя на родину. За отличную работу в совхозе «Прогресс» Апостоловского района на Днепропетровщине Михаил Григорьевич награжден орденом Ленина.

На одно из моих выступлений в телевизионном альманахе «Подвиг», посвященном боевым подругам, откликнулся инвалид Отечественной войны бухгалтер В. И. Маклаков из города Калинина. Бывший разведчик 21-й гвардейской Невельской дивизии, исползавший, как говорится, на собственном животе всю передовую, прислал подробные схемы боев за Невель, сражений у деревни Ведусово и Демешкино — они помогли уточнить кое-какие детали...

Торжественной и волнующей была встреча ветеранов войны в дни празднования двадцатилетия великой Победы. Душой сбора явилась неутомимая, несмотря на годы и недуги, полковник в отставке Е. Н. Никифорова. Приветствовать воспитанниц Центральной женской снайперской школы пришли их бывшие командиры. Фронтовички видели военный парад на Красной площади, были на приеме в ЦК ВЛКСМ, где славным дочерям комсомола вручили почетные грамоты.

Мне довелось в эти дни видеться с ними и на официальных приемах и на неофициальных встречах в гостинице «Юность», занятой военной юностью комсомола. До глубокой ночи подруги вспоминали минувшие битвы, пели фронтовые песни, рассказывали о школьных успехах своих детей и сами смеялись, как дети, понятным им одним вещам. Здесь были педагоги и врачи, работницы и научные сотрудники, воспитатели и домашние хозяйки. Но было что-то общее, объединяющее их, помимо прежней армейской дружбы, — то, что они и сейчас на переднем крае жизни, не сложили оружия, хотя фронт стал совсем другим.

Не все ветераны могут похвастать здоровьем, тяготы войны и перенесенные лишения сказываются с годами. Но та же Л. М. Макарова, которой, как никому другому, нужен отдых, долгие вечера, многие воскресенья провела за письменным столом, чтобы лучше вспомнить фронт, полнее ответить на все новые и новые мои вопросы, возникавшие в ходе работы над книгой. Если она чего-то не знала или сомневалась в своей памяти — запрос летел к подруге, нередко живущей в другом конце страны. Так, подробности гибели Кутломаметовой сообщила бывшая Сонина напарница Шура Виноградова, работающая в Донецкой области. О новичках второго пополнения написала Руфа Оськина из-под Ленинграда. А вот о дальнейшей судьбе Зои Бычковой, бывшей напарницы, Любови Михайловне ничего не известно. Если кто-либо из читателей знает в ее послевоенной жизни —> пусть сообщит нам в издательство.

В этой документальной повести о девушках с винтовками далеко не все фамилии героинь помянуты, не все подвиги описаны. Нет сомнения, что выйдут и другие сборники воспоминаний фронтовичек-снайперов, санитарок, летчиц. Интерес нашей молодежи к людям подвига велик, а боевая слава нестареющего Ленинского комсомола не померкнет никогда.

К. Лапин,
л арт 1966 года

СОДЕРЖАНИЕ

Необычные солдаты.. 5
Первый день.. 12
На переднем крае.. 18
Счет открыт.. 24
Родина зовет своих дочерей! 28
Тяжело было в ученье.. 32
Первая фронтовая рота.. 38
Собрание на передовой 43
День за днем.. 48
Мы помогаем разведчикам.. 53
У нас в гостях писатель Ставский... 59
Первый отпуск на войне . 63
Не даем врагу покоя.. 67
Бой за Невель... 74
В наступлении 78
Снова вперед!... 85
Обелиск у Турки-Перевоза.. 88
Дома и стены лечат!.. 92
В тылу врага... 95
Потеря за потерей.. 98
А жизнь продолжается.. 105
«Долина смерти»... 109
Гвардейцы умирают, но не сдаются!.. 118
Высота «Глаз».. 125
Я помогаю минометчикам.. 132
Мы стали коммунистами.. 137
Пустошка, Пустошка!... 141
А счет все растет!... 144
И к нам на фронт пришла весна.. 149
«Товарищ генерал, миленький!..»... 154
Снова среди своих... 158
Снайперская смекалка помогает разведчикам 163

Остановка перед Ригой... 168
Виктор — означает победитель! 172
И пришло мое счастье... 176
В дружной семье разведчиков..180
Мне двадцать лет!...184
Закатилась наша звездочка ясная.. 188
Как Клава «натянула нос» разведчикам......................................194
Встречи и разлуки...198
Привал у границы Германии . 202
Самая горькая моя потеря..205
Бьем врага на его территории..208
«Отгремев, закончились бои...».. 214
Необходимое послесловие , , ... 217